

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

3

2019

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	РУБАНОВ А. В. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: sociology@bsu.by
Заместитель главного редактора	ЛЕГЧИЛИН А. А. – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: liahchylin@bsu.by
Ответственный секретарь	ДОБРОРОДНИЙ Д. Г. – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы, Минск, Беларусь. E-mail: danila_dobr@mail.ru
Агилера М.	Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П.	Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А.	Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П.	Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Данилов А. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л.	Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П.	Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н.	Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В.	Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И.	Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Косецки А.	Пултуска академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
Купченко В. Е.	Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А.	Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С.	Институт социально-гуманитарного образования, Минск, Беларусь.
Мазилов В. А.	Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Новиков В. Т.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Порус В. Н.	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Ротман Д. Г.	Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Румянцева Т. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б.	Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Терещенко О. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Фурманов И. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шатравский С. И.	Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В.	Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А.	Академия последипломного образования, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editor-in-chief **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

Executive secretary **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy and methodology of higher education, National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kosecki A. Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułtusk, Poland.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Laptenok A. S. Institute for Social and Humanities Education, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Novikov V. T. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Fourmanov I. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Yanchuk V. A. Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

К 30-летию факультета философии и социальных наук

To the 30th anniversary of the faculty of philosophy and social sciences

УДК 141.1(430)

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

Т. Г. РУМЯНЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Показана краткая история становления философского факультета в стенах классического европейского университета. Определена миссия, которую он традиционно выполнял в системе европейского образования, воплощая в себе принцип единства науки и формирования целостной картины мира. Проанализировано влияние на развитие классического европейского университета немецкой классической философии в лице ее главных представителей – И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, оставивших ряд блестящих работ, посвященных осмыслению сути университетского образования и места в нем философского факультета. Вскрыты также роль и задачи философии и философского образования в системе современного университета, их значимость в сохранении духовно-нравственной культуры и обеспечении инновационного развития социума, что возможно только при понимании тех вызовов, с которыми сталкивается общество сегодня.

Ключевые слова: философский факультет; прообразы философского факультета; философские факультеты в Йенском и Берлинском университетах; И. Кант; И. Фихте; Х. Ортега-и-Гассет; К. Ясперс; цель и задачи философии и философского факультета в эпоху глобальных вызовов.

Образец цитирования:

Румянцева Т.Г. Философский факультет: история становления. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;3:4–8.

For citation:

Rumyantseva TG. The faculty of philosophy: history of formation. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;3:4–8. Russian.

Автор:

Татьяна Герардовна Румянцева – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Tatsiana G. Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
t.rumyan30@gmail.com

THE FACULTY OF PHILOSOPHY: HISTORY OF FORMATION

T. G. RUMYANTSEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

A brief history of the formation of the faculty of philosophy within the walls of a classical European university is shown; defined the mission that it traditionally performed in the European education system, embodying the principle of the unity of science and the formation of a complete picture of the world. Analyzed the impact on the formation of a classical European university, of German classical philosophy in the face of its main representatives – I. Kant, I. Fichte, F. Schelling and G. Hegel, who left a number of brilliant works dedicated to understanding the essence of university education and the place in it of the faculty of philosophy. The role and tasks of philosophy and philosophical education in the modern university system, their role in preserving the spiritual and moral culture and ensuring the innovative development of society are also revealed, which is possible only with a meaningful understanding of the challenges that society faces today.

Keywords: faculty of philosophy; types of the faculty of philosophy; faculties of philosophy at the Jena and Berlin Universities; I. Kant; I. Fichte; J. Ortega-i-Gasset; K. Jaspers; goal and objectives of the philosophy and philosophy department in the era of global challenges.

Своего рода прообразами философского факультета (разумеется, с большими натяжками) можно было бы назвать созданные еще в античной Греции школу пифагорейцев, Платоновскую академию и лицей Аристотеля.

Так, пифагорейский союз был основан около 530 г. до н. э. в одной из греческих колоний на юге Италии. Вокруг Пифагора здесь сформировалась группа аристократической молодежи и образованных людей – преданных последователей его учения. Новый элемент, который Пифагор привнес в греческую мысль, – это *концепция философии как образа жизни*. Вот почему в школе активно культивировалось членство в группе единомышленников. Это было братство со строгой иерархией и коллективной собственностью закрытой общины. В период обучений новым членам предписывалось молчание в течение долгих пяти лет, пока будущие философы не наделялись правом войти во внутренний круг посвященных и получить преимущество непосредственного личного контакта с основателем школы Пифагором. Притчей во языцех стал набор правил, которыми юные пифагорейцы руководствовались в своем поведении: «Не ешьте бобы»; «Не поднимайте то, что падает со стола»; «Не разрезайте хлеб»; «Не прикасайтесь к белому петуху» и т. д. Хотя, разумеется, подобного рода правила имели сугубо аллегорический характер, способствуя тем не менее укреплению сплоченности и внутренней согласованности этого первого философского учебно-воспитательного заведения, построенного по профессиональному принципу.

Несколько позднее, в 380-х гг. до н. э., недалеко от Афин, в местности, названной в честь мифического героя Академа, Платон основал религиозно-философский союз, названный им академией. В ее стенах преподавали философию, математику, астрономию и ряд естественно-научных дисциплин с использованием диалектического (диалогического)

метода. Платон, а затем и его последователи придавали особое значение в учебно-педагогическом процессе математике, что на века запечатлелось в девизе Платоновской академии, ставшем своего рода сакраментальной фразой: «Не геометр да не войдет!» Большая часть философских дискуссий проходила либо в парке, либо в каком-то закрытом помещении в здании гимназии. В число членов академии входили даже две женщины, что для того времени было весьма редким случаем. Академия просуществовала до 529 г., когда указом византийского императора Юстиниана были закрыты все философские школы в Афинах. Однако история донесла до нас упоминания о существовании второй, третьей, четвертой и даже пятой академий, а также о Флорентийской академии, основанной Марсилио Фичино в ренессансной Италии.

Наконец, реконструируя историю философского факультета, а точнее его предысторию, нельзя не упомянуть и о созданном в древних Афинах ликее (или лицее), среди наставников которого был и Сократ, а затем и Аристотель, посвятивший лицее последние годы своей жизни (335–323 гг. до н. э.). Учеников Аристотеля прозвали перипатетиками, т. е. «теми, кто прогуливается возле ликея». Слава перипатетиков, любивших, как и их учитель Аристотель, рассуждать во время прогулок, также дошла и до наших дней.

Первые университеты возникают в Европе только в XI–XII вв., именно с этого времени мы начинаем отсчет подлинной истории философского факультета. Будучи своего рода ученой корпорацией, организованным союзом обучающихся и обучающихся, тогдашние университеты традиционно включали в себя три высших факультета: теологический, юридический, медицинский. В качестве же четвертого, или так называемого низшего, факультета (так он будет именоваться еще несколько веков) выступал факультет свободных искусств –

artes liberales. Под ними в Средние века понимались семь светских наук: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка, которые составили *собственно философский факультет*. Кстати, низшим его называли только потому, что он занимал особое место в университетах того времени, выполняя функцию подготовительного факультета, где на латыни преподавались вышеперечисленные «семь свободных искусств» (или «артес»), отчего его называли еще и артистическим.

Университет в современном значении этого слова появляется на стыке XVIII–XIX вв. как переломный центр развития науки, образования и культуры. На первое место в образовательных стратегиях выдвигается принцип единства преподавания и научного исследования, а способность активно участвовать в приращении и умножении научного знания становится тем важнейшим качеством, благодаря которому человек может претендовать на должность университетского профессора.

Большое влияние на формирование европейских, в частности немецких, университетов, на долгие десятилетия воплотивших в себе модель идеального научно-образовательного центра, оказала немецкая классическая философия в лице ее главных представителей – И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, которые не только оставили нам ряд блестящих работ, посвященных осмыслению сути университетского образования, но и, за исключением Ф. Шеллинга, избирались на должность ректора в ведущих университетах своего времени, непосредственно воплощая в жизнь программные требования своих теоретических разработок. Ф. Шеллинг, будучи генеральным секретарем Академии художеств в Баварии, обосновывал в своей книге «Лекции о методе университетского образования» единство человеческого знания как «единой науки» об универсальной силе постижения *Целого*, необходимости соединения образовательного процесса и научно-исследовательской деятельности [1]. Главным принципом и целью существования университета стало *образование наукой*, что нашло свое выражение в немецком слове *Bildung*, которое означает *творческое* совершенствование личности путем науки в противовес утилитарному обучению исключительно навыкам будущей профессии.

В рамках такого видения университетской стратегии стало важным формирование *единой картины мира*, не акцентирование отдельных эмпирических фактов, а обоснование методологии научного познания, формирование у обучающихся систематического и целостного мировоззрения, синтез всего накопленного частными науками с помощью философии, или, как ее называли тогда, «науки наук». Ясно, что миссия такого рода целиком и полностью могла быть возложена именно на философский факультет, который, однако, в те времена выглядел

совсем иначе, чем сегодня. Так, он не должен был готовить студентов к какой-то конкретной профессии – это была своего рода подготовительная школа для высших факультетов, почти как в Средние века. Лишь к концу XVIII в., т. е. уже во времена И. Канта, философский факультет превратился в основу всего университетского образования, охватив и объединив практически все науки. И. Кант подробно описал его структуру в своей знаменитой работе «Спор факультетов» (1798) и показал, что входящие в него гуманитарные и естественные науки в сумме и образуют целостность человеческого знания. Факультет состоял из «отделения *исторического познания* (к которому относятся история, география, языкознание, гуманистика со всем, что дает природоведение, опирающееся на эмпирическое знание) и отделения *чистого познания разумом* (чистой математики и чистой философии, метафизики природы и нравов); между обоими отделениями существует взаимная связь». Заклучая в себе, таким образом, все области человеческого знания и имея поэтому своей целью «пользу всех наук», философский факультет претендовал на то, «чтобы быть испытателем истинности всех учений, на пользу всех наук» [2, с. 325]. Только благодаря его разделению на математико-естественно-научный и гуманитарный факультеты (ставший позднее собственно философским) число факультетов в современных университетах начало увеличиваться.

Отмечая суть самого понятия «философский факультет» и сравнивая его с тремя высшими факультетами, И. Кант подчеркивал, что в отличие от последних философский факультет подчиняется только законодательству разума, потому что нельзя признать что-то за истину только потому, что оно «предписано сверху». Именно философский факультет должен отыскивать истину на пользу всем наукам. Он «не должен складывать оружия ввиду опасности, грозящей истине, защита которой возложена на него», не обещает человеку блаженства после смерти, гарантии собственности при жизни и физического наслаждения, как высшие факультеты, придерживается лишь того, что «человек сам может и должен делать: жить честно, ни с кем не поступать несправедливо, быть умеренным в наслаждении, терпеливым в болезни и прежде всего рассчитывать на самопомощь организма» [2, с. 327].

Существенный теоретический вклад в выявление места и роли философского факультета внес И. Фихте, не раз писавший о том, что философия как наука должна дать всем наукам основоположения, которые им не придется каждый раз обосновывать, доказывая их достоверность, для чего ей необходимо включить в свой предмет человека, познающего субъекта. Таким образом, философия принимает характер мировоззренческой системы. В работе «Несколько лекций о назначении

ученого» (1794) философ видит «первую задачу для всякого философского исследования» в решении вопроса о назначении человека вообще и в оказании «содействий культуре и повышении гуманности, в распространении образования» [3, с. 19].

То, что И. Кант, И. Фихте и Ф. Шеллинг вкладывали в понятие «идеальный университет», то, каким им виделось место в нем факультета философии, было воплощено в жизнь в Йенском университете. Так, во времена пребывания там в качестве профессора И. Фихте (1794–1799) это учреждение стало истинным центром немецкой литературы, философии, культуры и образования в целом. Ф. Шиллер, В. фон Гумбольдт, И. Гете, И. Фихте, К. Рейнгольд, братья Шлегель, Новалис, Л. Тик, Ф. Шеллинг «правили здесь бал», а число профессоров-философов по отношению к другим профессорах составляло 9 к 42. Только к 1805–1807 гг., когда «перепроизводство» любителей мудрости и число преподавателей философии в университете уменьшились, Йена, по словам прибывшего туда в это время Г. Гегеля, «пришла в упадок». Об этом он напишет в письме к И. Фоссу в 1805 г.: «Вы сами отлично знаете, что Йена, которая благодаря прогрессу науки и солидарности ученых некогда представляла интерес, теперь утратила его для человека, который пытается черпать там вдохновение в делах науки и жизненные силы для самого себя» [4, с. 247].

Эстафету у Йены примет учрежденный в 1809 г. по инициативе В. фон Гумбольдта Берлинский университет, который станет в XIX в. одним из крупнейших европейских научных и образовательных центров. Сам университет, и философский факультет, и кафедру здесь возглавят сначала И. Фихте, а затем Г. Гегель, которого пригласят сюда для того, чтобы способствовать духовному возрождению нации путем содействия воспитанию и развитию юношества. Учению Г. Гегеля придадут статус той духовной силы, которая единственная способна энциклопедически осветить ход развития современного мира и которая поэтому является реальной, действенной силой национального возрождения государства после серии опустошительных войн. Все естественно-научные кафедры, а также историко-философские и экономические дисциплины будут фактически сосредоточены на философском факультете университета и станут в течение долгих десятилетий держать лидерство по числу студентов. Именно здесь будет инициирована такая новая форма обучения, как научно-исследовательский семинар, знаменовавший единство науки и образования, а любые занятия наукой станут во многом ассоциироваться именно с философией. А. Ю. Андреев в книге «Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы» приводит забавную цитату из письма одного из российских студентов, проходивших обучение в Берлине: здесь «как на-

добно каждый день обедать, так надобно заниматься философией».

Кстати, своеобразную параллель с такого рода высокой миссией университета в целом и философского факультета в частности можно усмотреть в том, что в 1945 г., после разгрома нацизма, в тяжелый период духовного возрождения Германии и очищения ее от фашистской идеологии, немецкий мыслитель К. Ясперс в своей знаменитой работе «Идея университета» будет отстаивать в качестве первостепенной задачи этого учебного заведения не простую трансляцию знаний, а духовное формирование всего человека. Ясно, что такого рода мировоззренческую задачу призван был решать именно философский факультет. О подобной высокой миссии еще раньше писал и Х. Ортега-и-Гассет, отмечая, что ядром университета должен стать факультет культуры, где будет воспитываться и совершенствоваться специфический синтезирующий талант, и только «тогда университет снова станет тем, чем он был в свои лучшие годы: движущим началом европейской истории» [5, с. 65].

Обращаясь к современности, мы видим, однако, утрату значения и роли философского факультета в университетском образовании. Общим местом стала фиксация факта о сокращении числа учебных курсов по философским дисциплинам и почти полное отсутствие понимания роли и места философии как в образовательном процессе, так и в обществе в целом. Более того, нет и осознания той особой миссии, которую философия несла и продолжает нести, в том числе и в современной культуре. Будучи особой формой познания мира, вырабатывающей систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни во всех ее основных проявлениях, философия всегда стремилась создать предельно обобщенную картину мира и определить место в нем человека. Сама жизнь заставляла ее искать мировоззренческие ориентиры человеческой жизнедеятельности. Являясь своего рода центром «высокой культуры», она традиционно концентрировала, сохраняла и транслировала духовные ценности, защищая как общество в целом, так и отдельного индивида в частности от исключительно утилитарной расчетливости и прагматизма, прививая последнему умение правильно мыслить и достойно жить. И. Кант отмечал, что философия крайне нужна человеку, так как она учит подобающим образом занять указанное ему место в мире, тому, каким быть, чтобы быть человеком.

И сегодня философия и философский факультет должны не только сохранить свое важное место в культуре и университетском образовании. Их значимость чрезвычайно возрастает, так как в информационном обществе неимоверно увеличиваются

темпы трансформационных процессов, основания человеческой деятельности также претерпевают серьезные изменения, и философский факультет не может быть в стороне от такого рода процессов. Отнюдь не претендуя на положение «науки наук» и отказавшись от исключительно абстрактного теоретизирования по поводу вечных вопросов бытия и познания, философия должна стать своего рода практическим делом по отысканию новых фундаментальных оснований человеческой деятельности, активно участвуя в жизни общества и осмыслении самых актуальных проблем современного мира. Вспоминается И. Кант и сформулированные им сакраментальные философские вопросы о том, что я могу знать, что я должен делать, на что могу надеяться и что такое человек.

Фиксируя основные смыслы современных социальных изменений, философия должна осуществлять и универсальную критическую рефлексию, иницируя поиски новых стратегий развития общества и человека, формируя соответствующее эпохе мировоззрение и предлагая осязаемые контуры желаемого будущего.

Все это убеждает нас в важности серьезного отношения к философскому образованию в рамках современного университета, а также необходимом усилении в нем гуманитарной компоненты в целях не только сохранения духовной культуры и трансляции нравственных ценностей, но и обеспечения инновационного развития нашего общества, что возможно только при осмысленном понимании тех вызовов, с которыми оно сегодня сталкивается.

Библиографические ссылки

1. Шеллинг ФВЙ фон. *Лекции о методе университетского образования*. Фокин И, переводчик. Санкт-Петербург: Мир; 2009. 352 с.
2. Кант И. Спор факультетов. В: Кант И. *Собрание сочинений*. Том 6. Асмус ВФ, редактор. Москва: Мысль; 1966. с. 257–347.
3. Фихте ИГ. *Несколько лекций о назначении ученого*. В: Фихте ИГ. *Сочинения в двух томах*. Том 2. Волжский В, составитель. Санкт-Петербург: Мифрил; 1993. с. 7–65.
4. Гегель ГВФ. *Работы разных лет*. Том 2. Арзаканян ЦТ; переводчик, Гулыга АВ, редактор. Москва: Мысль; 1971. 627 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. *Миссия университета*. Голубева МН, переводчик; Гусаковский МА, редактор. Минск: БГУ; 2005. 104 с.

References

1. Schelling FWJ von. *Lektsii o metode universitetskogo obrazovaniya* [Lectures on university education]. Fokin I, translator. Saint Petersburg: Mir; 2009. 352 p. Russian.
2. Kant I. [The Conflict of the Faculties]. In: Kant I. *Sobranie sochinenii*. Tom 6 [Collected works. Volume 6]. Asmus VF, editor. Moscow: Mysl'; 1966. p. 257–347. Russian.
3. Fichte JG. [Several lectures on the appointment of a scientist]. In: Fichte JG. *Sochineniya v dvukh tomakh*. Tom 2 [Works in two volumes. Volume 2]. Volszhskiy V, compiler. Saint Petersburg: Mifril; 1993. p. 7–65. Russian.
4. Hegel GWF. *Raboty raznykh let*. Tom 2 [Works of different years. Volume 2]. Arzakanyan TsT, translator; Gulyga AV, editor. Moscow: Mysl'; 1971. 627 p. Russian.
5. Ortega-i-Gasset H. *Missiya universiteta* [Mission of the university]. Golubeva MN, translator; Gusakovskiy MA, editor. Minsk: Belarusian State University; 2005. 104 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 25.06.2019.
Received by editorial board 25.06.2019.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 101,8;167/168

ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ И НАУЧНОСТИ КОСМИЧЕСКИХ ИДЕЙ А. Л. ЧИЖЕВСКОГО

П. С. КАРАКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается роль философского принципа детерминизма как методологической основы космических идей А. Л. Чижевского. Подчеркивается значимость статистического детерминизма в становлении и осуществлении космической исследовательской программы ученого, отмечаются ее научная выраженность и место в системе постижения наукой 1920–30-х гг. социоприродных процессов. Приводятся результаты современных исследований, подтверждающие основные научные выводы А. Л. Чижевского. Обращается внимание на необходимость их дальнейшего анализа и включения в систему образования.

Ключевые слова: космизм; гелиотараксия; статистический детерминизм; гелиобиология; всемирно-исторический процесс; теоретическая история; синергетика; математическое моделирование.

THE PROBLEM OF THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS AND SCIENTIFIC NATURE OF THE COSMIC IDEAS OF A. L. CHIZHEVSKY

P. S. KARAKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The role of the philosophical principle of determinism as the methodological basis of A. L. Chizhevsky's cosmic ideas is revealed. The significance of statistical determinism in the development and implementation of his space research program is underlined. Its scientific expression and place in the system of directions of comprehension of socio-natural processes by

Образец цитирования:

Карак ПС. Проблема философских оснований и научности космических идей А. Л. Чижевского. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;3:9–15.

For citation:

Karako PS. The problem of the philosophical foundations and scientific nature of the cosmic ideas of A. L. Chizhevsky. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:9–15. Russian.

Автор:

Петр Семенович Карак – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Petr S. Karako, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kafedra628@gmail.com

the science of the 1920–30s are noted. The results of research of modern scientists confirming the basic scientific conclusions of A. L. Chizhevsky are presented. Attention is also drawn to the need for their further comprehension and inclusion in the education system.

Keywords: cosmism; heliotaraxy; statistical determinism; heliobiology; world-historical process; theoretical history; synergetics; mathematical modeling.

В нашей специальной работе, посвященной исследованию творчества видного представителя русского космизма А. Л. Чижевского (1897–1964), раскрывались особенности его космической лирики, содержание концепций космопланетарной выраженности жизни на Земле и всемирно-исторического процесса [1]. Ограниченный объем работы не позволил в должной мере раскрыть философские основания и научную обоснованность космической идеи ученого. Еще при жизни А. Л. Чижевского и до сих пор эти проблемы обсуждаются и вызывают различные оценки, в том числе и спорные.

Так, Р. Баландин пишет, что метод Чижевского в постижении социальных процессов обусловил появление концепции, «искажающей саму суть истории человечества» [2, с. 252]. Для автора процитированного утверждения сомнительны и многие методические, научные и философские основы работы А. Л. Чижевского «Физические факторы исторического процесса» (1924) [2, с. 253]. С такого рода выводами нельзя согласиться: они голословны и не подтверждаются конкретными фактами и их обоснованием. Столь же спорно и суждение В. А. Васильева, что А. Л. Чижевский является «последователем» основоположника русского космизма Н. Ф. Федорова [3, с. 176]. Как известно, Н. Ф. Федоров (1828–1903) был основателем религиозно-философской ветви русского космизма.

Особенности детерминистской точки зрения на исторический процесс

Следует отметить, что философской основой подлинно научного труда А. Л. Чижевского «Физические факторы исторического процесса» являлся философский принцип детерминизма, но его содержание не получило в этой книге должного обоснования и раскрытия. Оценки работы, последовавшие после ее издания, особенно негативные, побудили ученого более обстоятельно изложить философские основы своей работы и, в частности, понимание им детерминистской обусловленности исторического процесса. В 1928 г. А. Л. Чижевский написал специальную работу под названием «Гелиотараксия». В 1929 г. статья была издана на французском языке во Франции. На русском языке она была опубликована только в 1995 г. На наш взгляд, гелиотараксия есть учение о влиянии солнечной активности на поведение больших масс людей. Как осуществляется эта детерминированность поведения людей? Носит ли она жесткую, однозначную выраженность?

Ответы на поставленные вопросы дает автор статьи, отмечая, что одной из первых философских предпосылок, побудивших его раскрыть механиз-

А. Л. Чижевский не разделял религиозных воззрений на природу, в его трудах нами не замечено даже упоминания фамилии этого космиста.

В современной научной литературе имеют место и весьма односторонние трактовки понимания А. Л. Чижевским сущности детерминизма. В этом плане характерными следует считать суждения В. В. Казютинского. Он утверждает, что А. Л. Чижевский «был убежден в существовании единого физического закона, определяющего в конечном счете все процессы в мире, универсальный детерминизм как форму проявления этого закона. Считал, что космическая энергия всецело обуславливает все жизненные процессы в биосфере... и важнейшие социальные события зависят от ритмов солнечной активности» [4, с. 360]. Однако космический детерминизм Чижевского не носил столь жесткой выраженности.

Перечень спорных, да и ошибочных суждений относительно философских оснований космизма Чижевского можно продолжать и далее. Однако мы ограничимся вышеприведенными. Их наличие свидетельствует об отсутствии в научной литературе объективного и целостного анализа философских воззрений этого космиста. На такое исследование и ориентирована данная статья. В ее начале раскрыто содержание космического детерминизма Чижевского.

мы поведения и движения народных масс, явилась «древняя точка зрения на Землю, на ее органический и неорганический мир как нечто целое, нераздельное, части которого находятся в постоянной зависимости друг от друга, связаны друг с другом крепкими узами родства – физико-химическими отношениями» [5, с. 698–699]. Такую позицию А. Л. Чижевский называет «правильной», так как она подтверждается данными современной науки.

Признание вышеотмеченного положения позволило ученому предположить и наличие внутренних и внешних факторов, обуславливающих изменения и движения в человеческом мире: «Мне казалось особенно важным проследить, не стоят ли массовые движения, возникающие под влиянием политико-экономических причин и охватывающие иногда целые страны и материки, в соотношении с какими-либо мощными пертурбациями во внешнем мире» [5, с. 699]. Самой значимой из таких пертурбаций А. Л. Чижевский считал изменение солнечной активности. В труде «Физические факторы исторического процесса» он раскрыл корреляцию между пиками проявления солнечной активности

и войнами, восстаниями, захватами чужих территорий, зафиксированными историками. Оказалось, что все они имеют циклическую выраженность, соответствующую солнечной активности. На основании такого совпадения был сделан вывод: «Течение всемирно-исторического процесса составляется из непрерывного ряда циклов, занимающих промежуток времени, равным, в среднестатистическом, 11 годам, и синхронных в степени своей активности периодической пятнообразовательной активности Солнца» [6, с. 50].

Раскрытие синхронности отмеченных процессов позволило А. Л. Чижевскому сформулировать законы разработанной им концепции всемирно-исторического процесса. Первый из них касается того факта, что повышение энергетической активности Солнца приводит к резкому изменению нервно-психологической сферы и отдельного человека, и больших масс людей. Человек оказывается предрасположенным к восприятию энергии Солнца. В трактовке космиста первый закон выражается в следующей формулировке: «Состояние предрасположения к поведению человеческих масс есть функция энергетической деятельности Солнца» [5, с. 701].

Но такое состояние еще недостаточно для достижения определенных целей многих людей. Необходимо сплоченность и совместность их действий: только это сможет привести к реализации тех или иных социальных задач. Фактором их осуществления является идея, которая порождается условиями жизни людей (их материальным положением, политическим угнетением и т. д.), – тем социально-политическим фактором, который объединяет поступки людей и направляет их на достижение поставленных ими социальных целей. На основе всего вышесказанного А. Л. Чижевский формулирует второй закон: «При наличии определяющего массы (политико-экономического) фактора указанные индивидуальные поступки устремляются в одну сторону и создают в среднем единообразное поведение массы людей» [5, с. 701].

Политико-экономический фактор – это та причина, которая формирует коллективы, направляет их поступки и действия на достижение конкретных социальных целей. Но скорость и широта становления такого рода коллективов определяется, по мнению А. Л. Чижевского, действием «космического агента», т. е. солнечной активностью. Ее место и роль в деятельности людей фиксируется в третьем законе: «Резкие подъемы в солнцедая-

тельности стремятся превратить потенциальную нервную энергию (энергию нервно-психического накопления) в энергию нервно-психического разряда и движения (гиперкинез)» [5, с. 701].

В свете всего сказанного А. Л. Чижевский считал Солнце «генератором нервно-психической энергии» и возбудимости людей, а социальный фактор – объединяющим и целенаправляющим действия коллективов на решение их проблем.

Содержание названных законов, хотя и не в приведенных формулировках, фиксировалось А. Л. Чижевским и в труде «Физические факторы исторического процесса» [6, с. 60]. По сути, они являлись выражением детерминистской стратегии исследования русским космистом механизмов всемирно-исторического процесса. Ученый подчеркивал, что на основе совпадения максимумов солнечной активности и крупных социальных изменений «мы должны прийти к детерминистской точке зрения на исторический процесс» [5, с. 679]. Данная точка зрения стала методологической основой концепции исторического процесса, причем и на ранних этапах исследования А. Л. Чижевским динамики исторических процессов, и в последующие годы их изучения.

А. Л. Чижевский осознавал и то, что его исследования и выводы могут стать предметом спекуляций и примитивных оценок. В силу этого он пытался уменьшить пыл тех читателей его первой книги, которые будут искаженно комментировать ее содержание. Для них он писал: «...было бы совершенно ошибочно предполагать, что периодическая деятельность Солнца является основной причиной тех или иных исторических событий. Всякое такое событие есть динамическая реакция человеческих масс от всех действующих на них политических и экономических, а равно и естественных раздражителей, изменяющих их поведение и обуславливающих собою интеллектуальное и социальное развитие человечества» [6, с. 60].

Как видим, космист А. Л. Чижевский весьма четко выражал детерминистскую точку зрения на обусловленность исторических явлений. Но все сказанное порождает новые вопросы. Какой формы детерминизма он придерживался? Вписывались ли его представления о детерминизме в методологические основы естествознания 1920–30-х гг.? Ответ на поставленные вопросы можно будет получить при изучении прежде всего того метода, который использовал А. Л. Чижевский при исследовании динамики исторических процессов.

Статистический детерминизм как методологическая основа исследовательской программы А. Л. Чижевского

Совпадение времени возникновения ряда социальных явлений (революций, войн и др.) и максимумов солнечной активности в России фиксировались многими исследователями. А. Л. Чижевский отмечает вклад Д. О. Святского, В. М. Бехтерева,

П. П. Лазарева и других ученых в анализ таких совпадений [6]. При этом особое внимание он уделяет воззрениям академика В. М. Бехтерева (1857–1927) на наличие влияния Солнца и космоса в целом на поведение больших масс людей, из-

ложенным в труде «Коллективная рефлексология» (1921). В этой работе внимание А. Л. Чижевского привлекло положение о существовании «известного соотношения между поведением больших коллективов на Земле и состоянием нашего животворящего светила – Солнца, а состояние Солнца должно, в свою очередь, стоять... в связи со всей Вселенной» [7, с. 409]. В подтверждение сказанному В. М. Бехтерев приводит факты совпадения максимумов солнечной активности и социальных революций в Западной Европе и России, отмеченные в одной из работ историка Д. О. Святского. Так, солнечная активность была особенно сильной в 1830, 1848, 1860, 1870, 1905 и 1917 гг. Тогда же произошли и революции: Июльская революция (1830), Февральская революция (1848) во Франции, революция в Италии (1860), Парижская коммуна (1870), русские революции (1905 и 1917 г.). Академик Бехтерев называет такое совпадение неслучайным и делает вывод, что «если пульс человечества действительно бьется в унисон с биением космического сердца нашей планетной системы, то можно попытаться на этом основании составить нечто вроде политического гороскопа грядущих лет» [7, с. 410].

В. М. Бехтерев не ограничился сказанным. Он предложил и научный метод исследования и выражения такого рода совпадений, обоснования их возможных проявлений в будущем. Одним из наиболее продуктивных и точных методов он называл статистический, эффективность которого в постижении социальных явлений (преступности, социального неравенства и др.) не вызвала у него сомнений [7, с. 395].

Вопросы влияния космических факторов на все живое, в том числе и человека, в 1920-х гг. получили свое обоснование и в воззрениях видного биофизика академика П. П. Лазарева (1878–1942). Он считал, что исследования такого рода влияний приведут к открытию соответствующего закона: «Изучение явлений общественных в связи с явлениями геофизическими и космическими должно пролить некоторый свет на общий закон, управляющий массовыми действиями людей, и дать возможность научного обоснования изучения законов человеческого общества» [8, с. 60]. При этом ученый подчеркивал необходимость использования математических, статистических методов в познании и объяснении законов бытия и динамики человеческого общества.

А. Л. Чижевский ссылается и на известное положение академика И. П. Павлова (1849–1936) о значимости математического анализа в исследовании механизмов взаимоотношения живого со средой своего обитания: «Придет время, – пусть отдаленное, – когда математический анализ, опираясь на естественно-научный, охватит величественными формулами уравнений все формы отношения живого к своему окружению [6, с. 53]. Он выражал уверенность и в том, что в эти уравнения человек включит и самого себя.

Цитируемые суждения весьма авторитетных ученых А. Л. Чижевский приводит для того, чтобы подтвердить научную выраженность своих собственных исследований и их включенность в русло складывающейся научно-исследовательской программы постижения механизмов детерминации всемирно-исторического процесса. Он самостоятельно сформулировал и реализовал свою оригинальную исследовательскую программу. Принципиальное место в ней занимал объект исследования – массовые действия людей: «Я начал исследование с макроанализа явлений» [5, с. 244]. Для их учета и выражения А. Л. Чижевский использовал статистический метод. Далее результаты статистических исследований соотносились с историческими фактами. Этим самым раскрывалось место массовых действий людей в истории. На основе историко-статистических исследований ученый выявил «эмпирические закономерности массовой деятельности человечества, ее периодичности» [5, с. 249]. Оказалось, что она имеет повторяющуюся выраженность, равную 11,1 года. Такую же периодичность имела и солнечная активность.

Все отмеченное позволило А. Л. Чижевскому дать свое определение понятию «всемирно-исторический процесс», которое «наиболее полным, исчерпывающим образом уясняет основную сущность нашего статистического учета... позволяет представить себе все человечество независимо от того, объединено или разъединено оно, в любой данный момент времени, т. е. настоящий термин включает в себе элементы понятия для хода всемирно-исторической эволюции» [5, с. 252]. Эволюцию стало возможно выразить в форме соответствующих таблиц и специальных графических рисунков, где показано, что количество массовых движений людей в определенное историческое время и периоды наивысшей активности Солнца оказываются синхронными.

Статистические методы использовались А. Л. Чижевским плодотворно и при выяснении связи между периодами солнечной активности и временем возникновения эпидемий, пандемий, высокой смертности людей и других феноменов, происходивших в биосфере Земли. Для выявления и выражения такой связи им использовались математические уравнения, разработанные видным русским статистиком В. И. Хотимским (1892–1939). С помощью этих уравнений А. Л. Чижевскому удалось установить наличие связи между пиками солнечной активности и распространением отмеченных явлений. На базе исследований подобного рода уже в 1930-х гг. зародилась и новая научная дисциплина – *гелиобиология*.

Стремление А. Л. Чижевского использовать статистические закономерности при обнаружении связей между земными процессами и космическими факторами находилось в русле поиска наукой 1920-х гг. общих методологических принци-

пов познания природных объектов и процессов. В этот период возникает и оформляется новая область физики – *квантовая механика*. Ее основатели (Н. Бор, М. Борн, В. Гейзенберг, П. Дирак и др.) обосновали значимость статистических причинных связей и новой формы детерминизма – статистического (или вероятностного) детерминизма – для этой теории. В трудах В. И. Вернадского (1863–1945) «Биосфера» (1926) и «Очерки геохимии» (1927) объяснялась важность указанной формы детерминизма в ходе анализа биосферных процессов. Более подробно содержание его воззрений по рассматриваемому вопросу раскрыто нами в специальной работе [9]. А. Л. Чижевский не только разделял детерминистские взгляды В. И. Вернадского, но и плодотворно использовал их в своих научных исследованиях. Характер взаимоотношений этих космистов кратко освещен автором данной статьи [1].

Все вышеперечисленное позволяет сделать вывод, что методологическая основа космических идей А. Л. Чижевского – статистический детерминизм. Специальное применение его в ходе конкретных исследований, посвященных земным явлениям и роли космических факторов в их порождении, привело к получению и значимых научных результатов: «Каждое новое завоевание науки приносит нам новые доказательства правоты детерминист-

ской точки зрения на всю нашу деятельность и всю окружающую нас действительность» [5, с. 672].

На методологической основе новой формы детерминизма А. Л. Чижевским была сформулирована и его итоговая точка зрения на исторический процесс: «Становится все яснее и яснее тот факт, что и социально-исторический процесс не является процессом, замкнутым в себе, а протекает под воздействием всей сложной совокупности явлений окружающей природы как неогического (социального. – П. К.), так и космического порядка» [5, с. 673]. Он выражал уверенность и в том, что высказанные им суждения получают все большее и большее признание в науке. Но при жизни А. Л. Чижевского его космические идеи поддерживали только академики В. И. Вернадский, Д. К. Зоболотный, П. П. Лазарев, А. В. Леонтович и некоторые другие крупные ученые того времени. Особенно значимыми были для него оценки учителя, старшего товарища и научного консультанта К. Э. Циолковского (1857–1935). Неприятие идей космиста, их жесткая ненаучная критика продолжалась и после его ухода из жизни.

Сказанное порождает вопрос: как в современном научном знании воспринимаются положения А. Л. Чижевского о влиянии солнечной активности на биосферу и человека?

О научности основных космических идей А. Л. Чижевского

Первостепенное значение будет иметь обоснование научности идеи А. Л. Чижевского о периодичности исторических процессов и ее корреляции с циклами солнечной активности. При его жизни и в последующие годы отечественные исследователи к данной проблеме не обращались. Интерес к ней, да и другим идеям космиста стал проявляться только в 1990-х гг., причем особую активность в исследовании научного наследия А. Л. Чижевского, проверке многих его научных выводов продемонстрировали представители биофизики – научной дисциплины, к становлению которой он был причастен. Так, в академическом журнале «Биофизика» в 1992 г. был опубликован ряд работ, посвященных проверке некоторых идей ученого. Наше внимание привлекла статья А. А. Путилова, в которой приведены результаты эмпирической проверки достоверности вышеотмеченной корреляции. Автор на основе 17 тыс. исторических фактов (революций, контрреволюций, интервенций и т. д.), взятых из 16-томной «Советской исторической энциклопедии» (1961–1976) и 11-томной «Всемирной истории» (1956–1977), обнаружил их совпадение с периодами солнечной активности, зафиксированными астрономами. Исследователь сделал вывод, что «гелиотараксические явления существуют и связаны в основном с годом максимума 11-летнего солнечного цикла» [10, с. 633].

Научная обстоятельность идей А. Л. Чижевского исследована и биофизиком Б. М. Владимирским.

Предметом его проверки стали следующие выводы русского космиста: 1) солнечная активность влияет на индивидуальное и коллективное поведение людей, а также на социальную динамику (гелиотараксию); 2) ритмы биологических процессов (эпидемий, пандемий и других явлений) совпадают с периодами вариаций солнечной активности; 3) воздействие солнечной активности на биологические процессы – явление общебиологическое (его исследованием занимается гелиобиология). Данные выводы, утверждает ученый, «следует считать полностью подтвержденными» [11, с. 566]. Экспериментальные исследования не подтвердили эффект Чижевского – Вельховера [1]: он имеет краткую, недельную выраженность своей ритмичности. Б. М. Владимирский особенно подчеркивает научность гелиобиологии, которая «не только успешно выдержала проверку временем, но и занимает в настоящее время в системе естествознания достойное место, оставаясь катализатором развития подлинных новаций» [11, с. 569]. Эта область знания стимулирует развитие концепций ритмологии, идей В. И. Вернадского о биосфере, современное описание динамики социальных процессов и т. д.

Вопросы влияния солнечной активности на становление и протекание социальных явлений (революций, массовых беспорядков, правительственных кризисов, партизанских действий и т. п.) были предметом специального исследования А. В. Коротяева и его коллег. Проведенный ими эмпириче-

ский анализ корреляции между этими процессами и периодическими ритмами солнечной активности позволил сделать вывод, что «динамика солнечной активности может быть статистически значимым фактором социально-политической дестабилизации» [12, с. 202] того или иного общества. Исследователи акцентируют, что установленный ими фактор достоверно обуславливает только «обострение психических расстройств у значительного числа людей» [12, с. 201], которые в таком состоянии и выступают субъектами массовых беспорядков и других социальных явлений.

Пожалуй, самым достоверным доказательством научности идеи А. Л. Чижевского о детерминации исторического процесса следует считать то, что она может быть выражена с помощью математических моделей. Такое исследование было осуществлено П. В. Турчиным. Он показал, что многие исторические явления и их цикличность можно представить в математических моделях и, более того, эта цикличность совместима с 11-летними колебаниями солнечной активности. Обнаружилось и ее совпадение с волнами Кондратьева. На основании установленных фактов совпадения естественных и социальных процессов, их математической выраженности П. В. Турчин заключает, что правомерно считать «историческую динамику набором циклов с различными периодами, наложенными друг на друга» [13, с. 264]. Исследование П. В. Турчина является одной из первых работ, посвященных разработке и обоснованию новой области междисциплинарных исследований – *теоретической истории*. Эта область знания формируется на основе использования методов и знаний, добытых исторической наукой, а также формализованных математических моделей. Благодаря такой интеграции история из описательной науки превращается в область знания, способную дать прогноз относительно последних состояний многих социальных явлений. В силу этого она может стать и наукой управления социальными процессами. Все это и определило высокую оценку труда П. В. Турчина представителями синергетики (Г. Г. Малинецкий и др.).

Следует отметить, что обоснованные советским экономистом Н. Д. Кондратьевым (1892–1938) представления о волновом, циклическом развитии мировой экономики были известны и А. Л. Чижевскому. В конце 1920-х гг. он писал, что его идеи о возможности прогнозирования социально-экономических явлений совпадают с положениями Н. Кондратьева по этому вопросу. Чижевский упоминал о «прекрасной статье Кондратьева, где высказано много интересных и поучительных идей» [5, с. 687]. Видимо, космист имел в виду его статью «Большие циклы конъюнктуры» (1925), в которой раскрывалась циклическая выраженность динамики экономики, войн и других социальных потрясений в «процессах капиталистического развития» [14, с. 63].

В современных исследованиях, посвященных проявлению циклов (волн) Кондратьева, установлено, что их максимумы и минимумы синхронны соответствующим периодам солнечной активности, причем космическая синхронизация волн реализуется через солнечный ветер – магнитосферу [15, с. 144]. Солнечная активность обуславливает возмущение магнитосферы и ионосферы верхних слоев атмосферы Земли, что приводит к ее напряженности, которая, в свою очередь, является фактором повышения психической возбудимости людей, что выражается в их соответствующих социальных действиях.

Убедительное подтверждение научности космических представлений А. Л. Чижевского приведены в статье российских ученых [16]. В ней обобщены результаты различных исследований, направленных на выявление приоритета русского космиста в постановке и решении проблемы *космическая погода – социум*. Авторы отмечают достоверность и обоснованность воззрений А. Л. Чижевского по данному вопросу, а один из них, Б. Владимирский, в отдельной работе замечает, что даже «самое скандальное заявление А. Л. Чижевского» о детерминации социальных революций максимумом солнечной активности «подтверждено с помощью современных исследовательских технологий. И об этом написано в академических журналах... сейчас накоплено уже столько всяких сведений о связи изменений космической погоды с общественной жизнью прошлых эпох, что с этим надо что-то делать» [15, с. 5, 87–88]. Действительно, надо продолжать выявлять механизмы воздействия космических факторов на здоровье и поведение людей, информировать их о последствиях такого рода влияний, включать результаты исследований по проблеме *космос – человек – социум* в учебную работу со студентами и магистрантами.

Как видим, современные эмпирические проверки истинности суждений А. Л. Чижевского о факторах детерминации социальной динамики позволяют сделать вывод о их научной состоятельности. Его идеи воспроизводятся в работах специалистов разного научного профиля. Существенным показателем их научности следует считать и то, что они подлежат математическому моделированию. В настоящее время идеи русского космиста включаются в систему междисциплинарных исследований, являются основой для становления новых направлений научного знания (теоретической истории, ритмологии и т. д.). Исследования самого А. Л. Чижевского и его современных сторонников существенно обогащают и расширяют сферу приложения диалектико-материалистического принципа детерминизма. Все сказанное есть подтверждение научной выраженности идей и положений выдающегося представителя русского космизма – Александра Леонидовича Чижевского.

Библиографические ссылки

1. Карако ПС. «Космическая философия» А. Л. Чижевского: сущность и место в системе русского космизма. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:40–50.
2. Баландин Р. Законы природы в жизни общества. *Новый мир*. 1993;5:251–253.
3. Васильев ВА. Н. Ф. Федоров – основоположник русского космизма. *Социально-гуманитарные знания*. 2017;6:169–178.
4. Казютинский ВВ. Чижевский Александр Леонидович. В: Степин ВС, редактор. *Новая философская энциклопедия. Том 4*. Москва: Мысль; 2010. 360 с.
5. Чижевский АЛ. *Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия*. Москва: Мысль; 1995. 768 с.
6. Чижевский АЛ. *Физические факторы исторического процесса*. Калуга: 1-я Гостиполитография; 1924. 72 с.
7. Бехтерев ВМ. *Коллективная рефлексология*. Петроград: Колос; 1921. 432 с.
8. Лазарев ПП. *Физико-химические основы высшей нервной деятельности*. Москва: Мир; 1922. 62 с.
9. Карако ПС. Детерминизм и научная рациональность: соотношение и стратегии развития. В: Данилов АН, редактор. *Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Степина*. Минск: БГУ; 2014. с. 287–299.
10. Путилов АА. Неравномерность распределения исторических событий в пределах 11-летнего солнечного цикла. *Биофизика*. 1992;37(4):629–635.
11. Владимирский БМ. Работы Чижевского по солнечно-земным связям: гелиобиология в канун XXI в. – итоги, проблемы, перспективы. *Биофизика*. 1998;43(4):566–570.
12. Коротаев АВ, Билуга СЭ, Малков СЮ, Осипов ДА. О солнечной активности как возможном факторе социально-политической дестабилизации. *История и современность*. 2016;2:180–209.
13. Турчин ПВ. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. Нефедов С, переводчик. Москва: ЛКИ; 2007. 368 с.
14. Кондратьев НД. *Избранные сочинения*. Москва: Экономика; 1993. 543 с.
15. Владимирский БМ. *Солнечная активность и общественная жизнь. Космическая историометрия: от первых русских космистов до наших дней*. Москва: ЛИБРОКОМ; 2013. 192 с.
16. Бреус ТК, Владимирский БМ, Зелёный ЛМ. Неоконченные споры. К 120-летию со дня рождения А. Л. Чижевского. *Вестник Российской академии наук*. 2017;87(12):1110–1118.

References

1. Karako PS. «Cosmic philosophy» of A. L. Chizhevsky: essence and its place in system of Russian cosmism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;2:40–50. Russian.
2. Balandine R. [The laws of nature in the life of society]. *Novyi mir*. 1993;5:251–253. Russian.
3. Vasil'ev VA. N. F. Fedorov – the founder of Russian cosmism. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2017;6:169–178. Russian.
4. Kazyutinsky VV. Chizhevskii Aleksandr Leonidovich. In: Stepin VS, editor. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tom 4* [New philosophical encyclopedia. Volume 4]. Moscow: Mysl'; 2010. 360 p. Russian.
5. Chizhevskii AL. *Kosmicheskii pul's zhizni: Zemlya v ob'yatiakh Solntsa. Geliotaraksiya* [The cosmic pulse of life: the Earth is in the embrace of the Sun. Heliotaraxy]. Moscow: Mysl'; 1995. 768 p. Russian.
6. Chizhevskii AL. *Fizicheskie faktory istoricheskogo protsessa* [The physical factors of the historical process]. Kaluga: 1-ya Gostipolitografiya; 1924. 72 p. Russian.
7. Bekhterev VM. *Kollektivnaya refleksologiya* [Collective reflexology]. Petrograd: Kolos; 1921. 432 p. Russian.
8. Lazarev PP. *Fiziko-khimicheskie osnovy vysshei nervnoi deyatel'nosti* [Physico-chemical basis of higher nervous activity]. Moscow: Mir; 1922. 62 p. Russian.
9. Karako PS. [Determinism and scientific rationality: correlation and development strategies]. In: Danilov AN, editor. *Sintez filosofii, nauki, kul'tury. K 80-letiyu akademika V. S. Stepina* [Synthesis of philosophy, science, culture. To the 80th anniversary of academician V. S. Stepin]. Minsk: Belarusian State University; 2014. p. 287–299. Russian.
10. Putilov AA. [Nonuniform distribution of historical events throughout 11-year sunspot cycle]. *Biofizika*. 1992;37(4):629–635. Russian.
11. Vladimirsky BM. [Chizhevsky's works on solar-terrestrial connections: heliobiology at the end of the XXI century – results, problems, prospects]. *Biofizika*. 1998;43(4):566–570. Russian.
12. Korotaev AV, Bilyuga SE, Malkov SYu, Osipov DA. [About solar activity as a possible factor of socio-political destabilization]. *Istoriya i sovremennost'*. 2016;2:180–209. Russian.
13. Turchin PV. *Istoricheskaya dinamika. Na puti k teoreticheskoi istorii*. Nefedov S, translator. Malinetsky G, editor. Moscow: LKI; 2007. 368 p.
14. Kondrat'ev ND. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Moscow: Ekonomika; 1993. 543 p. Russian.
15. Vladimirsky BM. *Solnechnaya aktivnost' i obshchestvennaya zhizn'. Kosmicheskaya istoriometriya: ot pervykh russkikh kosmistov do nashikh dnei* [Solar activity and social life. Cosmic historiometry: from the first Russian cosmists to our days]. Moscow: LIBROKOM; 2013. 192 p. Russian.
16. Breus TK, Vladimirskii BM, Zelyonyi LM. Unfinished disputes. On the 120th anniversary of the birth of A. L. Chizhevsky. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. 2017;87(12):1110–1118. Russian.

Статья поступила в редакцию 01.11.2018.
Received by editorial board 01.11.2018.

УДК 1(091)

ДИАЛЕКТИКА РАЗРЫВА И ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОГО НАСИЛИЯ В ПОСТМАРКСИЗМЕ

И. Н. СИДОРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе анализа философских концепций К. Касториадиса, А. Бадью, С. Жижека сущность системного насилия раскрывается как деструктивная, репрессивная организация социального пространства, следствием которой является утрата смысла социального действия, отчуждение человека от социальных и политических практик. Отмечается, что идея разрыва интерпретируется не как источник насилия, а как средство восстановления пространства политического и возвращения политически мыслящего и ответственно действующего субъекта, что дает возможность говорить о двух типах насилия в постмарксизме: негативном (системном) и позитивном (политическом). В рамках философии постмарксизма возвращение политического субъекта, реализация идеала эмансипированного общества посредством социального воображения, конструирование в пространстве события как политического субъекта, так и нового порядка бытия рассматриваются как действенные способы ограничения системного насилия.

Ключевые слова: событие; социальное воображение; социальная деструкция; системное насилие; политическое действие; политический субъект; постмарксизм; разрыв.

DIALECTICS OF GAP AND THE PROBLEM OF SYSTEMIC VIOLENCE IN POST-MARXISM

I. N. SIDORENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In the article, based on the analysis of philosophical concepts of K. Castoriadis, A. Badiou, S. Zizek, the essence of systemic violence is revealed as a destructive, repressive organization of social space, the result of which is the loss of the meaning of social action, alienation of a person from social and political practices. It is noted that the idea of a gap is interpreted not as a source of violence, but as a means of restoring the political space and returning the politically minded and responsible actor, which makes it possible to talk about two types of violence in post-Marxism: negative (systemic) and positive (political). Within the framework of the post-Marxist philosophy, the return of political subject, the realization of the ideal of the emancipated society through social imagination, the construction of both a political subject and a new order of being by the event are considered as effective ways to limit systemic violence.

Keywords: event; social imagination; social destruction; systemic violence; political action; political subject; post-Marxism; gap.

В начале XXI в. критическая установка по отношению к стратегии реформирования нового мирового беспорядка, т. е. реставрации государ-

ства всеобщего благосостояния, рассматривается теоретиками марксистского толка (К. Касториадис, А. Бадью, С. Жижек, К.-Х. Рот, Р. Курц, Д. Харви и др.)

Образец цитирования:

Сидоренко И.Н. Диалектика разрыва и проблема системного насилия в постмарксизме. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;3:16–21.

For citation:

Sidorenko I. N. Dialectics of gap and the problem of systemic violence in post-Marxism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;3:16–21. Russian.

Автор:

Ирина Николаевна Сидоренко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Irina N. Sidorenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. iri_na2000@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7792-0102>

как неадекватный ответ на вызовы глобализации. В связи с этим современные марксисты не только ставят вопрос о новом революционном субъекте или возможных структурных предпосылках солидаризации антисистемных сил, но и задаются вопросом о том, что можно было бы противопоставить неолиберальному сценарию мирового развития. Проблема заключается в том, что сегодня сложно не столько реализовать, сколько даже ясно помыслить радикально иной уклад жизни. Тем не менее в рамках современного марксистского дискурса оформляются идеи стратегического характера: тезис о «возвращении пролетариата», поиск новых форм солидаризации и организации сопротивления, деконструкция существующих идеологических координат, преодоление разрыва между властью и законом, замена псевдоактивности на действие мысли, позволяющее революционизировать саму повседневность.

В контексте философии постмарксизма возвращение политического субъекта, реализация идеала эмансипированного общества посредством социального воображения рассматриваются как действенный способ ограничения насилия. В рамках данной статьи в связи с акцентированной проблематикой анализируются концепции К. Касториадиса, А. Бадью и С. Жижека. Основанием для выбора концепций именно этих представителей постмарксистского дискурса стало обнаружение общих и значимых для них тенденций мысли: идея разрыва, проблематичность политического субъекта, трактовка насилия как социальной деструкции, порожденной репрессивным воздействием социальных структур и условий и проявляющейся как на уровне индивидуального, так и общественного сознания.

Тематика разрыва и значимость роли социального воображения как инструмента создания свободного автономного общества была акцентирована в работах французского философа-постмарксиста К. Касториадиса. Согласно его рассуждениям, только способность воображения может позволить минимизировать репрессивность социальной реальности. Выступая за открытый характер истории, он видел в ней не просто движение масс, реализующих пунктиром обозначенный проект, а именно политическое движение, реализованное на основе коллективных решений как активно преобразующее социальное пространство. В качестве сущности разрыва у него выступает отказ от веры в возможность глобальных генерализаций исторического материала и, соответственно, его диктата. В свою очередь подлинная политика определяется как деятельность, направленная на внешнее и внутреннее раскрепощение людей и опирающаяся на постоянно изменяющееся историческое знание. Так, фрагментарность, относительность

социально-исторического контекста, с точки зрения К. Касториадиса, подтверждает плюральность и уникальность обществ. «Социальное – это самоизменение, и, если оно им не является, оно ничто. Социальное самоорганизуется как история, как темпоральность, и в каждом отдельном случае как специфический способ темпоральности, оно имплицитно институционализируется как особое качество темпоральности» [1, с. 273]. Получается, что через воображение допускается сама мысль о том, что без изменения нет социальной ткани реальности. В то же время история, будучи принципиально разомкнутой, требует этих изменений. Насилием является здесь как раз отказ от плюральности и изменений. Таким образом, автономное, свободное от тирании и репрессивности общество способно задействовать креативный потенциал социального воображения в целях самотрансформации.

Однако это лишь идеальный образ общества, осуществление которого есть «установление социальных воображаемых сигнификаций», порождающих Хаос, который одновременно начинает препятствовать реализации этой конструкции социального [2, р. 313]. Таким образом, как справедливо отмечает белорусский исследователь О. Ф. Оришева: «...выстраиваемая в рамках социума символическая реальность занимает в общем “порядке бытия” скромную онтологическую нишу, пределы которой становятся очевидными в момент столкновения культуры с реальностью Иного, невозможного и не представимого в ее рамках: природными катаклизмами, индивидуальными трансгрессиями, чуждыми и враждебными культурами и др.» [3, с. 96–97]. В силу этого автономное общество вместо окончательного разрешения социальных проблем и противоречий предполагает постоянное усиление гармонизации, что и реализуется в открытости демократии. В качестве основания или гарантии такой формы коллективного существования, согласно мысли К. Касториадиса, выступает социальное воображение, которое, во-первых, представляет собой основу солидаризации сообщества, а во-вторых, является действенным средством, снижающим уровень социального насилия. Тем самым социальное воображение, раскрывающее одновременно как ценность самоопределения, так и неопределенность социальной практики, правомерно охарактеризовать как важнейшую составляющую радикального демократического этоса.

Сходное понимание леворадикальной политики как критики, осуществляющейся в виде поиска альтернативы существующему социальному порядку, порожденному поздним капитализмом, а также развитие идеи о доминировании псевдополитической деятельности и исчезновении политического как основной причины не только кризиса политики, но и эскалации насилия находим в твор-

честве французского философа А. Бадью. Отмечая, что сегодня «политика вступила в эпоху явленности своего отсутствия» [4, с. 9], философ понимает под этим репрессивную реакцию государства на предъявление политического события, или, другими словами, длящееся превосходство государства над событием [4, с. 221], отчуждение субъекта от политического действия, видимость уважения к различиям, подменяемую насильственной унификацией и т. п. Под репрессивностью государства понимается безмерное порабощение частей ситуации, под свободой – дистанцирование от государства посредством коллективного установления меры его избыточности. Следуя логике А. Бадью, считаем правомерным говорить о двух типах насилия: 1) негативное насилие как результат бессилия политики (т. е. отсутствие осмысленной коллективной жизни) и безмерной мощи государства, проявляющееся в репрессивности и кажущейся незыблемости социальных структур и связей, порожденных поздним капитализмом; 2) позитивное или политическое насилие события, представляющее собой прорыв в новый порядок бытия, проектирование ранее несуществующих возможностей и, главное, рождение нового порядка мысли, который определит и новый способ действия.

А. Бадью также использует понятие «разрыв», однако понимает под ним принудительный характер события, сущность которого несоизмерима с позитивным порядком бытия. Разрыв правомерно интерпретировать как подлинное проявление родовых процедур философии, таких как математика, поэзия, политика и любовь [5, с. 33]. Нивелирование разрыва посредством такой операции, как шов, чревато не только изъяном родовых процедур философии, но и опасностью невозможности мысли как действия. Именно поэтому А. Бадью видит возможность осуществления логики разрыва с наличным состоянием общества и развития сценариев создания альтернативной реальности не в политической философии (это и есть искусственный шов), а в метаполитике как подлинной явленности философии в ее родовом источнике.

Метаполитика способна не только раскрыть диалектику разрыва с наличным посредством философии, но и стать пространством приложения сил субъекта политики, который, в свою очередь, конституируется событием и спланивается воедино как мыслью, так и социальной практикой. Получается, что до события нет ни политического субъекта, ни политического действия, ни возможности альтернативы. Таким образом, событие предстает как пустота, призванная породить множество. Событие сингулярно: оно детерминировано социокультурным контекстом, но в то же время из него не выводимо. Согласно французскому философу, событие как бы вырастает из недр ситуации, из рассогласованности, пустотности мира политического. Со-

бытие разрушает идеологическую зачарованность, и ситуация перестает казаться неизменной, а социальный актор получает возможность взглянуть на ситуацию как бы со стороны, воспринять ее целиком, выхватить ее противоречивость и тем самым увидеть ходы для изменений. Исходя из этого, А. Бадью и определяет событие как «истину ситуации». Учитывая, что без насилия со стороны события «ни к чему не предписанное блуждание мощи государства парализует», именно политическому событию предписывается возможность прерывать это «субъективное блуждание мощи» [4, с. 222], т. е. ограничить системное насилие. Блуждающая мощь государства парализует не только способность действия, но и способность воображения, развивая тем самым только неэгалитарное сознание, подчиненное цифре и «разнузданному насилию капиталистической анархии» [4, с. 226]. В ситуации, высвеченной событием, проявляется эгалитарное сознание, максимой которого является не только достижение справедливости, но и допущение (хотя бы в воображении), что может быть по-другому.

Проблема социального насилия как системного, а также задача раскрытия значимости социального воображения получили развитие в работах словенского философа С. Жижека, представителя постмарксизма, осуществившего синтез идей марксизма, неотрейдизма и структурализма. Симпатии к марксизму определили его собственные политические взгляды и позицию. Близость идей словенского мыслителя к марксизму раскрывается в его концепции постсовременности и теории идеологии, трактовке классов и пролетариата в трансформирующейся социальной реальности, а также установке на необходимость радикального действия.

В основе его концепции постсовременности лежит идея разрыва, суть которой заключается в том, что антагонизм изначален в социальной реальности и проявляется в несовпадении сущего с самим собой или, по выражению С. Жижека, в «гримасе Реального». Идея разрыва отсылает нас к анализу товарного фетишизма в марксизме: в мире, где господствует обмен товарами, человек относится к себе как к объекту, как к условному воплощению абстрактно-универсального понятия. Сущность постсовременности – превращение абстракции в проявление настоящей социальной жизни в условиях глобальной рыночной экономики, т. е. универсальность становится универсальностью для себя, что, в свою очередь, приводит к возникновению индивида, лишенного места в социальном поле: «Следовательно, способ, каким проявляет себя абстрактная универсальность, ее вторжение в реальное бытие рождает насилие: она насильственно разрывает предшествующую органическую стабильность» [6, с. 117].

Для понимания постсовременности, с точки зрения С. Жижека, «марксистской герменевтики»

уже недостаточно: ее необходимо дополнить «гегельянским ходом» – «обнажением универсальности того, что кажется конкретным» [6, с. 120]. Это словенский мыслитель и делает в критике таких концептов, как капитализм, демократия, либерализм, права человека и т. п., например: «Капитализм не просто универсален в себе, он универсален и для себя, он – громадная, подлинно разъедающая сила, которая обрекает на гибель все конкретные жизненные миры, культуры, традиции, кромсает их на куски, втягивает в свой смерч» [6, с. 121]. Что касается универсальности прав человека, то здесь либеральная идеология также заходит в тупик: универсальность затмевает конкретику, в силу чего определенный человек просто не может вписаться в образ его универсальной природы, а значит, оказавшись в ситуации необходимости защиты, он не подпадает под ее действие. Это и есть разрыв между идеологической видимостью всеобщей правовой формы и частными интересами, между Реальным и реальностью нашей жизни. Так универсальность превращается в идеологически окрашенный фантазм [7].

В постидеологическую постсовременную эпоху именно идеология через власть языка как господства означающего скрывает наличие разрыва и мы существуем в обществе тщательно скрываемой травмы. Однако в постсовременности идеология уже не выступает в качестве ложного сознания, потому что невозможно отделить реальность от ее идеологической составляющей. «Чтобы увидеть истинную природу вещей, нам нужны очки: но это не означает, что мы должны снимать очки, чтобы увидеть реальность, как она есть, – мы от природы находимся “внутри” идеологии, это наше естественное восприятие» [8, с. 20]. В силу этого функция идеологии постсовременности заключается в формировании «незнания знания»: я знаю, как обстоят дела на самом деле, но я не хочу этого знать. Отсюда двойственная природа идеологии: с одной стороны, это что-то интимное и спонтанное, пространство повседневного, с другой – система, которая легитимизирует существующие отношения господства [9].

С. Жижек выстраивает концепцию триединства насилия: объективного системного (неявного), субъективного (явного) и символического (воплощенного в языке и культурных формах). Имплитное функционирование идеологии в постсовременную эпоху позволяет не только осуществляться системному насилию, но и оставаться в тени субъективного насилия. Идеология обладает чертами неявного системного насилия: невидима, воспринимается как система очевидностей, анонима. Определение того, что считается насилием, зависит от некоего стандарта, т. е. субъективное насилие воспринимается как таковое лишь «на фоне ненасильственного нулевого уровня», оно кажется

нарушением нормального положения вещей. Наивысшей формой насилия выступает насаждение этого образца или уровня нормы. Отсюда системное насилие – это не просто «катастрофические последствия спокойной работы наших экономических и политических институтов», оно само присуще норме [6, с. 6]. Навязывание внеидеологического социального стандарта становится существенной характеристикой постсовременности. Все, что выходит за пределы нормы, определяется как проявление фундаментализма, фанатизма и т. п. Таким образом, постсовременность инициирует борьбу с субъективным насилием для отвлечения внимания от системного насилия [7].

Язык, согласно мысли С. Жижека, – неотъемлемый элемент системного объективного насилия и идеологии постсовременности. Реальное пространство дискурса основывается на насильственном насаждении господствующего означающего, которое часто невозможно обосновать доводами. Таким образом, «существует прямая связь между онтологическим насилием и структурой социального насилия (поддержанием отношений принудительного господства), присущей языку» [6, с. 58].

С. Жижек, используя словарь Ж. Лакана, определяет идеологию как «некое диалектическое новообразование на теле языка, его симптом» [10, с. 27–28]. Она структурирует действительность, используя идеологические фантазмы, или точки пристежки, которые позволяют нам действовать так, как будто антагонизма не существует. Идеология, опираясь на саму суть субъекта и его желание, превращается в неизбежность. Идеологические фантазмы выполняют функцию интеграции посредством конструирования образа врага. Процедура опознания врага позволяет выявить (т. е. сконструировать) его истинное лицо. Именно такая роль идеологии позволяет С. Жижеку говорить о плюралистических и терпимых либеральных демократиях как о «шмиттовских»: «Они продолжают основываться на политической *Einbildungskraft*, чтобы запастись соответствующей фигурой, которая сделает видимым невидимого Врага» [11, с. 124]. Биополитика постсовременности не преодолела необходимость идеологической борьбы, несмотря на то что она сосредоточена на управлении по регулированию безопасности и благополучия, ее с головой выдает осуществляемая ею политика страха [7].

Разрыв постсовременности С. Жижек иллюстрирует и через разрыв власти и закона. Закон не опирается ни на высшие инстанции, ни на рациональное соглашение, вообще ни на что, кроме акта своего провозглашения. Поэтому у нас нет никакого рационального основания ему подчиняться. В то же время власть через политику страха требует немедленного подчинения, поощряя ложное чувство безотлагательности: у нас не остается времени

для размышлений, мы должны действовать прямо сейчас. Эта ложная реактивная безотлагательность проявляется, во-первых, в видимости свободы выбора, который на самом деле принудителен, т. е. можно выбирать что угодно, но только при негласной установке, что выбор будет сделан правильный; во-вторых, в том, что изменения в производстве сопровождаются «летаргией» политической сферы, в силу чего акция подменяется реакцией (это позволяет говорить о том, что эпоха политических действий завершилась); в-третьих, немедленное действие исключает возможность мыслить, а значит, нести личную ответственность. Именно поэтому С. Жижек утверждает, что «угроза наших дней – не пассивность, но псевдоактивность, требование “быть активным”, “участвовать”, прикрывать Ничтожество происходящего. <...> По-настоящему сложно отступить назад, отстраниться. Власть часто предпочитает диалог; участие, даже “критическое”, молчанию – ей бы только вовлечь нас в “диалог”, удостовериться, что наше зловещее молчание нарушено» [6, с. 165–166]. Получается, согласно С. Жижеку, что молчание и есть подлинное политическое действие. Проведенная им аналогия между социальной и физической системами, в частности полем Хиггса, позволяет интерпретировать молчание как ничто, которое «стоит больше, чем нечто», т. е. требует большей затраты энергии, а значит, «первый шаг к изменению в системе – отключение деятельности, бездействие» [6, с. 163]. Целесообразно только отметить, что здесь под деятельностью словенский мыслитель понимает бессодержательные современные демократии, иллюзорность свободы выборов, акции, подменяющие подлинное политическое действие его театрализацией, и т. п.

Разрешение проблемы разрыва постсовременности С. Жижек, ссылаясь на В. Бенямина, видит в божественном насилии, под которым понимает разрушение власти Закона как диктата Реального Капитала над реальностью. Область божествен-

ного насилия – это область суверенности, где происходит очищение от закона в акте чистого революционного действия, которое, будучи осмысленным, способно противостоять системному насилию. Первый шаг к этому революционному действию – это отказ от безотлагательного действия и погружение в молчание, что дает возможность остаться один на один с собой, а не под сенью Большого Другого и осуществить акт мысли, – следовательно, совершить подлинно политическое действие [7].

Анализ постмарксистских концепций К. Касториадиса, А. Бадью, С. Жижека позволил выявить в качестве основы системного насилия как социальной деструкции исчезновение политического, сжатие публичного социального пространства за счет разрастания личного, вытеснение индивида из пространства активных социальных действий, невозможность осуществления социального действия как осознанного и ответственного. Согласно идеям представителей постмарксистского дискурса, можно противопоставить атрофии социального действия развитие социального воображения и осуществление далекого от самоуспокоения идеала автономного общества (К. Касториадис); принудительность события как разрушения расогласованности пустотности мира политического (А. Бадью); разоблачение двойственной природы идеологии, проявляющейся в системном, символическом, субъективном насилии, благодаря чему подлинное политическое действие целесообразно начать с критического мышления (С. Жижек). Таким образом, методологическая значимость постмарксистской критики заключается в следующем: для того чтобы осуществить снижение уровня системного насилия и возродить политический субъект, необходимо решиться помыслить радикально иное социальное бытие, что, в свою очередь, откроет возможность для осуществления критического мышления и политического действия.

Библиографические ссылки

1. Касториадис К. *Воображаемое установление общества*. Волкова Г, Офертас С, переводчики. Москва: Гнозис; 2003. 480 с.
2. Castoriadis C. Institution of society and religion. In: Curtis DA, editor, translator. *World in fragments: writings on politics, society, psychoanalysis, and the imagination*. Stanford: Stanford University Press; 1997. p. 311–330.
3. Оришева ОФ. *Политическое измерение социальной теории в постмарксизме*. Минск: РИВШ; 2007. 132 с.
4. Бадью А. *Мета/Политика: можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике*. Скуратов Б, Голубович К, переводчики; Никифоров О, редактор. Москва: Логос; 2005. 240 с.
5. Бадью А. *Манифест философии*. Лапицкий ВЕ, переводчик. Санкт-Петербург: Machina; 2003. 184 с.
6. Жижек С. *О насилии*. Смирнов А, Лямина Е, переводчики; Олейников А, редактор. Москва: Европа; 2010. 184 с.
7. Сидоренко ИН. Концепция постсовременности С. Жижека. В: Гигин ВФ, редактор. *Маркс и марксизм в контексте современности. Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения К. Маркса (1818–1883); 26–27 апреля 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 432–436.
8. Жижек С. *Чума фантазий*. Смирнова ЕС, переводчик; Радеев АЕ, редактор. Харьков: Гуманитарный Центр; 2014. 388 с.

9. Корецкий В, Рузаев Д. Славой Жижек: «Идеология – пустое слово, именно поэтому она и работает» [Интернет; процитировано 12 января 2018 г.]. Доступно по: <http://archives.colta.ru/docs/20836>.
10. Жижек С. *Возвышенный объект идеологии*. Софронов В, переводчик; Зимовец С, редактор. Москва: Художественный журнал; 1999. 236 с.
11. Жижек С. *Добро пожаловать в пустыню Реального*. Смирный А, переводчик. Москва: Прагматика культуры; 2002. 160 с.

References

1. Castoriadis K. *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva* [Imaginary establishment of a society]. Volkova G, Ofertas S, translators. Moscow: Gnozis; 2003. 480 p. Russian.
2. Castoriadis C. Institution of society and religion. In: Curtis DA, editor, translator. *World in fragments: writings on politics, society, psychoanalysis, and the imagination*. Stanford: Stanford University Press; 1997. p. 311–330.
3. Orisheva OF. *Politicheskoe izmerenie sotsialnoi teorii v postmarksizme* [The political dimension of social theory in post-marxism]. Minsk: Respublikanskii institut vysshei shkoly; 2007. 132 p. Russian.
4. Badiou A. *Meta/Politika: možno li myslit' politiku? Kratkii traktat po metapolitike* [Peut-on penser la politique?]. Skuratov B, Golubovich K, translators; Nikiforov O, editor. Moscow: Logos; 2005. 240 p. Russian.
5. Badiou A. *Manifest filosofii* [Manifeste pour la philosophie]. Lapitsky VE, translator. Saint Petersburg: Machina; 2003. 184 p. Russian.
6. Žizek S. *O nasilii* [About violence]. Smirnov A, Lyamina E, translators; Oleinikov A, editor. Moscow: Evropa; 2010. 184 p. Russian.
7. Sidorenko IN. [Postmodern concept of S. Žizek]. In: Gigin VF, editor. *Marks i marksizm v kontekste sovremennosti. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyaschennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya K. Marksa (1818–1883); 26–27 aprelya 2018 g.; Minsk, Belarus* [Marx and marxism in the context of the modernity. Materials of the International Scientific conference devoted 200th anniversary of K. Marx (1818–1883); 2018 April 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 432–436. Russian.
8. Žizek S. *Chuma fantazii* [The plague of fantasies]. Smirnova ES, translator; Radeev AE, editor. Harkov: Gumanitarnyyi Tsentr; 2014. 388 p. Russian.
9. Koretskii V, Ruzaev D. Slavoy Žizhek: «Ideologiya – pustoe slovo, imenno poetomu ona i rabotaet» [Internet; cited 2017 January 12]. Available from: <http://archives.colta.ru/docs/20836>. Russian.
10. Žizek S. *Vozvyishennyi ob'ekt ideologii* [The sublime object of ideology]. Sofronov V, translator; Zimovets S, editor. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal; 1999. 236 p. Russian.
11. Žizek S. *Dobro pozhalovat' v pustynyu Realnogo* [Welcome to the desert of the Real]. Smirnyi A, translator. Moscow: Pragmatika kulturyi; 2002. 160 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 22.12.2018.
Received by editorial board 22.12.2018.

УДК 330.8:101.1

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

И. А. БАРСУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлена историко-философская реконструкция феномена предпринимательства в контексте генезиса, концептуальных предпосылок становления и дисциплинарной организации экономического знания. Интерес к данному явлению обусловлен необозримым количеством его интерпретаций не только в экономической литературе, но и в различных областях социогуманитарного знания последних десятилетий, что свидетельствует о его полидисциплинарном характере и важной роли в социодинамике постиндустриальных обществ. Обосновывается, почему классическое предпринимательство в своей основе олицетворяет поистине уникальный ресурс, позволяющий ему активизироваться в период экономических спадов, влиять на конкурентную среду, содействовать развитию инфраструктуры экономики, оперативно реагировать на потребительский спрос, генерировать и внедрять инновационные идеи.

Ключевые слова: предприниматель; предпринимательство; прибыль; риск; неопределенность; новаторство; арбитражные сделки; менеджмент.

ENTREPRENEURSHIP AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL RECONSTRUCTION

I. A. BARSUK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with historical and philosophical reconstruction of the phenomenon of entrepreneurship in the context of the genesis, conceptual prerequisites of development and the disciplinary organization of economic knowledge. Interest to this phenomenon is due to the immense amount of its interpretations not only in economic literature, but also in various areas of socio-humanitarian knowledge. This accentuates its multidisciplinary nature and important role in the social dynamics of post-industrial societies. It is proved that classical entrepreneurship is a unique resource that allows activity in periods of economic downturn, influencing the competitive environment, developing the infrastructure of the economy, quickly responding to consumer demand, generating and introducing innovative ideas.

Keywords: entrepreneur; entrepreneurship; profit; risk; uncertainty; innovation; arbitrage transactions; management.

Феномен предпринимательской деятельности в условиях глобализации не только является конституирующим фактором национальной экономики, определяющим темпы экономического роста, структуру и качество валового национального продукта, но и играет важную роль в международной экономической политике, эксплицитно создавая

систему глобального конкурентного преимущества государства на мировой арене. Исследование предпринимательства приобретает особую важность и актуальность в связи с кардинальными переменами в социально-экономической жизни республик бывшего СССР, крахом тоталитарной идеологии и плановой командно-административной

Образец цитирования:

Барсук ИА. Предпринимательство как социокультурный феномен: историко-философская реконструкция. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019;3:22–26.

For citation:

Barsuk IA. Entrepreneurship as a socio-cultural phenomenon: historical and philosophical reconstruction. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:22–26. Russian.

Автор:

Ирина Александровна Барсук – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Iryna A. Barsuk, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. bars-1979@yandex.ru

экономической системы. На постсоветском пространстве формируются политический плюрализм и рыночная организация народного хозяйства, приоритетным направлением развития которой выступает стимулирование предпринимательской активности. Несмотря на распространенное мнение о существенном отставании нашего государства от других стран в развитии предпринимательства, Республика Беларусь занимает 38-ю позицию (по данным 2018 г.) в рейтинге *Doing Business* Всемирного банка по ряду показателей, максимально благоприятных для формирования и функционирования предпринимательской среды [1].

Для того чтобы продолжить разговор о явлении предпринимательства в традиции философского дискурса, необходимо осуществить историко-философскую реконструкцию данного феномена, поскольку существует необозримое количество его интерпретаций не только в экономической литературе, но и в различных областях социогуманитарного знания последних десятилетий, что свидетельствует о полидисциплинарном характере этого явления и его важной роли в социодинамике постиндустриальных обществ.

Исследования феномена предпринимательской деятельности в контексте генезиса, концептуальных предпосылок становления и дисциплинарной организации экономического знания занимают весьма локальное место, и среди теоретиков предпринимательства преобладают в основном французские и немецкие мыслители. Формирование экономической науки относится к XVI–XVII вв. и связано с появлением меркантилизма как первого теоретического обоснования экономической политики государства периода первоначального накопления капитала. В 1615 г. французский экономист А. де Монкретьен публикует «Трактат по политической экономии» (адресованный юному королю Людовику XIII и его матери, королеве Марии Медичи), где исследует вопросы активного участия государства в регулировании хозяйственных процессов, приводит аргументы в пользу индивидуалистического характера экономики, так как фундаментальная движущая сила всех экономических явлений – частный интерес, а талант и компетентность главы государства способствуют гармонии между частным и общественным интересами. Меркантилистская доктрина выработала основы взаимодействия частного предпринимательства и верховной власти.

Следуя логике наших рассуждений, можно предположить, что лидеры английской классической школы, основные принципы которой – неприятие протекционизма в экономической политике государства («предоставьте делам идти своим ходом») и апофеоз экономического человека, считали, что свободный и естественный капитализм не нуждается в личных усилиях предпринимателей, так как с помощью «невидимой руки» рынка частные (лич-

ные) пороки могут привести к всеобщей пользе, поэтому и не разработали развернутых теоретически обоснованных концепций предпринимательства, ограничившись отождествлением предпринимателя с капиталистом.

Термин «предприниматель» этимологически восходит к французскому слову *entrepreneur*: в XVII–XVIII вв. так называли человека, который решается на какой-то значимый проект или деятельность, или смелых и азартных людей, стимулировавших экономический прогресс, изыскивая новые, более эффективные способы работы [2]. Считается, что понятие «предприниматель» вводит в научный обиход французский банкир Р. Кантильон, ирландец по происхождению, – одна из самых загадочных фигур в истории экономической науки. Во многих учебниках и монографиях его идеи незаслуженно игнорируют, однако они являются одними из самых значимых в XVIII в. Его единственная книга «Очерк об общей природе коммерции» более 20 лет ходила в рукописи и была опубликована через 21 год после таинственной гибели автора в 1755 г. Большую роль в распространении этой работы сыграли В. де Мирабо и В. де Гурнэ, ее читал Ф. Кенэ, а первое лондонское издание послужило основой для всех дальнейших редакций. Предприниматель для Кантильона – это экономический агент, который предлагает цену за свой продукт, сталкиваясь с неопределенностью цены, по которой он может его продать (он же покупает необходимые ему товары по определенной цене). Эта неопределенность вызывалась конкуренцией между предпринимателями, пытавшимися привлечь других клиентов [3, с. 75–76]. Концепция Кантильона трактует феномен предпринимательства как дела, непосредственно связанного с риском и неопределенностью.

Весомый вклад в исследование сущности предпринимательства внес французский экономист Ж.-Б. Сэй, пропагандировавший идеи А. Смита во Франции. В определенный период своей жизни он также занимался предпринимательством, владея ткацкой фабрикой в Кале. Его самое значимое произведение – «Трактат политической экономии, или Простое изложение способа, которым образуются, распределяются и потребляются богатства» – было издано в 1803 г.

В контексте теории трех факторов производства – труда, земли и капитала – автор исследует феномен предпринимательства, играющий особую роль в вопросах, связанных с инвестициями капитала и производством богатства. Производственные факторы рассматриваются им как равнозначные источники ценности. Каждый из собственников указанных факторов – рабочий, землевладелец, предприниматель – должен быть вознагражден по заслугам: так, рабочий получает доход в форме заработной платы, земельный собственник – ренту, предприниматель – прибыль. С помощью пред-

принимателя ценность продуктов распределяется между производительными услугами, а услуги – в соответствии с потребностями между производствами. На вопрос о том, как определить величину стоимости, созданную каждым фактором производства, Сэй отвечает ссылкой на рынок, считая, что части стоимости, созданные различными факторами, детерминируют рынок. Таким образом, стоимость (или ценность) каждого предмета, пока она не установлена на рынке, совершенно произвольна, неопределенна. Основанием же ценности является полезность товара. Поскольку не только труд участвует в процессе производства, но и земля, и капитал оказывают определенные услуги, они также создают стоимость (ценность). В результате заработную плату Сэй рассматривает как вознаграждение (в частности, предпринимательский доход – это вознаграждение за особую важную общественную функцию). Автор указывает на инновационность предпринимательской деятельности, которая характеризуется новыми сочетаниями факторов производства. В отличие от Кантильона Сэй стремится определить предпринимателя как управляющего и координатора факторов производства, ищущего наиболее выгодные комбинации (т. е. менеджера) [4, с. 89–159].

Исследование феномена предпринимательской деятельности как несения бремени риска предполагает изучение деятельности немецкого экономиста и математика И. фон Тюнена, который в работе «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» (1826) создает идеальную экономическую модель, включающую ряд пространственных характеристик, а именно: 1) однородная, изолированная, лишенная какой-либо специфики равнина в виде круга, с одинаковой плодородностью почвы и отсутствием гидрографических объектов; 2) гужевой транспорт как единственный способ транспортировки людей и грузов; 3) один город – центр производства промышленных товаров, который получает продукцию сельского хозяйства от фермеров; 4) закрытость экономики. Тюнен различал понятия «условия риска» (условия, вероятность которых может быть рассчитана) и «условия неопределенности» (условия, вероятность которых непредсказуема). Тем самым впервые в истории экономической науки была учтена неоднородность деловых рисков [5].

Идеи Тюнена получили дальнейшее развитие в трудах государственного служащего и профессора Гёттингенского и Фрайбургского университетов Х. фон Мангольдта, менее известного, чем его предшественник. В работе «Действительное назначение предпринимателя и истинная природа предпринимательской прибыли» (1855) он также рассматривает риск как важнейшую характеристику предпринимательской деятельности, однако подчеркивает: «...то, что само по себе является не-

отделимым от понятия “предприниматель”, заключается, с одной стороны, во владении... контролем за произведенной продукцией, а с другой – в принятии на себя ответственности за любого рода возможные убытки» [6, с. 65]. Мангольдт разделяет понятия «производство на заказ» и «производство на рынок». В производстве на заказ гарантирован доход, поскольку заранее ясен заказчик и определена цена. Следовательно, риск минимален или вообще отсутствует. В производстве на рынок присутствует неопределенность, так как продукт предназначен для продажи при неопределенном спросе и неизвестной цене.

Принципиально новый подход к изучению феномена предпринимательства характеризует представителей третьего поколения немецкой исторической школы в экономической науке – М. Вебера и В. Зомбарта. Мыслители исследуют в исторической ретроспективе сущность так называемого капиталистического духа и его носителя – буржуа, которому свойственна не только практическая мудрость, но и неиссякаемая предпринимательская энергия и моральная склонность к развитию бизнеса. Если Вебер обнаруживает генетическую связь между пуританством и капитализмом [7], то Зомбарт, полемизируя с ним, считает, что современный капитализм своим происхождением обязан евреям и иудейской религии [8].

В середине XIX в., после нескольких десятилетий неоспоримого лидерства классической политической экономии, ее многие постулаты и выводы стали подвергаться сомнению. В конце XIX – начале XX в. качественный анализ в экономической науке заменяется количественным; ученые все чаще стремятся оптимизировать использование ограниченных ресурсов, широко применяя для этих целей теорию предельных величин, дифференциальные и интегральные исчисления, алгебраические формулы и графики, моделирующие конкретные рыночные ситуации. Вслед за этим меняется содержание и название самой науки. Наиболее радикальный сдвиг в ее развитии принято называть маржиналистской революцией, которая со своим равновесным статическим подходом не способствовала дальнейшему изучению феномена предпринимательства.

Попытку примирить основанную на неисчислимом риске теорию предпринимательства с маржиналистским подходом предпринял американский экономист Ф. Х. Найт, основатель Чикагской школы экономики, который в своем фундаментальном труде «Риск, неопределенность и прибыль» (1921) излагает теорию предпринимательства и предпринимательской прибыли. В качестве исходного пункта анализа этой категории автор противопоставляет риск, вероятность которого можно более или менее точно оценить и учесть в экономических расчетах субъектов рынка, действующих в условиях конкуренции (страхуемого риска), риску принципиально иного рода, который не поддается такой оценке, –

неопределенности (*uncertainty*). Таким образом, Найт развивает восходящее к Тюнену различие между исчисляемым и неисчисляемым рисками. Ему принадлежит и безусловный приоритет в выявлении особого рода риска – нестрахуемой неопределенности, которая играет решающую роль в предпринимательской прибыли [9].

Значительный вклад в развитие указанного понимания феномена предпринимательства внесла теория стратегических игр, основные концепции которой способны принести пользу в бизнесе, политике, спорте и даже в повседневном социальном взаимодействии, так как истинный источник неопределенности – намерения других. Большая заслуга в развитии теории игр принадлежит Нобелевскому комитету по экономике, который присудил две нобелевские премии по теории игр: в 1994 г. – Дж. Харсаньи, Дж. Нэшу и Р. Зелтену; в 2005 г. – Р. Ауману и Т. Шеллингу [10, с. 11].

Иная трактовка феномена предпринимательства принадлежит австрийской экономической школе, в частности знаменитому австро-американскому экономисту Й. А. Шумпетеру, который в центр своей концепции ставит предпринимателя как ключевую фигуру капитализма. В книге «Теория экономического развития» (1912) Шумпетер раскрывает сущность предпринимательства. Под предпринимателями ученый понимает «хозяйствующих субъектов, функцией которых является осуществление новых комбинаций и которые выступают как его активный элемент», подчеркивая, что деятельность направлена на «осуществление новых комбинаций», а не на их отыскание или «изобретение»; при этом функция предпринимателей непостоянна: она выполняется лишь до тех пор, пока комбинация не станет рутинной, поэтому предпринимательство не создает профессию или устойчивый общественный класс [11]. Именно благодаря анализу Шумпетера постепенно складывается понимание предпринимательства как новаторства, развитое впоследствии в работах Л. фон Мизеса и Ф. А. фон Хайека.

Оригинальную теорию предпринимательства предложил ученик Мизеса И. Кирцнер в работе «Конкуренция и предпринимательство» (1973), где он формулирует теорию рыночного процесса в противоположность господствующей в микроэкономике теории равновесных цен. С опорой на разработанную Мизесом концепцию *homo agens* («человек действующий») в книге отмечается, что предпринимательский элемент присущ любой человеческой деятельности, поэтому каждый человек – предприниматель, так как действует в условиях неопределенности внешней среды и будущего. Но «чистое» предпринимательство реализуется только при условии отсутствия собственных активов, принимающий решение субъект «начинает действовать без каких бы то ни было средств вообще. <...> Все, что нужно нашему, не владеюще-

му средствами, принимающему решения субъекту для принятия наилучшего решения, – это просто знать, где существуют неиспользуемые возможности. Все, что ему нужно, – это обнаружить, где покупатели платят слишком много, а продавцы получают слишком мало, и заполнить пробел, предлагая купить чуть дороже и продать дешевле. Чтобы обнаружить эти неиспользуемые возможности, требуется бдительность. Вычисление тут не поможет; и экономически рациональная деятельность, и оптимизация сами по себе не дадут этого знания. Таким образом, решение нашего нового принимающего решения субъекта никак не может, даже в принципе, быть просто “считано” с исходных данных, оно вообще не подразумевается в обстоятельствах, в которые он помещен» [12, р. 135]. Специфическое качество кирцнеровского предпринимателя заключается в его способностях воспринимать и осваивать возможности получения прибыли. Благодаря способности понимать обстановку на местах, а главным образом своей бдительности, ему удается сформировать такое сочетание видов деятельности и обмена, которое было бы невозможно без его посредничества. Поэтому деятельность предпринимателя ведет к равновесию рыночного процесса. Названная работа знаменует становление понимания феномена предпринимательства как арбитражной сделки.

В неоинституционализме, затем новой институциональной экономической теории, в работах А. А. Алчиана, Д. Норта, О. И. Уильямсона, Р. Г. Коуза, П. Друкера и других ученых за центральную категорию анализа принимается институт, из которого выводится все многообразие экономической и социальной деятельности, в том числе деятельности предпринимателей. В последней трети прошлого века наблюдался активный рост числа малых фирм, поэтому основное внимание стало уделяться проблеме выживаемости и конкурентоспособности малого бизнеса в условиях инновационной экономики. Предпринимательство определяется как особый тип менеджмента, который включает элемент инициативы, организацию или реорганизацию социально-экономических механизмов для того, чтобы с выгодой использовать имеющиеся ресурсы и конкретную ситуацию и быть готовым к возможному риску в условиях рыночной экономики.

Таким образом, историко-философская реконструкция феномена предпринимательства в теоретико-методологических концепциях континентальных и англо-американских авторов позволяет обозначить его следующие инвариантные характеристики: а) ориентированность на риск в целях достижения прибыли; б) способность к инновационной деятельности; в) нацеленность на равновесие рыночной экономики; г) наличие особых организаторских способностей и личностных характеристик субъекта деятельности; д) возможность управленческого воздействия на рыночный процесс.

Классическое предпринимательство в своей основе олицетворяет поистине уникальный ресурс, позволяющий активизироваться в период экономических спадов, влиять на конкурентную среду, содействовать развитию инфраструктуры экономики, оперативно реагировать на потребительский спрос, генерировать и внедрять инновационные идеи. Курс на построение рыночно ориентированной экономики в условиях нарастающей гло-

бализации проявления социокультурной несоизмеримости и материального расслоения между регионами, странами, индивидами требует четкой корреляции между механизмом государственной поддержки предпринимательства в нашей стране и международным опытом его динамики; он обоснованно претендует на статус магистрального тренда в социально-экономическом развитии современной цивилизации.

Библиографические ссылки

1. О результатах Республики Беларусь в отчете «Ведение бизнеса». Беларусь в рейтинге «Ведение бизнеса» [Интернет]. Министерство экономики Республики Беларусь [процитировано 12 декабря 2018 г.]. Доступно по: http://www.economy.gov.by/ru/doing_business-ru/.
2. Бизнес без границ: смысл термина «социальное предпринимательство» [Интернет]. Новый бизнес. Социальное предпринимательство. 10 июня 2008 г. [процитировано 10 июня 2018 г.]. Доступно по: <http://nb-forum.ru/interview/experts/biznes-bez-granits-smysl-termina-sotsialnoe-predprinimatelstvo>.
3. Слудковская МА, Розинская НА. *Развитие западной экономической мысли в социально-политическом контексте*. Москва: ИНФРА-М; 2005. 221 с.
4. Сэй Ж.-Б. *Трактат политической экономии*. Бункина МК, Семенов АМ, составители. Москва: Дело; 2000. 229 с.
5. Тюнен ИГ. *Изолированное государство*. Торнеус ЕА, переводчик; Рыбников АА, редактор. Москва: Экономическая жизнь; 1926. 326 с.
6. ПолUTOва МА. Генезис представлений зарубежных исследователей о сущности и характерных признаках феномена «предпринимательство». *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2013;1(92):63–75.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма: экономическая социология. В: Вебер М. *Избранные произведения*. Левина МН, Филиппов АВ, Гайденоко ПП, переводчики; Давыдов ЮН, редактор. Москва: Прогресс; 1990. с. 61–272.
8. Зомбарт В. Евреи и хозяйственная жизнь. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2001;4(1):27–53.
9. Найт ФХ. *Риск, неопределенность и прибыль*. Каждан МЯ, переводчик; Гребенников ВГ, редактор. Москва: Дело; 2003. 355 с.
10. Диксит А, Нейлбафф Б. *Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни*. Яцук Н, переводчик. 4-е издание. Москва: Манн, Иванов, Фербер; 2018. 464 с.
11. Шумпетер Й. *Теория экономического развития*. Автономов ВС, переводчик. Москва: Директмедиа Паблишинг; 2008. 401 с.
12. Кирцнер И. *Конкуренция и предпринимательство*. Куряев АВ, Бабушкин ДА, переводчики; Романов АН, редактор. Москва: ЮНИТИ-ДАНА; 2001. 239 с.

References

1. On the results of the Republic of Belarus in the Doing Business report. Belarus in the rating «Doing Business» [Internet]. Ministry of Economy of the Republic of Belarus [cited 2018 December 12]. Available from: http://www.economy.gov.by/ru/doing_business-ru. Russian.
2. Business without borders: the meaning of the term «social entrepreneurship» [Internet]. New business. Social entrepreneurship. 2008 June 10 [cited 2018 June 10]. Available from: <http://nb-forum.ru/interview/experts/biznes-bez-granits-smysl-termina-sotsialnoe-predprinimatelstvo>. Russian.
3. Sludkovskaya MA, Rozinskaya NA. *Razvitie zapadnoi ekonomicheskoi mysli v sotsial'no-politicheskom kontekste* [The development of national economic thought in the socio-political context]. Moscow: INFRA-M; 2005. 221 p. Russian.
4. Sei Zh-B. *Traktat politicheskoi ekonomii* [A treatise on political economy]. Bunkina MK, Semenov AM, compilers. Moscow: Delo; 2000. P. 89–159. Russian.
5. Tunen IG. *Izolirovannoe gosudarstvo* [The isolated state]. Torneus EA, translator; Rybnikov AA, editor. Moscow: Economic Life; 1926. 326 p. Russian.
6. Polutova MA. The genesis of ideas about nature of foreign researchers and characteristics of the phenomenon of «entrepreneurship». *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013;1(92):63–75. Russian.
7. Weber M. [The protestant ethic and the spirit of capitalism: economic sociology]. In: Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Levina MN, Filippov AV, Gaidenko PP, translators; Davydov YuN, editor. Moscow: Progress; 1990. p. 61–272. Russian.
8. Zombart V. [Jews and economic life]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2001;4(1):27–53. Russian.
9. Knight FKh. *Risk, neopredelennost' i pribyl'* [Risk, uncertainty and profit]. Kazhdan MYa, translator; Grebennikov VG, editor. Moscow: Delo; 2003. 355 p. Russian.
10. Dixit A, Nailbuff B. *Teoriya igr. Iskustvo strategicheskogo myshleniya v biznese i zhizni* [The art of strategy. A game Theorist's Guide]. Yatsyuk N, translator. 4th edition. Moscow: Mann, Ivanov, Ferber; 2018. 464 p. Russian.
11. Schumpeter Y. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of economic development]. Avtonomov VS, translator. Moscow: Directmedia Publishing; 2008. 401 p. Russian.
12. Kirzner I. *Konkurentsiya i predprinimatel'stvo* [Competition and entrepreneurship]. Kuryaev AV, Babushkin DA, translators; Romanov AN, editor. Moscow: UNITY-DANA; 2001. 239 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.04.2019.
Received by editorial board 01.04.2019.

ФИЛОСОФИЯ А. БЕРГСОНА В КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Н. И. КУЛАК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные идеи А. Бергсона в оценке одного из главных представителей русской философии второй половины XIX – начала XX в. Г. В. Плеханова. Выявляется специфика основных положений А. Бергсона путем критического анализа и обоснования с позиций исторического материализма Г. В. Плеханова. Показана значимость интуитивизма А. Бергсона в развитии философских доктрин русских и западноевропейских мыслителей. Анализируются материалистические тенденции в философии А. Бергсона.

Ключевые слова: Г. В. Плеханов; А. Бергсон; творческая эволюция; исторический материализм.

THE PHILOSOPHY OF A. BERGSON IN A CRITICAL ASSESSMENT BY G. V. PLEKHANOV

N. I. KULAK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the main ideas of A. Bergson in the assessment of one of the main representatives of Russian philosophy in the second half of the 19th – early 20th centuries G. V. Plekhanov. The specificity of the main provisions of A. Bergson is revealed through the critical analysis and substantiation from the standpoint of historical materialism of G. V. Plekhanov. The significance of A. Bergson's intuitivism in the development of the philosophical doctrines of Russian and Western European thinkers is shown. The materialistic trends in the philosophy of A. Bergson are analyzed.

Keywords: G. V. Plekhanov; A. Bergson; creative evolution; historical materialism.

Георгий Валентинович Плеханов и Анри Бергсон еще при жизни получили известность. Вторая половина XIX и начало XX в. были ознаменованы величием русского и французского мыслителей ввиду значительного влияния их концепций на современников. Деятельность Г. В. Плеханова носила всесторонний характер: он был активным участником международного рабочего движения и ключевой фигурой 2-го Интернационала, пропагандировал и защищал материалистическое мировоззрение в российском и западноевропейском революционном движении. В меньшей степени

Г. В. Плеханов известен как мыслитель, реагировавший на самые актуальные философские вызовы своего времени. У него есть многочисленные работы, в которых он полемизирует с известными философскими доктринами. Отметим наиболее значимые из них: «Очерки по истории материализма», «Н. Г. Чернышевский», «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», «Трусливый идеализм», «Скептицизм в философии», «Materialismus militans» [1–6]. Г. В. Плеханов в названных сочинениях придерживается позиций исторического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса и выступает с кри-

Образец цитирования:

Кулак НИ. Философия А. Бергсона в критической оценке Г. В. Плеханова. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;3:27–31.

For citation:

Kulak NI. The philosophy of A. Bergson in a critical assessment by G. V. Plekhanov. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;3:27–31. Russian.

Автор:

Никита Иванович Кулак – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук А. А. Легчилин.

Author:

Nikita I. Kulak, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
kulak.nikita@inbox.ru

тикой современного берклианства, юмизма, неокантианства, прагматизма, интуитивизма. Не осталась без внимания философа и деятельность А. Бергсона, чье мировоззрение формировалось под влиянием французского спиритуализма, восходящего к философии М. де Бирана. Значительное воздействие на французского мыслителя оказал Ф. Шеллинг через его последователя Ф. Равессона.

Отношение к А. Бергсону и оценка его идей до сих пор дискуссионны. В истории русской философии второй половины XIX – начала XX в. сложно отыскать известного философа, который не ссылался бы на А. Бергсона, не интерпретировал бы его учение, не использовал бы его ключевые принципы: «Философия Бергсона приобрела известность в России в 1909–1912 годах, через несколько лет после выхода в свет его главной работы – “Творческой эволюции” (1907), создавшей автору репутацию властителя дум западного образованного сословия и вызвавшей всплеск интереса к его творчеству и к самой его личности – интереса, который порой граничил с неумеренным поклонением, ажиотажем, мешая адекватному восприятию его идей» [7, с. 12].

Одним из первых взглядами французского мыслителя заинтересовался интуитивист Л. М. Лопатин, который разрабатывал концепцию «конкретного», или «динамического», спиритуализма. Его взгляды были изложены в масштабном труде «Положительные задачи философии» [8]. В сочинении «Душа человека» С. Л. Франка можно встретить мысли, которые напоминают идеи А. Бергсона [9]. Н. А. Бердяев в работе «Философия свободы» [10] пользуется методологией А. Бергсона. Его идеи отмечаются и в книге Л. П. Карсавина «О свободе» [11]. «Основные его [Бергсона] труды, как и работы малого формата, в числе которых и знаменитая “Философская интуиция”, переведенная П. Юшкевичем в 1912 г. и сильно подхлестнувшая интерес русских читателей к Бергсону, увидели свет в разных переводах в 1909–1913 годах, а в 1913–1914 годах было предпринято и издание собрания его сочинений. К этому времени имя Бергсона заняло прочное место в философской периодике, где появились, наряду с рецензиями, и материалы обзорного характера, довольно подробно разбирающие его идеи» [12, с. 14].

Советский период характеризуется угасанием интереса к творческому наследию А. Бергсона вследствие специфики его философии для большинства советских читателей. В 1990-х гг. в академической среде под влиянием обострившегося массового внимания к деятельности на время, казалось бы, забытых западноевропейских мыслителей, к которым принадлежал и А. Бергсон, намечается переосмысление основных постулатов философа, например в работах Л. М. Емельяновой «Роль интуиции в процессе познания мира» [13], И. И. Ев-

лампиева «Оформление основополагающих принципов новой метафизики человека в философии Анри Бергсона» [14] и др. В частности, как отмечает И. И. Евлампиев, «одной из важнейших целей его философии является преодоление противоречия между идеализмом и материализмом, “снятие” самого различия между материей и духом» [15, с. 42]. В истории западноевропейской философии преемниками французского мыслителя считали себя Г. Марсель, П. Тейяр де Шарден, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти.

До сих пор нет исследований, посвященных творческому взаимодействию А. Бергсона и Г. В. Плеханова. Мы можем встретить работы либо о философии А. Бергсона, либо о философии Г. В. Плеханова. Богатой историографической базы, свидетельствующей о продуктивной взаимосвязи идей обоих мыслителей, также нет. Имеется рецензия Г. В. Плеханова на труд А. Бергсона «Творческая эволюция», в которой он дает развернутую характеристику его творчества, показывает склонность к идеализму и неустойчивость его взглядов, что проявляется в отсылках, касающихся важности материалистического учения. Стоит отдельно подчеркнуть тот факт, что рецензия русского автора вышла в том же году, в котором был издан трактат французского философа. Это свидетельствует о поразительной осведомленности Г. В. Плеханова о современных тенденциях и мгновенной реакции на них.

Выступая против механицизма и догматического рационализма, А. Бергсон утверждал жизнь в качестве подлинной и первоначальной реальности. Она представлялась человеку целостной, кардинально отличающейся от материи и духа, которые, по мнению философа, являются продуктами распада жизненного процесса. Сущность жизни можно постичь при обращении к интуиции, проникающей в предмет и сливающейся с его индивидуальной природой. «Интуиция движется по ходу самой жизни, интеллект идет в обратном направлении, а потому вполне естественно следует движению материи» [16, с. 118], поэтому А. Бергсон призывает обратиться к «собственной жизни сознания», которая дана каждому непосредственно: «Материя не идет до конца, и изолирование никогда не бывает полным. Если же наука доходит до конца и изолирует что-либо полностью, то она делает это для удобства исследования» [16, с. 8].

А. Бергсон отмечает, что «жизнь в целом, рассматриваемая как творческая эволюция, есть нечто аналогичное: она превосходит целесообразность, если понимать под целесообразностью реализацию идеи, которая познается или может познаваться заранее» [16, с. 99]. Одним из главных утверждений данного трактата является то, что «наша мысль в ее чисто логической форме неспособна представить себе истинную природу жизни, глубокое значение эволюционного движения» [16, с. 130]. Ввиду этого

философию А. Бергсона можно представить как философию «жизненного порыва», играющую ключевую роль в понимании Плехановым анализируемых им произведений французского мыслителя. Уникальность «жизненного порыва» состоит в том, что А. Бергсон ориентируется на необходимость описания и анализа фактического материала, стремится «вернуть дух на почву фактов» [16, с. 76].

В рецензии на «Творческую эволюцию» Г. В. Плеханов отмечал: «Бергсон не любит ходить по избитым тропинкам: он стремится проложить собственную. И он, несомненно, обнаруживает немало оригинальности. Но его оригинальности все-таки хватает лишь на *частности*, которые у него поистине замечательны. А в *общем* он не умеет освободиться от влияния господствующей теперь между философами *склонности к идеализму*. И эта склонность к идеализму, от влияния которой не умеет избавиться Бергсон, несмотря на немалую свою оригинальность, сводит, в конце концов, на нет весь итог его по-своему очень замечательных исследований. Бергсон поистине является жертвой своего неумения разделиться с идеализмом...» [17, с. 313–314]. Русский философ, таким образом, делает вывод о том, что А. Бергсон – заложник идеализма, так как влияние этого учения на него слишком велико.

Критически осмысляя трактат А. Бергсона, Г. В. Плеханов особенно подчеркнул в нем материалистический элемент: «Растение prepares органические вещества непосредственно из веществ минеральных; эта способность избавляет его от необходимости двигаться и вследствие этого – от необходимости чувствовать. Животное, принужденное отыскивать себе пищу, развивало в себе активность и вследствие этого все более широкое и точное сознание» [17, с. 314], т. е. в итоге делается вывод о том, что «развитие сознания определяется нуждами *бытия*» [17, с. 318]. Далее Г. В. Плеханов применил данный тезис в контексте истории социальных идей: «Приложите это замечание... к объяснению развития *общественной мысли*, и у вас получится *теория исторического материализма*. Бергсон и в самом деле близко подходит к этой теории» [17, с. 314]. Отсюда следует, что Г. В. Плеханов в критическом анализе работы А. Бергсона заключает, что в своих философских исканиях французский мыслитель находится в рамках исторического материализма, пусть и не осознавая этого. Значит, можно предположить, что он является последователем данной теории.

С точки зрения А. Бергсона, «до сих пор недостаточно подчеркнуто, что механическое изобретение было вначале его [человеческого сознания] существенным шагом и что еще и теперь наша общественная жизнь имеет своим центром тяжести приготовления и пользования искусственными инструментами. Изобретения, как вехи, стоящие

на пути прогресса, в то же время наметили и направление его» [17, с. 314]. Данная мысль приводит к сути исторического материализма – материалистическому пониманию диалектического развития общества. Но есть важное замечание: по Плеханову, это научное объяснение исторического процесса свидетельствует о знакомстве А. Бергсона с так называемой вульгарной разновидностью исторического материализма (в частности, с П. Лакомбом и его сочинением «Социологические основы истории») [18].

Сравнение идей А. Бергсона и П. Лакомба не случайно. Можно предположить, что это главный показатель того, что А. Бергсон остался в неведении относительно исторического материализма К. Маркса, где ключевая роль отводилась не научным изобретениям, а человеческому труду, материальному производству. Поэтому А. Бергсон ошибочно толковал смену общественных отношений в ходе развития человеческого общества, и это доказывает такое его высказывание: «Когда пройдут тысячелетия и от прошлого останутся только крупные черты, наши войны и революции покажутся очень мало важными, если вообще будут вспоминать о них. О паровой же машине и всевозможных изобретениях будут говорить, быть может, так, как мы говорим о бронзе и о тесаных камнях; она будет определять целую эру» [19, с. 120]. Мы считаем, что данное размышление требует модификации именно с позиций классического марксизма.

Исследуя философию А. Бергсона, Г. В. Плеханов подвергает анализу еще одно знаковое произведение – «Материю и память». В этом сочинении французский философ выступает против и материалистического начала, и идеалистического, поскольку считает их крайними и избыточными. Это показывает, что мировоззрение мыслителя достаточно гибкое, в нем отзываются актуальные социальные проблемы. Философ стремится детально обосновать свои ответы на них на основании предпосылок своей теории. Г. В. Плеханов делает важное замечание в своей рецензии: «Не вступая в терминологический спор с Бергсоном, мы охотно признаем, что он прав: мы не могли бы действовать на внешнюю природу, если бы она оставалась недоступной для нашего познания. Это давно и хорошо выяснено в материалистической философии Маркса и Энгельса. Пойдем дальше. Бергсон утверждает, что “там, где активность направлена на производство, познание необходимо касается отношений”. Это тоже как нельзя более верно. И отсюда опять вытекают совершенно материалистические выводы. Если бы Бергсон захотел их сделать и проследить до логического конца, то он, при своей сильной склонности и выдающейся способности к диалектическому мышлению, осветил бы ярким светом важнейшие вопросы теории

познания» [17, с. 315–316]. Ввиду этого русский марксист, с одной стороны, критически относится к взглядам французского мыслителя на различные сферы бытия (от общества до сознания), к его следованию идеалистическим установкам (особенно при описании развития общества), однако признает его выдающийся вклад в историю философской мысли, его огромный интеллектуальный потенциал, благодаря которому он мог бы довести до логического завершения свои выдающиеся идеи.

История для Г. В. Плеханова – материальный процесс, который вовлекает в себя все многообразие жизни людей. Первичность материальных процессов по отношению ко всем феноменам духовной жизни была для русского философа исходной посылкой в его философии истории. А. Бергсон также скептически оценивал два основных направления в философии: «Ошибка идеализма – в сведении материи к представлению, заблуждение материализма – в превращении материи в вещь» [19, с. 66]. Правомерно будет задать вопрос: какую же позицию занимает этот философ? Очевидной становится дуалистичность его взгляда. Но при этом он объясняет феномены тела и духа так, что появляется надежда если не полностью избавиться, то в значительной степени пре-

одолеть те трудности, которые всегда возникают в подобной ситуации.

Г. В. Плеханов заключает, что А. Бергсон пытался найти точки соприкосновения двух начал. Под его критическую оценку попали натуралистические концепции, которые не просто сближают материю и дух, а сводят сознание, психику, дух к простому детерминистскому следствию материальных процессов. Полагаем, что в дальнейшем шаги к соединению двух принципиально отличающихся друг от друга позиций приведут к усовершенствованию многих процессов общественного бытия.

Аналитическая литература о А. Бергсоне содержит ряд критических замечаний о его методологии и концепции интуитивизма. Методология мыслителя сыграла ключевую роль в формировании последующих философских школ, а интуитивистская концепция занимает важное место в философских традициях и России, и Западной Европы. Г. В. Плеханов, будучи последовательным марксистом, с одной стороны, критикует философию А. Бергсона, а с другой – его вдохновляют ключевые положения доктрины французского мыслителя, поэтому, несмотря на идеалистическую основу взглядов А. Бергсона, Г. В. Плеханов считает его сторонником материалистического понимания истории.

Библиографические ссылки

1. Плеханов ГВ. Очерки по истории материализма. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 2.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1956. с. 33–194.
2. Плеханов ГВ. Работы о Н. Г. Чернышевском. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 4.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1958. с. 47–414.
3. Плеханов ГВ. К шестидесятой годовщине смерти Гегеля. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 1.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1956. с. 422–450.
4. Плеханов ГВ. Трусливый идеализм. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 3.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1957. с. 448–480.
5. Плеханов ГВ. Скептицизм в философии. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 3.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1957. с. 485–507.
6. Плеханов ГВ. *Materialismus militans.* В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 3.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1957. с. 202–301.
7. Кронер Р. Философия «Творческой эволюции» (А. Бергсон). *Логос.* 1910;1:91–123.
8. Лопатин ЛМ. *Положительные задачи философии.* Москва: Либроком; 2011. 464 с.
9. Франк СЛ. *Предмет знания. Душа человека.* Санкт-Петербург: Наука; 1995. 656 с.
10. Бердяев НА. *Философия свободы.* Москва: Юрайт; 2018. 201 с.
11. Карсавин ЛП. О свободе. В: Карсавин ЛП. *Малые сочинения.* Санкт-Петербург: Алетейя; 1994. с. 204–249.
12. Нэтеркотт Ф. *Философская встреча: Бергсон в России.* Блауберг И, переводчик. Москва: Модест Колеров; 2008. 432 с.
13. Емельянова ЛМ. *Роль интуиции в процессе познания мира.* Санкт-Петербург: СПбГУАП; 1997. 265 с.
14. Евлампиев ИИ. *Становление европейской неклассической философии во второй половине XIX – начале XX века.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2008. 229 с.
15. Бергсон А. *Pro et contra: антология.* Евлампиев ИИ, составитель. Москва: Русская христианская гуманитарная академия; 2015. 880 с.
16. Бергсон А. *Творческая эволюция.* Москва: Наука; 1998. 346 с.
17. Плеханов ГВ. Анри Бергсон. Творческая эволюция. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 3.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1956. с. 313–318.
18. Лакомб П. *Социологические основы истории.* 2-е издание. Сементковский РИ, редактор. Москва: Либроком; 2011. 355 с.
19. Бергсон А. *Собрание сочинений. Том 1. Опыт о непосредственных данных сознания.* Москва: Московский клуб; 1992. 336 с.

References

1. Plekhanov GV. [Essays on the history of materialism]. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 2* [Selected philosophic writings. Volume 2]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1956. p. 33–194. Russian.
2. Plekhanov GV. [Works about N. G. Chernyshevsky]. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 4* [Selected philosophic writings. Volume 4]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1958. p. 47–414. Russian.
3. Plekhanov GV. [On the sixtieth anniversary of the death of Hegel]. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 1* [Selected philosophic writings. Volume 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1956. p. 422–450. Russian.
4. Plekhanov GV. Cowardly idealism. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 3* [Selected philosophic writings. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1957. p. 448–480. Russian.
5. Plekhanov GV. Skepticism in philosophy. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 3* [Selected philosophic writings. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1957. p. 485–507. Russian.
6. Plekhanov GV. Materialism militans. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 3* [Selected philosophic writings. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1957. p. 202–301. Russian.
7. Kroner P. [Philosophy of Creative Evolution (A. Bergson)]. *Logos*. 1910;1:91–123. Russian.
8. Lopatin LM. *Polozhitel'nye zadachi filosofii* [Positive tasks of philosophy]. Moscow: Librokom; 2011. 464 p. Russian.
9. Frank SL. *Predmet znaniya. Dusha cheloveka* [The subject of knowledge. The soul of man]. Saint Petersburg: Nauka; 1995. 656 p. Russian.
10. Berdyaev NA. *Filosofiya svobody* [Philosophy of freedom]. Moscow: Yurayt; 2018. 201 p. Russian.
11. Karsavin LP. O svobode [About freedom]. In: Karsavin LP. *Malye sochineniya* [Small works]. Saint Petersburg: Aleteya; 1994. p. 204–249. Russian.
12. Netercott F. *Filosofskaya vstrecha: Bergson v Rossii* [Philosophical meeting: Bergson in Russia]. Blauberg I, translator. Moscow: Modest Colerov; 2008. 432 p. Russian.
13. Emelyanova LM. *Rol' intuitsii v protsesse poznaniya mira* [The role of intuition in the process of knowledge of the world]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation; 1997. 265 p. Russian.
14. Evlampiev II. *Stanovlenie evropeiskoi neklassicheskoi filosofii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [The Formation of European non-classical philosophy in the second half of the 19th – beginning 20th century]. Saint Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University; 2008. 229 p. Russian.
15. Bergson A. *Pro et contra: antologiya* [Pro et contra: anthology]. Evlampiev II, compiler. Moscow: Russian Christian Humanitarian Academy; 2015. 880 p. Russian.
16. Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative Evolution]. Moscow: Nauka; 1998. 346 p.
17. Plekhanov GV. [Review of Bergson's book. Creative Evolution]. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 3* [Selected philosophic writings. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1956. p. 313–318. Russian.
18. Lacombe P. *Sotsiologicheskie osnovy istorii* [Sociological foundations of history]. 2nd edition. Sementkovskii RI, editor. Moscow: Librokom Publishing House; 2011. 355 p. Russian.
19. Bergson A. *Sobranie sochinenii. Tom 1. Opyt o neposredstvennykh dannykh soznaniya* [Collection of works. Volume 1. Experience about the direct data of consciousness]. Moscow: Moskovskii klub; 1992. 336 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 31.05.2019.
Received by editorial board 31.05.2019.

УДК 101.1:316

ГЕОКЛИМАТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИКИ

В. Т. НОВИКОВ¹⁾, О. В. НОВИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Предметом рассмотрения является влияние географических и климатических условий на общественно-исторический процесс в целом и на политические отношения и политику государства в частности. Обращается внимание на возможность абсолютизации роли этого влияния, лежащего в основе принципа геоклиматического детерминизма. Выделяются основные исторические этапы в развитии воззрений на роль геоклиматического фактора в жизнедеятельности людей и развитии общества, анализируются взгляды видных представителей мировой философской и научной мысли прошлого и современности: Аристотеля, Абу Наср аль-Фараби, Ибн Хальдуна, Ж. Бодена, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ф. де Сен-Ламбера, Ж. Ж. Руссо; кратко характеризуются взгляды Г. Т. Бокля, а также немецких географов и экономистов – К. Риттера, В. Кристаллера, А. Лёша, Ф. Наумана, Ф. Ратцеля, А. Геттнера. Отмечается разработка данной темы русскими философами и учеными Н. А. Бердяевым, А. А. Богдановым, В. О. Ключевским, П. П. Семёновым-Тян-Шанским, Л. И. Мечниковым, представителями евразийского движения, а также географом В. В. Клименко, который приводит сравнительную хронологию основных событий климатической и социальной истории за последние пять тысяч лет.

Ключевые слова: философия; методология; геополитика; человек; природа; рельеф; климат; государство; территория; население.

Образец цитирования:

Новиков ВТ, Новикова ОВ. Геоклиматический детерминизм как методологическое основание геополитики. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;3:32–40.

For citation:

Novikau UT, Novikava VU. Geoclimatic determinism as the methodological basis of geopolitics. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;3: 32–40. Russian.

Авторы:

Владимир Тимофеевич Новиков – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Ольга Владимировна Новикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Authors:

Uladzimir T. Novikau, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. novikovvt@tut.by

Volha U. Novikava, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. mod@tut.by

GEOCLIMATIC DETERMINISM AS THE METHODOLOGICAL BASIS OF GEOPOLITICS

U. T. NOVIKAU^a, V. U. NOVIKAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. U. Novikava (mod@tut.by)

The issue reveals how the geography and climate influence the social history and political relations such as the state politics. Therefore the authors pay attention to the potentiality to overemphasize this influence what is the basis of geoclimatic determinism theory. Main periods in the history of philosophy concerned with the influence of geoclimatic factor on socio-dynamics are taken under consideration, philosophical and scientific views of Aristotle, Abu Nasr al-Farabi, Ibn Khaldun, J. Bodin, Ch. L. Montesquieu, J.-F. de Saint Lambert, J. J. Rousseau are analyzed such as conceptions of H. T. Bukle, German geographers and economists K. Ritter, W. Christaller, A. Lösch, F. Naumann, F. Ratzel, A. Hettner. Special attention is paid on the ways of this theme investigation by Russian philosophers and scientists N. A. Berdyaev, A. A. Bogdanov, V. O. Kluchevsky, P. P. Semyonov-Tan-Shansky, L. I. Mechnikov, Eurasianists and by geographer V. V. Klimenko, who worked up the comparative chronology of main facts in climatic and social history by last five thousand years.

Keywords: philosophy; methodology; geopolitics; human; nature; terrain; climate; state; territory; population.

Рассмотрение проблемного поля геополитики предполагает системный анализ этого социально-культурного явления, совмещающего в себе знание, претендующее на статус науки и поэтому отвечающее канонам научной рациональности, а также ориентированное на практическое применение в качестве политической доктрины. В этом смысле разработка проблем геополитики имеет междисциплинарный характер и, в частности, относится к сфере интересов политической онтологии.

Политическая онтология является составным компонентом социальной онтологии как философского учения о бытии общества. Следовательно, политическая онтология – это учение о политическом бытии как составной части политической философии, предмет которой – рефлексия над глубинными основаниями политической жизни социума, экспликация фундаментальных закономерностей ее развития, осмысление сложной диалектики объективных и субъективных факторов политического процесса и их влияния на деятельность людей. Атрибутами политического бытия, как и социального бытия в целом, выступают пространство и время, которые обладают спецификой, присущей политической реальности, поскольку они не самостоятельные сущности, а формы, в которых она существует. Мы уже обращали внимание и кратко характеризовали особенности социального пространства и времени в их взаимосвязи в качестве хронотопа [1, с. 103]. Теперь же обратим внимание на оценку статуса и характера влияния географического положения и климата на социально-политические процессы, происходящие в обществе.

Предваряя этот анализ, отметим, что в философско-методологической традиции существуют два парадигмальных подхода к характеристике воздействия объективных условий на социодинамику – однофакторный и многофакторный. Сто-

ронники первого подхода придают определяющее значение какому-либо одному фактору социодинамики, закладывая тем самым (в зависимости от содержания последнего) программы экономического, демографического, технологического детерминизма. Сторонники второго подхода говорят о необходимости рассматривать влияние объективных факторов в их единстве и взаимном дополнении, но вынуждены согласиться с тем, что обеспечение достижения подобной гармонии представляется проблематичным.

Конечно, нельзя не считаться с тем, что геоклиматический фактор серьезно воздействует на социально-политическое, экономическое и культурное развитие общества, поскольку человечество существует в единой социоприродной реальности. Это понимание свойственно философии на всем протяжении ее существования, хотя отношение к природе не было однозначным: от почитания и вживания в нее до рассмотрения в рамках космоцентрической картины мира отношения к ней с позиций антропоцентрического мировоззрения как к материальному ресурсу и объекту эксплуатации. Но тема существования природы и человечества как единого целого традиционна для философии. Об этом писал в XIX в. А. И. Герцен: «Человек – не вне природы и только относительно противоположен ей, а не в самом деле; если бы природа действительно противоречила разуму, все материальное было бы нелепо, нецелесообразно. Мы привыкли человеческий мир отделять каменной стеною от мира природы – это несправедливо; в действительности вообще нет никаких строго проведенных межей и граней, к великой горести всех систематиков...» [2, с. 251]. В свою очередь, представители естествознания также говорят о важности изучения природы и общества в методологии системного подхода. В этой связи нужно согласиться с мнением извест-

ного географа В. А. Шупера: «Следует отказаться от архаических попыток понять социальные явления вне природной среды, равно как и природные явления – вне социальной» [3, с. 255].

Вывод автора («...поэтому географы всегда были и будут географическими детерминистами» [3, с. 255]) в контексте его рассуждений выглядит категоричным, хотя применительно к геополитике в нем есть резон. Действительно, очень часто характер и степень воздействия геоклиматического фактора на социально-политические процессы рассматривались как решающие параметры этого влияния. Это нашло отражение во многих концепциях геополитики, предстающей в качестве системы знания, изучающей политические явления в их пространственном измерении.

Осознание зависимости развития общества от географических и климатических условий было характерно еще для мыслителей древности. В частности, Аристотель, опираясь на понимание прекрасного и категорию меры в вещах и явлениях и применяя это к размерам государства, отмечает, что «для величины государства, как и всего прочего – животных, растений, орудий, существует известная мера. В самом деле, каждое из них, будучи чрезвычайно малым или выдаваясь своей величиной, не будет в состоянии осуществлять присущие ему возможности, но в одном случае совершенно утратит свои естественные свойства, в другом – придет в плохое состояние... наилучшим пределом для государства является следующий: возможно большее количество населения в целях самодовлеющего его существования, притом легко обозримое... Приблизительно так обстоит дело и с вопросом о территории. Что касается ее свойств, то, очевидно, всякий одобрил бы такую территорию, которая обеспечивает государству наибольшее самодовление. Таковой является территория, приносящая всякого рода продукты, так как самодовление и заключается в том, чтобы ни в чем не было недостатка» [4, с. 598].

В приведенной характеристике у Аристотеля отчетливо проступает установка на взвешенный подход к оценке влияния размеров территории на жизнь государства и защиту от возможных нападений противника. Так, философ отмечает, что территория должна быть труднодоступна для вторжения, но иметь удобные выходы к морю и удовлетворять требованию автаркии (от греч. *autarkeia* – самодовольственность), т. е. самодостаточности и внутренней гармонии для обеспечения благополучия населения.

Более категоричны его рассуждения по поводу воздействия климата на поведение и образ жизни людей. Говоря о свойствах населения разных племен и стран и взяв за основу эллинские государства, Аристотель проводит их сравнительный ана-

лиз: «Племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностью к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии. Эллинский же род, занимая как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми, если бы он только был объединен одним государственным строем» [4, с. 601].

В этих словах Стагирита, во-первых, отчетливо представлена тема связи природы, человека и государства, благополучие которого прямо зависит как от природных условий, так и от людей, способных разумно пользоваться благами не только природы, но и государственного устройства в процессе социализации. Во-вторых, в этом высказывании присутствует стандартное для древнего грека отношение к представителям других народов как к варварам: грекоцентризм опирался на действительно выигрышное географическое и климатическое положение, позволявшее населению Греции быть социально-культурным лидером ойкумены.

Характеризуя элементы геоклиматического детерминизма в Средние века, обратим внимание на арабоязычную философию. В частности, как отмечает современный исследователь А. Х. Касымжанов, Абу Наср аль-Фараби, живший в период раннего Средневековья и наделенный титулом второго учителя (первым учителем на Востоке считали Аристотеля), был склонен к детерминизму и антропологизму при различении народов: «Каждому народу... свойственны три характерных признака: естественный нрав (нравственность, традиции), естественный характер (психологические особенности) и связанный с этим язык» [5, с. 143]. Причиной разнообразия народов по этим признакам является различие частей земли, связанное, по аль-Фараби, «с различием всего положения неба, начиная с неподвижных звезд и кончая положением светил относительно их наклонных сфер, и обуславливающее различие испарений, воздуха, вод, растительного и животного мира, тем самым различие естественных свойств характера» [5, с. 143].

В период позднего Средневековья в арабоязычной философии тема влияния климата на поведение людей и развитие общества прослеживается в работах Ибн Хальдуна, испытывавшего влияние идей как Аристотеля, так и аль-Фараби, Ибн Рушда,

а также трудов по географии Птолемея и аль-Ид-риси. Но особое воздействие на общество, считал Ибн Хальдун, оказывает температурный режим, характерный для выделенных им семи климатических поясов: двух северных – «холодных», двух южных – «крайне жарких», одного «умеренного» и двух «близких к умеренности». Характер климата определяет социально-психологические особенности народов, живущих в этих температурных зонах, причем наиболее благоприятные условия для развития культуры, согласно мыслителю, свойственны для умеренного и близких к умеренному климатических поясов [6, с. 58]. В этой констатации очевидно просматриваются идеи Аристотеля, соотносившего культурные достижения греков с их проживанием в климатически благотворной, гармоничной среде, которой лишены северные народы.

Стоит отметить, что Ибн Хальдун не только зафиксировал связь климатической температуры и поведения людей в качестве объективной закономерности, но также проанализировал влияние этого фактора на формы хозяйственной деятельности. В частности, опираясь на высказывания арабского философа, специалист в области исламской философии А. А. Игнатенко пишет: «Так жители приморских районов Египта, где воздух жарок, не думают о будущем, не делают запасов продовольствия и приобретают лишь необходимое им пропитание и при возникновении потребности в нем. Жители же холодных возвышенностей в районе Феса являют собой противоположность легкомысленным египтянам: они делают запасы зерна, достаточные для того, чтобы прокормиться в течение двух лет, и, кроме того, ежедневно приобретают необходимые им продукты» [6, с. 59].

Геоклиматические воззрения Ибн Хальдуна легли в основу его учения о государстве как хозяйственно-экономическом и политическом институте общества, что обусловило светский характер описанного им государственного строя. В этом смысле как наставление можно рассматривать следующие его слова: «Многие из государственных мужей, обладающие трезвостью в политике, могут обратить внимание на признаки разрушения, которые постигают их государство, и посчитать, что этого можно избежать. Они принимают исправлять государство, улучшать составные части и оздоравливать его, стремясь уберечь государство от этого разрушения. Они считают, что несчастье постигает их государство из-за небрежения или глупости тех государственных мужей, которые были до них. Но это не так. Это разрушение природно» (цит. по: [6, с. 62]). Можно интерпретировать эти слова по-разному, но их смысл очевиден: происходящие в обществе процессы имеют объективный характер, и люди в своих действиях должны учитывать и это обстоятельство, и тот непреложный факт, что они живут в единой социоприродной реальности.

В эпоху Возрождения артикуляция роли географических особенностей и влияния климата в полной мере была свойственна французскому политическому мыслителю и философу Ж. Бодену. В своих работах «Метод легкого изучения истории» и «Шесть книг о государстве» он, претендуя на преодоление заблуждений древних мыслителей, делит территорию, простирающуюся от экватора до полюса и содержащую девяносто градусов, на три равные части: «Тридцать градусов мы предоставим жаре, тридцать – холоду, и останется еще тридцать градусов для района умеренного [климата], где можно жить счастливо в свое удовольствие, за исключением нескольких местностей, какими являются суровые для жизни людей районы крутых гор, земли, влажные из-за покрывающих их болот, или опустошенные засухой районы, ставшие злокачественными и засушливыми из-за недостатка воды и почвы» [7, с. 141].

Особенностью методологии Ж. Бодена является корреляция между географическими (климатическими) условиями жизни людей, проживающих в этих территориальных зонах, и спецификой их физического (телесного) и психологического склада. По убеждению философа, в этих характеристиках человека существует противоречие: «Так как тело и дух наделены противоположными свойствами, то чем сильнее первое, тем слабее второй... Таким образом, очевидно, что дух настолько же владеет южанами, насколько тело владеет скифами» [7, с. 142]. Вообще французский мыслитель очень категоричен в своих оценках социально-психологических особенностей людей из северных и южных регионов земли, приписывая первым жестокость, расточительность и склонность к грабегам, а вторым – созерцательность, скупость и скардность. В то же время, стремясь продемонстрировать свою объективность, он отмечает у южан их «призвание к сокровенным наукам», а у северян – «вкус к ремеслу». Симпатии его лежат на стороне населения третьей зоны: «Но существует третья раса людей, обладающих благороднейшей способностью, умением подчиняться и приказывать, людей, обладающих достаточной силой, чтобы не поддаваться хитрости южан, и надлежащей мудростью, чтобы справиться с грубой силой скифов» [7, с. 142].

Каким же должен быть род занятий у этих людей, отличавшихся по своему складу от южан и северян? Ж. Боден откровенен в своих предпочтениях: «...если подвергнуть рассмотрению совокупность исторических памятников, станет ясно, что от этой расы людей происходят установления, законы, обычаи, административное право, торговля, хозяйство, красноречие, диалектика и, наконец, политика... Действительно, история свидетельствует, что Азия, Греция, Ассирия, Италия, Франция и Верхняя Германия... всегда были районами, где наблюдался расцвет величайших империй; что эти районы

дали величайших полководцев, лучших законодателей, справедливейших судей, проникательных юристов, прославленных ораторов, способных купцов, знаменитейших актеров и писателей» [7, с. 143]. Представляется, что именно у Ж. Бодена геоклиматический детерминизм впервые становится преамбулой европоцентризма, концептуально оформившегося в Новое время.

Классическая форма геоклиматического детерминизма представлена Ш. Л. Монтескье, который в качестве установки отмечает: «Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, что составляет задачу политических законов, или только поддержание его существования, что составляет задачу гражданских законов» [8, с. 541]. Взяв за основу специфику климата (в частности, воздействие температуры воздуха на «характер ума и страсти сердца» людей), он подробно рассматривает его влияние на организм и поведение людей, проживающих в разных регионах: «...в холодных климатах люди крепче. Деятельность сердца и реакция окончаний волокон там совершаются лучше, жидкости находятся в большем равновесии, кровь энергичнее стремится к сердцу, и сердце в свою очередь обладает большей силой. Эта большая сила должна иметь немало последствий, каковы, например, большее доверие к самому себе, т. е. большее мужество, большее сознание своего превосходства, т. е. меньшее желание мстить, большая уверенность в своей безопасности, т. е. больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости... Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши» [8, с. 543].

Для Ш. Л. Монтескье, автора не только политико-правового трактата «О духе законов», но и знаменитых сатирических «Персидских писем», естественно такое красочное и даже лирическое повествование в рамках серьезного исследования, поэтому неудивительно, что он продолжает свой философский анализ в том же стиле: «В южных странах организм нежный, слабый, но чувствительный, предается любви, которая непрерывно зарождается и удовлетворяется в гареме, а при более независимом положении женщин связана с множеством опасностей. В северных странах организм здоровый, крепко сложенный, но тяжеловесный, находит удовольствие во всякой деятельности, которая может расшевелить душу: в охоте, странствованиях, войне и вине. В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямодушия. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления... В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своем

поведении и даже в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость» [8, с. 543–544].

На основании геоклиматических рассуждений Ш. Л. Монтескье делает заключение относительно особенностей властных отношений в обществах разного типа: «...в Азии всегда были обширные империи... и она разрезана горами и морями на более крупные области... Поэтому власть в Азии должна быть всегда деспотической, и если бы там не было такого крайнего рабства, то в ней очень скоро произошло бы разделение на более мелкие государства, несовместимое, однако, с естественным разделением страны... А в Европе в силу ее естественного разделения образовалось несколько государств средней величины, где правление, основанное на законах, не только не оказывается вредным для прочности государства, но, напротив, настолько благоприятно в этом отношении, что государство, лишенное такого правления, приходит в упадок... Вот что образовало тот дух свободы, благодаря которому каждая страна в Европе с большим трудом подчиняется посторонней силе, если эта последняя не действует посредством торговых законов и в интересах ее торговли» [8, с. 544].

В результате проведенного анализа французский просветитель приходит к выводу: «Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа. Чем более усиливается в народе действие одной из этих причин, тем более ослабляется действие прочих» [8, с. 545]. Можно предположить, что Ш. Л. Монтескье этими словами решил сгладить впечатление от очевидного геоклиматического детерминизма, обратив внимание на влияние социально-культурных факторов на развитие общества. Тем не менее для него продолжает оставаться решающим именно воздействие природных условий на жизнедеятельность человека как субъекта социальной динамики и, соответственно, на историческое развитие общества.

Авторы знаменитой «Энциклопедии» популяризировали положения классического просвещенческого детерминизма, касающиеся роли географических и климатических условий и их проекции на политико-правовую мысль. В статье «Законодатель» Ж.-Ф. де Сен-Ламбер, опираясь на воззрения Ш. Л. Монтескье, конкретизирует их применительно к особенностям политического устройства и деятельности государства. Так, по его мнению, государственный чиновник, издавая конституционные законы, должен принимать во внимание размер территории, качество ее почвы, характер своей нации, а также силу и характер соседних наций. «Небольшое государство должно иметь республиканский образ правления; его граждане очень

хорошо сознают свои интересы, и интересы эти слишком просты для того, чтобы отдавать решение вопросов, касающихся этих интересов, монарху, который не может быть осведомленным более, нежели они сами... В государствах же, напротив, достаточно обширных, должно учреждаться самодержавие... Кроме того, большие государства имеют много соседей, внушают им опасения и вынуждены часто воевать. Здесь-то и торжествует монархический образ правления, и особенно в войне сказывается его преимущество перед республиканским – он обеспечивает тайну, единство, быстроту, исключает сопротивление, медлительность» [9, с. 237]. Автор стремится связать территориальные параметры государства и формы правления с климатическими особенностями, материальными потребностями и образом жизни народов. Так, по его утверждению, «северные народы должны быть поглощены заботами о необходимом, а южные могут ощущать лишь потребность в развлечении. Самоед охотится, отыскивает пещеру, рубит и перевозит дрова, чтобы поддержать огонь и согреть напитки, и выделывает шкуры для изготовления одежды, тогда как африканский дикарь ходит совсем нагишом, утоляет жажду из родника, собирает фрукты, спит и пляшет в тени... В наших уже давно цивилизованных странах законодатель, не упуская из виду климат, должен обратить большее внимание на предрассудки, мнения и на установившиеся нравы; и смотря по тому, соответствуют или противостоят эти предрассудки, мнения и нравы его намерениям, он должен побороть или укрепить их своими законами» [9, с. 239–240].

В этом фрагменте проступают зримые контуры европоцентризма (правда, с долей самокритики и свойственной ей метафорой *лестницы цивилизации*). Ведь само слово «цивилизация» первоначально употреблялось только применительно к народам Западной Европы, образ жизни и ценностные ориентиры которых должны были служить образцами для других. Кроме того, автор выражал присущую эпохе Просвещения уверенность во всемогуществе человеческого разума и возможности обустройства мира на принципах рациональности и формального права, положенных в основу законотворческой деятельности.

Ж. Ж. Руссо также отдает дань рассматриваемой проблеме. Он определял государство как учреждаемый общественным соглашением политический организм, наделенный движением и волей. А поскольку «для всякого политического организма есть свой максимум силы, который он не может превышать и от которого он, увеличиваясь в размерах, часто отдаляется» [10], постольку знание оптимальных размеров государства очень важно. Ж. Ж. Руссо внимательно анализирует вопрос о границах протяженности государства, приводит

аргументы в пользу такой территории государства, «которую оно может обладать и не быть притом ни слишком велико, чтобы им можно было хорошо управлять, ни слишком мало, чтобы оно было в состоянии поддерживать свое существование собственными силами» [10].

Следует отметить, что работа Ж. Ж. Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического права» может считаться одной из основных теоретических предпосылок геополитики. Об этом свидетельствуют следующие строки: «Государство, чтобы обладать прочностью, должно создать для себя надежное основание, дабы оно успешно противостояло тем потрясениям, которые ему обязательно придется испытать, и выдержать те усилия, которые неизбежно потребуются для поддержания его существования. Ибо у всех народов есть некоторая центробежная сила, под влиянием которой они постоянно действуют друг против друга и стремятся увеличить свою территорию за счет соседей, как вихри Декарта. Таким образом, слабые рискуют быть в скором времени поглощены, и едва ли кто-либо может уже сохраниться иначе, как приведя себя в некоторого рода равновесие со всеми, что сделало бы давление повсюду приблизительно одинаковым... Из этого видно, что есть причины, заставляющие Государство расширяться, и причины, заставляющие его сжиматься; и талант политика не в последнюю очередь выражается в том, чтобы найти между теми и другими такое соотношение, которое было бы наиболее выгодным для сохранения Государства» [10].

Однако философ предостерегает против чрезмерного увлечения завоеванием и приобретением новых земель: «Впрочем, известны Государства, устроенные таким образом, что необходимость завоеваний была заложена уже в самом их устройстве: чтобы поддержать свое существование, они должны были непрестанно увеличиваться. Возможно, они и радовались немало этой счастливой необходимости, но она предсказывала им, однако, наряду с пределом их величины и срок неизбежного их падения» [10]. Обратим внимание на последнее замечание, важное для нас в методологическом контексте, поскольку далее Ж. Ж. Руссо пишет, что «политический организм можно измерять двумя способами, именно: протяженностью территории и численностью населения; и между первым и вторым из этих измерений существует соотношение, позволяющее определить для Государства подобающие ему размеры. Государство составляют люди, а людей кормит земля. Таким образом, отношение это должно быть таким, чтобы земли было достаточно для пропитания жителей Государства, а их должно быть столько, сколько земля может прокормить. Именно такое соотношение создает максимум силы данного количества населения» [10].

Итак, у французского мыслителя качество жизни государства определяется двумя факторами: протяженностью территории и численностью населения, что можно охарактеризовать как смягчение положений геоклиматического детерминизма, а следовательно, как намечаемый сдвиг к многофакторному подходу. Но в методологии Ж. Ж. Руссо нет и намека на попытку связать воедино геоклиматический и демографический факторы в качестве основных детерминантов социодинамики, что было свойственно Т. Мальтусу в его использовании закона убывающего плодородия почвы для обоснования вытекающих из него социальных последствий.

Конечно, говорить о том, что названным авторам присуща методология однозначной детерминации социально-политических процессов географическими и климатическими условиями природного бытия, было бы большим преувеличением, но приуменьшать и тем более отрицать эту связь также невозможно. О ней достаточно подробно говорили и многие другие западноевропейские мыслители: англичанин Г. Т. Бокль, дифференцировавший природный фактор на климат, пищу, почву и ландшафт, немецкие географы и экономисты К. Риттер, В. Кристаллер, А. Лёш, Ф. Науман, Ф. Ратцель, А. Геттнер, исследовавшие влияние рельефа местности на форму политического режима.

В Российской империи, а впоследствии в СССР и в среде русской эмиграции первой половины XX в. тенденция акцентирования роли географических условий в развитии общества была свойственна многим мыслителям. Так, Н. А. Бердяев писал, что «над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней. Западноевропейский человек чувствует себя сдавленным малыми размерами пространств земли и столь же малыми пространствами души. Он привык возлагаться на свою интенсивную энергию и активность» [11, с. 61]. Иногда в среде русских философов и ученых это воздействие преувеличивалось, что, например, характерно для А. А. Богданова, одного из основоположников учения о самоорганизации систем и принципах социального управления – тектологии, а также представителей евразийского движения (П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилев, в настоящее время – А. Г. Дугин).

Русскими интеллектуалами было высказано много идей, имеющих прямое отношение к геополитике. Известный географ и статистик П. П. Семёнов-Тян-Шанский утверждал, что самым устойчивым типом организации государства является его расположение в пространстве «от моря до моря», социолог и географ Л. И. Мечников разработал «водную концепцию» генезиса и развития цивилизаций, биофизик А. Л. Чижевский установил связь солнечной активности с эскалацией движения народных

масс, В. О. Ключевский отмечал важность знания особенностей географической среды для раскрытия исторических закономерностей развития русского общества: «Человеческая личность, людское общество и природа страны – вот те три основные исторические силы, которые строят людское общество» [12, с. 40]. Историк дифференцировал влияние почвенных и ботанических полос, речной сети, стихий Русской равнины, леса, степи, говоря о том, что от них зависит хозяйственный быт, внутренняя и внешняя безопасность и, значит, их использование имеет важное политическое значение.

Симптоматично, что тема воздействия геоклиматических условий на историческое развитие общества, в частности на становление и цивилизационную динамику России, – предмет обсуждения и в современной философской, научной литературе, и в публицистической (например, в литературно-художественном издании известного писателя Б. Акунина «Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия»). Опираясь на работы В. О. Ключевского, Б. Акунин начинает рассмотрение истории России с констатации того, что в древности жизнь людей целиком зависела от природных условий и евроазиатская цивилизация, частью которой является Россия, своим возникновением обязана окончанию последнего ледникового периода. Далее литератор обращается к более обширному контексту, характеризующему бытующие в литературе представления гипотетического характера: «Помимо ледниковых периодов, растягивающихся на долгие тысячелетия, историческая климатология выделяет еще и “короткие” фазы потеплений и похолоданий, обычно продолжающиеся несколько веков» [13, с. 13]. Не остается вне поля его внимания и «весьма правдоподобная гипотеза, согласно которой расширение и расцвет Рима были бы невозможны без “Римского теплого периода” (250 до н. э. – 400 н. э.), когда, судя по археологическим находкам, даже в Британии выращивали виноград и делали вино. Римляне оставили свои дальние провинции еще и потому, что там стало слишком холодно и голодно зимой» [13, с. 13–14]. Кроме того, ссылаясь на мнения некоторых историков, Б. Акунин отмечает, что последнее по времени европейское похолодание случилось в XVI–XVIII вв. [13, с. 14].

Казалось бы, можно и не обращать внимания на эти замечания писателя, тем более что его цель, по собственному признанию, – популяризация подобной информации. Но среди исследовательских проектов, для которых характерна ориентация на соответствие канонам научной рациональности, отметим интересную работу известного ученого-географа В. В. Клименко, члена-корреспондента РАН. В его монографии приводится сравнительная хронология основных событий климатической и со-

циальной истории за последние пять тысяч лет [14]. Сопоставляя данные, автор показывает, что в эпохи локального ухудшения климата (например, при похолодании или уменьшении количества осадков) доминировали тенденции к объединению племен и народов, массовым переселениям, образованию новых государств, необычайному взлету человеческого разума и интеллекта, осуществлению значительных культурных и технологических прорывов, в результате чего в Восточной Европе к концу XV в. образовалось, как его называет автор, Польско-Литовское государство, простиравшееся «широкой полосой от Балтики до Черного моря» [14, с. 332]. Заметим, что указанное время в принципе соответствует установлению во второй половине XIV в. территориальных границ Великого княжества Литовского.

Что же касается эпох улучшения климата, то им, считает ученый, сопутствуют «ослабление централизованной власти, обострение внутренних противоречий, распад государств, крушение империй». В итоге В. В. Клименко делает вывод о том, что «колебания климата – не пассивный фон, на котором разыгрывается драма всемирной истории, а ее важное действующее лицо» [14, с. 321].

В качестве предостережения по поводу опасности абсолютизации связи социальной и климатической историей можно вспомнить мысль Г. Гегеля: «Не следует ни преувеличивать, ни умалять значения природы; мягкий ионийский климат, конечно, очень способствовал изяществу поэм Гомера, но один климат не может порождать Гомеров, да и не всегда порождает их; под властью турок не появлялось никаких певцов» [15, с. 126].

Библиографические ссылки

1. Зеленков АИ, Новиков ВТ, Анохина ВВ, Лазаревич АА. *Социум, цивилизация, культура в исследовательских традициях классической и современной философии*. Зеленков АИ, редактор. Минск: БГУ; 2015. 327 с.
2. Герцен АИ. Письма об изучении природы. В: Герцен АИ. *Сочинения. Том 1*. Володин АИ, редактор. Москва: Мысль; 1985. с. 222–398.
3. Лекторский ВА, Ойзерман ТИ, редакторы. *Теория познания. Том 4. Познание социальной реальности*. Москва: Мысль; 1995. 431 с.
4. Аристотель. Политика. В: Аристотель. *Сочинения. Том 4*. Жебелев СА, Доватур АИ, переводчики. Москва: Мысль; 1983. с. 375–644.
5. Касымжанов АХ. *Абу Наср аль-Фараби*. Литвинова ЛВ, редактор. Москва: Мысль; 1982. 198 с.
6. Игнатенко АА. *Ибн-Хальдун*. Москва: Мысль; 1980. 160 с.
7. Боден. Метод легкого изучения истории. В: Соколов ВВ, редактор. *Антология мировой философии. Том 2*. Москва: Мысль; 1970. с. 141–144.
8. Монтескье. О духе законов. В: Соколов ВВ, редактор. *Антология мировой философии. Том 2*. Москва: Мысль; 1970. с. 536–545.
9. Богуславский ВМ, редактор. *Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера*. Москва: Наука; 1994. 720 с.
10. Руссо ЖЖ. *Об общественном договоре, или Принципы политического права* [Интернет]. Хяутин АД, Алексеев-Попов ВС, переводчики. Москва: КАНОН-пресс; 1998 [процитировано 15 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://lib.ru/FILO-SOF/RUSSO/prawo.txt>.
11. Бердяев НА. *Судьба России*. Москва: Философское общество СССР; 1990. 240 с.
12. Ключевский ВО. *Сочинения в девяти томах. Том 1*. Янин ВЛ, редактор. Москва: Мысль; 1987. 432 с.
13. Акунин Б. *История Российского государства. Том 1, часть 1. От истоков до монгольского нашествия*. Москва: АСТ; 2014. 396 с.
14. Клименко ВВ. *Климат: непрочитанная глава истории*. Москва: Издательский дом МЭИ; 2009. 407 с.
15. Гегель ГВФ. *Лекции по философии истории*. Воден АМ, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 1993. 480 с.

References

1. Zelenkov AI, Novikov VT, Anokhina VV, Lazarevich AA. *Sotsium, tsivilizatsia, kul'tura v issledovatel'skikh traditsiyakh klassicheskoi i sovremennoi filosofii* [Society, civilization, culture in research traditions of classic and contemporary philosophy]. Zelenkov AI, editor. Minsk: Belarusian State University; 2015. 327 p. Russian.
2. Gertsen AI. [The Letters on nature studies]. In: Gertsen AI. *Sochineniya. Tom 1* [Writings. Volume 1]. Volodin AI, editor. Moscow: Mysl'; 1985. p. 222–398. Russian.
3. Lektorsky VA, Oizerman TI, editors. *Teoriya poznaniya. Tom 4. Poznanie sotsial'noi real'nosti* [Epistemology. Volume 4. Social epistemology]. Moscow: Mysl'; 1995. 431 p. Russian.
4. Aristotel'. [Politics]. In: Aristotle. *Sochineniya. Tom 4* [Writings. Volume 4]. Zhebelev SA, Dovatur AI, translators. Moscow: Mysl'; 1983. p. 375–644. Russian.
5. Kasymjanov AKh. *Abu Nasr al-Farabi*. Litvinova LV, editor. Moscow: Mysl'; 1982. 198 p. Russian.
6. Ignatenko AA. *Ibn Khaldun*. Moscow: Mysl'; 1980. 160 p. Russian.
7. Bodin [Method of the easy knowledge of history]. In: Sokolov VV, editor. *Antologiya mirovoi filosofii. Tom 2* [Anthology of the world philosophy. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 1970. p. 141–144. Russian.
8. Montesquieu. [On the spirit of the laws]. In: Sokolov VV, editor. *Antologiya mirovoi filosofii. Tom 2* [Anthology of the world philosophy. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 1970. p. 536–545. Russian.

9. Boguslavsky VM, editor. *Filosofiya v «Entsiklopedii» Didro i Dalamberta* [Philosophy in «Encyclopedia» of Diderot and D'Alembert]. Moscow: Nauka; 1994. 720 p. Russian.
10. Rousseau JJ. *Ob obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo prava* [Du contrat social ou Principes du droit politique] [Internet]. Khayutin AD, Alekseev-Popov VS, translators. Moscow: KANON-press; 1998 [cited 2019 May 15]. Available from: <http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt>. Russian.
11. Berdyaev NA. *Sud'ba Rossii* [Russia's destiny]. Moscow: Philosophical Society of the USSR; 1990. 240 p. Russian.
12. Kluchevsky VO. *Sochineniya v devyati tomakh. Tom 1* [Writings in the nine volumes. Volume 1]. Yanin VL, editor. Moscow: Mysl'; 1987. 432 p. Russian.
13. Akunin B. *Istoriya Rossiyskogo gosudarstva. Tom 1, chast' 1. Ot istokov do mongol'skogo nashestviya* [History of the Russian state. Volume 1, part 1. From the beginning to Mongol yoke]. Moscow: AST; 2014. 396 p. Russian.
14. Klimenko VV. *Klimat: neprochitannaya glava istorii* [Climat: The unread history chapter]. Moscow: MEI Publishing; 2009; 407 p. Russian.
15. Hegel HWF. *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. Voden AM, translator. Saint Petersburg: Nauka; 1993. 480 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.05.2019.
Received by editorial board 24.05.2019.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИОДИНАМИКИ КУЛЬТУРЫ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ДИСКУРСЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. В. РАДЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные тренды социодинамики культуры в эпоху постсовременности, которые детерминированы процессами глобализации. Анализ данного феномена претерпевает определенные трансформации в современном социально-философском дискурсе – от его ярко выраженных оценок в терминах гомогенизации, стандартизации и конвергенции к тенденциям партикуляризма, сепаратизма и четко артикулированной дивергенции. Исследование этих процессов позволяет выделить основные особенности социодинамики современного общества, обозначить основные векторы культурного развития мировой цивилизации, выявить позитивные и негативные стороны глобализации на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: культура; глобализация; конвергенция; дивергенция; социодинамика культуры; идентификация.

THE MAIN TRENDS IN THE SOCIODYNAMICS OF CULTURE IN THE TRANSFORMING DISCOURSE OF GLOBALIZATION

E. V. RADEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the main trends in the socio-dynamics of culture in the post-modern era, which are determined by the processes of globalization. The analysis of this phenomenon also undergoes certain transformations in modern social and philosophical discourse – from its pronounced assessments in terms of homogenization, standardization and convergence to trends of particularism, separatism and clearly articulated divergence. Analysis of these processes makes it possible to identify the main features of the sociodynamics of modern society, to identify the main vectors of cultural development of world civilization, to identify the positive and negative aspects of globalization at the present stage of development of society.

Keywords: culture; globalization; convergence; divergence; sociodynamics of culture; identification.

Процесс глобализации, активная фаза которого началась в последней трети XX в., существенным образом повлиял на все сферы жизни общества. Особым статусом обладают трансформации в сфере культуры. В связи с этим цель статьи – определение основных тенденций социодинамики культуры

в условиях глобализации и современного вектора глобализационных трансформаций, их оценка в социально-философском дискурсе. Задачи исследования: 1) выявление основных тенденций глобализации культуры в современном обществе; 2) экспликация доминирующих трендов социодинамики

Образец цитирования:

Радевич ЕВ. Основные тенденции социодинамики культуры в трансформирующемся дискурсе глобализации. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;3:41–46.

For citation:

Radevich EV. The main trends in the sociodynamics of culture in the transforming discourse of globalization. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;3:41–46. Russian.

Автор:

Екатерина Владимировна Радевич – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Ekaterina V. Radevich, senior lecturer at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
katrin_frol@mail.ru

культуры в эпоху постсовременности; 3) установление актуального вектора феномена глобализации на современном этапе социокультурного развития.

Основные методы исследования: системный анализ основных тенденций социодинамики культуры, интерпретирующий анализ современных концепций глобализации культуры.

Один из главных вопросов в контексте обсуждения социокультурных последствий глобализации – это вопрос о том, становятся ли представители разных культур все более и более похожими друг на друга либо современное состояние мирового сообщества демонстрирует нам обратную тенденцию. Эта проблема наиболее часто обсуждается в дискуссиях о глобализации культуры, и она же разделяет современных исследователей на два лагеря.

Можно выделить группу пессимистически настроенных мыслителей, которые полагают, что мировое сообщество развивается в направлении единообразия, все меньше демонстрируя культурное разнообразие. Ссылаясь на диффузию англо-американских ценностей (в том числе товаров народного потребления) по всему миру, адепты тезиса о культурной гомогенизации утверждают, что западные нормы и образ жизни подавляют более уязвимые культуры. Тем не менее существует достаточно примеров того, как некоторые страны предпринимают попытки противостоять культурному империализму: например, запрет на спутниковые тарелки в Иране, установление квот на импорт кино- и телевизионных продуктов во Франции.

Однако тенденции к единообразию можно наблюдать и внутри самих стран-гегемонов. Американский социолог Дж. Ритцер ввел понятие «макдональдизация» [1] для описания широкого круга социокультурных процессов, в силу которых принципы ресторана быстрого питания начинают все более доминировать во всех сферах не только американского общества, но и всего мира. При поверхностном рассмотрении эти правила кажутся вполне рационально обоснованными. Они предлагают, казалось бы, эффективные способы быстрого обслуживания людей, но за фасадом красивых рекламных лозунгов скрываются весьма серьезные проблемы. Во-первых, это низкая питательная ценность фастфуда, большое количество содержащихся в нем жиров, которые приводят к серьезным проблемам со здоровьем – ожирению, диабету, развитию болезней сердца. Во-вторых, безликие, рутинные операции и однообразные алгоритмы работы, принятые в так называемом рациональном быстром обслуживании, фактически приводят к дегуманизации человеческих отношений и стандартизации образа жизни, нивелируют творческую активность индивида, так как его труд превращается в выполнение последовательных автоматизи-

рованных операций и сводится к точному соблюдению инструкций.

Такой же пессимистической точки зрения придерживается американский политолог Б. Барбер, который в своей книге «Потребленный: как рынки развращают детей, инфантилизируют взрослых и поглощают всех граждан» выступает против этоса инфантильности, поддерживаемого глобальным капитализмом, превращающего взрослых в детей благодаря рекламе и товарам массового потребления, а детей – в потребителей [2].

Среди исследователей глобализационных изменений в сфере культуры есть и оптимисты, которые также соглашались с тем, что глобализация ведет к культурному единообразию, но видят в этом положительную сторону. Например, Ф. Фукуяма приветствует распространение англо-американских ценностей и соответствующего образа жизни по всему миру, приравнивая этот процесс к расширению демократии и свободного рынка [3].

Тем не менее тезис о гомогенизации и стандартизации всего мира еще не означает, что всему культурному разнообразию планеты суждено исчезнуть навсегда. Многие авторитетные мыслители высказывают мнение о том, что глобализация вызывает к жизни новые формы культурного самовыражения и актуализирует самобытные национальные черты [4]. В частности, Р. Робертсон утверждает, что глобализация часто реанимирует местные культурные особенности [5]. Следовательно, вместо того чтобы быть полностью поглощенными западной масс-культурой, локальные черты и национальные особенности по-прежнему играют важную роль в создании уникальных культурных образований. Аргументируя тезис о том, что культурная глобализация всегда разворачивается в локальном контексте, Р. Робертсон использует понятие «глокализация», которое означает единство глобального и локального, которое подразумевает культурное взаимообогащение.

Вышеназванные доводы скептиков и оптимистов не обязательно являются несовместимыми. Современный опыт жизнедеятельности, осуществляемый поверх культурных границ, свидетельствует не только о потере традиционных символических форм, но и о создании новых культурных смыслов. Глобализация культуры способствует значительному расширению сознания людей, когда понятие «национальное сообщество» устаревает и появляется глобальное мировоззрение, предполагающее активное культурное взаимодействие, в рамках которого формируется межкультурный диалог. Традиционная дихотомия *Восток – Запад* теряет свою актуальность в транснациональном социальном пространстве, или «глобальном космополитичном обществе», как его обозначил Э. Гидденс [6, с. 35]. В процессе межкультурной коммуникации о себе

заявляют локальные этнические группы, небольшие народности, которые претендуют на то, чтобы их интересы и права не ущемлялись. Усиление тенденции к локализации в условиях становления глобального социокультурного пространства указывает на то, что *глобализация на современном этапе социодинамики становится фактором дивергенции мирового сообщества*. Последняя проявляется в сепаратистских и фундаменталистских движениях, военных конфликтах (Сирия, Украина), а также недавнем решении Великобритании выйти из Евросоюза (*Brexit*). Кроме того, дивергентные процессы в мире усиливаются в результате вызовов, с которыми сталкивается человеческая цивилизация на рубеже столетий: мировой финансово-экономический кризис; эколого-климатические проблемы, число которых увеличивается наряду с интенсивным ростом технологического развития человечества; гуманитарный, ресурсно-сырьевой и энергетический кризисы; распространение терроризма. Все эти явления обостряются в эпоху глобализации, что позволяет сделать вывод о том, что именно глобализация не только ускоряет, но и порождает многие кризисные ситуации [7].

Интенсификация глобализационных процессов активизирует усилия по сохранению, возрождению и укреплению национальных, этнических и других форм коллективной идентичности. Такого мнения придерживается, в частности, Д. Келлнер: «Стремление к идентичности, возможно, более интенсивно в настоящий момент, чем когда-либо»¹ [8, р. 256]. Автор соглашается с тем, что идентичность в современной постмодернистской ситуации наиболее сильно подвержена изменениям и наименее устойчива и едина, чем прежде. В некоторой степени это результат разрушительного воздействия медиакультуры: «Реклама, мода, телевидение и средства массовой информации постоянно дестабилизируют идентичность и вносят свой вклад в производство более нестабильной, подвижной и постоянно изменяющейся идентичности на современной культурной сцене» [8, р. 256].

В то же время в различных частях современного мира можно заметить признаки возвращения к трайбализму и различным формам коллективной идентичности: национальной, этнической, религиозной. Это не означает, что национальная идентичность стала реликтом прошлого или скоро им станет. Наоборот, многие исследователи считают, что национальная идентичность остается для большинства людей одной из важнейших форм коллективной идентичности. Э. Смит говорит о том, что она принципиально значима по ряду причин: у нее повсеместный характер, она широко распространена и глобальна (нет ни одной сферы деятельности, которая не была бы затронута на-

циональными мотивами), в силу существования огромного количества народов и национальных идентичностей национальные аспекты манифестируются в социальных, политических и идеологических движениях, течениях и направлениях [9, р. 143]. Таким образом, вышеназванные тенденции актуализации этнической, национальной и религиозной идентичности более свидетельствуют о наличии дивергентных процессов в условиях глобализации, чем о конвергенции мирового сообщества.

С учетом сложности глобальных культурных процессов вполне ожидаемы их неравномерные и противоречивые последствия. В определенных обстоятельствах эти глобальные культурные потоки могут изменить традиционное проявление национальной идентичности в сторону некоторой гомогенности. В других случаях они могут способствовать выражению нового культурного партикуляризма, в иных – поощрять формы культурной гибридности. В связи с этим в современном мире едва ли можно увидеть общество, обладающее аутентичной, самодостаточной культурой при наличии процессов американизации, обезличивающих другие культуры, о которых говорят многие исследователи. В то же время тем мыслителям, которые поддерживают идеологию вестернизации и распространение консьюмеризма, не следует забывать о негативных последствиях этих процессов: массовизации культуры, резком сокращении традиционных особенностей, коммерциализации природы и общества.

У СМИ особая роль в процессе культурной глобализации. В значительной степени современные культурные потоки генерируются и режиссируются глобальными медиаимпериями, распространяющими свои идеи и сообщения посредством коммуникационных технологий. Насыщая мировую культурную среду шаблонными телешоу, бессмысленными рекламными роликами, эти корпорации все чаще формируют по всему миру идентичность людей и определяют их желания.

Культура и финансовая сфера становятся неразрывно связанными друг с другом, и в результате такого вынужденного сотрудничества возникают определенные негативные последствия. Телевидение коммерциализируется, демонстрируя ориентацию на массового зрителя, а не на серьезный контент. В последние десятилетия новостные и образовательные программы превращаются в развлекательные шоу. Партнерские отношения между медиакомпаниями и компаниями, производящими развлечения, уже становятся нормой.

Характеризуя основные тенденции, сложившиеся в процессе социокультурной глобализации, выделим следующие из них:

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. Р.

1. В современной социокультурной ситуации наиболее приемлемый способ взаимодействия – *полилог* культурных традиций, т. е. равное партнерство, кооперативное взаимодействие. В этом проявляется идеология полицентризма мирового сообщества, поддерживаемая многими исследователями. В то же время наблюдается однозначный перевес в сторону западных приоритетов, которые часто навязываются иным регионам мира, преподносятся им как идеальный образ жизни и универсальная система ценностей. Такая экспансия вестернизации вызывает резкое неприятие со стороны арабо-мусульманского населения и народов иных азиатских регионов. Более того, вестернизированный образ жизни и мышления в условиях глобализации чаще всего превращается в американизацию. Экстраполяция по всему миру американской идеологии приводит к тому, что идеалы консьюмеризма и массовой культуры целенаправленно насаждаются с целью укрепить статус глобального гегемона в политико-экономической, ценностной и идеологической сферах общественной жизни. Это подтверждается многочисленными социологическими, экономическими и культурологическими исследованиями. Так, Н. Холлис, анализируя покупательскую способность в разных регионах мира (США, Бразилии, Мексике, России и Китае), отметил, что в российском регионе при выборе того или иного товара потребители ориентируются скорее на иностранную марку (особенно известную американскую компанию), чем на отечественного производителя: «Вера в то, что иностранный бренд обычно более высокого качества или что его потребление помогает определить статус человека, отнюдь не ограничивается Россией, но только там мы находим такое сильное, негативное отношение к местным брендам» [10, р. 14].

2. Ослабление статуса национального государства также способствует усилению унификации и гомогенизации (государство лишается монополии на принятие политических решений как внутри себя, так и на международной арене). Некоторые исследователи рассматривают этот факт как позитивный. Б. Нейчман, например, полагает, что нации имеют более долговечное существование, чем государства, и выдвигает тезис, подтверждающий идею культурной детерминации всех политических трансформаций: «Государства приходят и уходят, национальности остаются» [11, р. 233]. Считаем такое утверждение довольно гиперболизированным, выражающим крайнюю этноцентрическую точку зрения. Тем не менее можно с уверенностью отметить, что сегодня все чаще наблюдаются проявления локализации и партикуляризма, что свидетельствует о том, что формирование монокультурного мира – весьма преувеличенная абстракция.

3. Постепенное нивелирование национальных культурных особенностей, ценностей и обычаев, которые составляют основу культурной традиции, – это следующая тенденция, которая логически вытекает из предыдущей. Разрушение традиции – одно из самых существенных негативных последствий глобальных социокультурных изменений: «Без опоры на традицию как главного механизма сохранения и трансляции социокультурного опыта теряется способность к воспроизводству культуры» [12].

П. Шнайдер, анализируя основные тренды глобализации, обратил внимание на культурную модернизацию, которая усиливается экономической глобализацией, широким распространением телекоммуникационной инфраструктуры и ведет к постепенной маргинализации традиционных культур. Автор предсказывает их исчезновение до конца XXI в.: «Дети традиционных обществ растут в западной одежде, едят западную еду, слушают западную музыку и (что самое главное) думают западные мысли» [13, р. 23].

4. Тенденция к унификации культуры в связи с использованием английского языка как языка глобальной (научной, культурной, политической) коммуникации способствует международному диалогу и позволяет избежать эффекта «Вавилонской башни», но и одновременно таит в себе определенного рода опасности, поскольку язык является носителем и транслятором социальных и культурных кодов, традиций и национального характера, специфики общественного сознания и восприятия мира. Именно посредством языковых структур задается понимание, семантическая интерпретация мира в границах национального и культурного менталитета. Трансформация национальных языков происходит под действием единого глобального средства коммуникации.

5. Глобализация в сфере культуры повлекла за собой явное преобладание массовой культуры, тиражируемой глобальными СМИ. Благодаря своей простоте и доступности масскульт становится механизмом культурной экспансии и культурного империализма, инструментом пропаганды преимущественно американских ценностей. Как фундамент глобальной транснациональной культуры, массовая культура усиливает стандартизацию и унификацию мирового сообщества: «Массовая культура характеризуется всеобщностью, охватывающей широкую срединную часть современного общества, затрагивая тем или иным образом и состоятельную элиту, и маргинальные слои» [14, с. 412].

6. Кризис механизмов идентификации как следствие разрушения национальных и культурных особенностей под действием тенденций унификации и гомогенизации ведет к маргинализации,

усилению партикулярных тенденций и нарушению фундаментальных связей в культуре. Кризис идентичности затрагивает все ее возможные индивидуальные и групповые формы – от национальной и этнической вплоть до такой формы идентичности, которая всегда мыслилась как примордиальный феномен (гендерная принадлежность). Примером гендерной неопределенности является участие и победа представителя Австрии в образе девушки с бородой на международном конкурсе «Евровидение-2014».

С. Хантингтон подчеркивал преимущественно этнорелигиозную идентичность, говоря о том, что можно быть наполовину арабом или французом, но быть наполовину мусульманином или наполовину католиком невозможно [15].

В результате кризиса идентификации начинают складываться новые формы самоопределения, продиктованные логикой глобального информационного (или сетевого) общества. Такая мысль находит свое отражение в работах М. Маклюэна, который обосновал идею единения человечества при помощи средств массовой коммуникации в «глобальную деревню» [16]. В современном философском дискурсе трансформация представлений о глобализации оценивается с позиций дивергенции мирового целого, в связи с чем можно сказать, что идея М. Маклюэна не может быть столь однозначна. Что касается сложившейся социокультурной ситуации, то мы часто можем наблюдать обратную тенденцию: *вместо объединения и консолидации современное общество фрагментируется, распадается в соответствии с собственными интересами, обособляясь в отдельные группы и фракции*. Вместо того чтобы становиться более глобальными, мы становимся все более региональными и обособленными. Интересы малых групп и меньшинств отдельных обществ вытесняются на периферию социальной жизни, поскольку они едва ли могут надеяться на право голоса в глобальной медиакulturе, где средства массовой коммуникации и каналы передачи информации принадлежат небольшому числу медиамагнатов. Данное обстоятельство позволяет задуматься о том, придем ли мы к «глобальной деревне» или к «глобальным трущобам».

7. Глобальное распространение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) приводит к изменению социальной структуры общества. По-

мимо возникновения новых форм сетевой и виртуальной идентичности, происходит расслоение общества по информационному признаку, т. е. по уровню владения знаниями и информацией. Появляются понятия «информационная бедность», «информационное неравенство». Социальная стратификация приобретает новые очертания: общество делится не по классовому признаку, а по уровню знаний и профессионализма. Бурный скачок ИКТ приводит к отставанию отдельных слоев населения от прогресса технологий (имеются в виду пожилые люди и представители регионов, пока не достигших достаточного технологического развития, способствующего вступлению в новую эру информационной цивилизации).

Все вышеперечисленные характеристики глобализации культуры наглядно демонстрируют сложность и противоречивость данного процесса.

В результате проведенного исследования в соответствии с поставленными задачами сделан ряд выводов. Во-первых, на фоне становления глобального экономического, политического и социокультурного пространства наблюдаются обратные тенденции, которые свидетельствуют о том, что сближение мирового сообщества часто носит весьма условный характер. Но если в торгово-финансовом секторе и политической сфере глобализационные процессы способствуют усилению единства и взаимосвязи между людьми, то в сфере культуры это часто приводит к замещению традиционных, устоявшихся форм культуротворчества иными аксиологическими и символическими формами духовной культуры, нередко эпатажными, недолговечными и не содержащими глубинных смыслов. Это ведет к упрощению, архаизации, стагнации или – в крайнем случае – к разрушению и исчезновению культуры. Во-вторых, основными тенденциями социодинамики являются становление полицентричной модели мира, унификация культуры, преобладание массовой культуры, кризис механизмов идентификации, изменение социальной структуры общества и появление нового класса профессиональных управленцев в связи с распространением современных технологий и др. В-третьих, глобализация становится в современных реалиях не фактором развития мирового сообщества, а фактором *раскола, дивергенции* мировой цивилизации.

Библиографические ссылки

1. Ritzer G. *The McDonaldization of Society: an Investigation into the Changing Character of Contemporary Social Life*. Thousand Oaks: Pine Forge Press; 1993. 265 p.
2. Barber BR. *Consumed: how markets corrupt children, infantilize adults, and swallow citizens whole*. New York: W. W. Norton; 2007. 406 p.
3. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York: Free Press; 1992. 418 p.
4. Фролова ЕВ. Глобализация как важнейший аспект глобализации. *Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 5. Политология, философия, история, филология*. 2007;15:26–30.

5. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications; 1992. 211 p.
6. Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. Коробочкин М, переводчик. Москва: Весь мир; 2004. 120 с.
7. Радевич ЕВ. Глобализация культуры как предмет философской рефлексии. В: Гусаков ВГ, редактор. *Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса; 18–20 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Институт философии НАН Беларуси; 2017. с. 531–532.
8. Kellner D. *Media culture: cultural studies, identity and politics between the modern and post-modern*. New York: Routledge; 2000. 357 p.
9. Smith A. *National Identity*. Reno: University of Nevada Press; 1991. 226 p.
10. Hollis N. Rethinking globalization. *Marketing Research*. 2009;21(1):12–18.
11. Nietschmann B. The fourth world: nation versus states. In: Demko GJ, Wool WB. *Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the 21st Century*. Boulder: Westview; 1994. p. 225–242.
12. Фролова ЕВ. Социокультурные приоритеты глобализации и информационные технологии в современных обществах. *Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Социология*. 2008;21(1):270–274.
13. Snyder PD. Five meta-trends that are changing our world. *Futurist*. 2004;38(4):22–27.
14. Ерасов БС. *Социальная культурология*. 3-е издание, дополненное и переработанное. Москва: Аспект Пресс; 2000. 590 с.
15. Huntington SP. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster; 1996. 368 p.
16. Маклюэн М. *Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры*. Юдин А, переводчик. Киев: Ника-центр; 2004. 432 с.

References

1. Ritzer G. *The McDonaldization of Society: an Investigation into the Changing Character of Contemporary Social Life*. Thousand Oaks: Pine Forge Press; 1993. 265 p.
2. Barber BR. *Consumed: how markets corrupt children, infantilize adults, and swallow citizens whole*. New York: W. W. Norton; 2007. 406 p.
3. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York: Free Press; 1992. 418 p.
4. Frolova EV. [Globalization as the most important aspect of globalization]. *Proceedings of BSTU. Series 5. History. Philosophy. Philology*. 2007;15:26–30. Russian.
5. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications; 1992. 211 p.
6. Giddens E. *Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Runaway world: how globalization changes our lives]. Korobochkin M, translator. Moscow: Ves' mir; 2004. 120 p. Russian.
7. Radevich EV. [Globalization of culture as a subject of philosophical reflection]. In: Gusakov VG, editor. *Natsional'naya filosofiya v global'nom mire: tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa; 18–20 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [National philosophy in the global world: theses of the First Belarusian philosophy kongress; 18–20 October 2017; Minsk, Belarus]. Minsk: Institute of Philosophy National Academy of Sciences of Belarus; 2017. p. 531–532. Russian.
8. Kellner D. *Media culture: cultural studies, identity and politics between the modern and post-modern*. New York: Routledge; 2000. 357 p.
9. Smith A. *National Identity*. Reno: University of Nevada Press; 1991. 226 p.
10. Hollis N. Rethinking globalization. *Marketing Research*. 2009;21(1):12–18.
11. Nietschmann B. The fourth world: nation versus states. In: Demko GJ, Wool WB. *Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the 21st Century*. Boulder: Westview; 1994. p. 225–242.
12. Frolova EV. Sociocultural priorities of globalization and information technologies in the modern societies. *Uchenye zapiski Tavricheskogo national'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya*. 2008;21(1):270–274. Russian.
13. Snyder PD. Five meta-trends that are changing our world. *Futurist*. 2004;38(4):22–27.
14. Erasov BS. *Sotsial'naya kul'turologiya* [Social cultural studies]. 3rd edition, explained and revised. Moscow: Aspect Press; 2000. 590 p. Russian.
15. Huntington SP. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster; 1996. 368 p.
16. McLuhan M. *Galaktika Gutenberga: sotvorenie cheloveka pechatnoi kul'tury* [Galaxy Gutenberg: creation of a man of the printed culture]. Yudin A, translator. Kiev: Nika-Center; 2004. 432 p.

Статья поступила в редколлегию 13.05.2019.
Received by editorial board 13.05.2019.

МИМЕСИС И КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНФЛИКТА

А. И. ЕКАДУМОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Кросс-культурное взаимодействие осуществляется в соответствии с двухуровневой структурой коммуникации. Диалог физически автономных коммуникаторов реализуется внутри автодиалогического процесса, в структуре образно-символических представлений коммуницирующих индивидов. В отсутствие межперсонального диалога, но при наблюдении Другого кросс-культурный диалог инициируется на автокоммуникативном, внутриперсональном уровне. Вне межличностной коммуникации конфликт по поводу неприемлемых культурных стратегий может быть спровоцирован их воздействием на символические представления реципиента лишь благодаря наблюдению за чуждыми культурными проявлениями.

Ключевые слова: мимесис; коммуникация; автокоммуникация; миметическое желание; учредительное насилие.

MIMESIS AND CULTURAL-PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF CONFLICT

A. I. EKADUMOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Cross-cultural interaction is carried out in accordance with a two-level structure of communication. The dialogue of physically autonomous communicators is conducted within the autodialogical process, in the structure of figurative-symbolic notions of the communicating individuals. In the absence of interpersonal dialogue, but when the *Other* is being observed, the cross-cultural dialogue is initiated at the auto-communicative, intrapersonal level. Outside of interpersonal communication, conflict over unacceptable cultural strategies can be triggered by their effect on the recipient's symbolic notions only due to observation of alien cultural manifestations.

Keywords: mimesis; communication; auto-communication; mimetic wish; constitutional violence.

Интенсификация кросс-культурного взаимодействия актуализирует изучение культурно-психологических оснований конфликтов, несводимых к сугубо социальным, экономическим и политическим факторам. Подобный анализ актуален в двух аспектах. С одной стороны, по преимуществу культурно-аксиологические конфликтогенные факторы, выделенные в их автономии относительно про-

чих, не могут быть устранены или ослаблены исключительно социально-экономическими и политико-юридическими мерами. С другой стороны, именно оптимальные стратегии трансляции смыслов и примирения ценностных иерархий, относящиеся к сфере культурной политики, могли бы минимизировать конфликтное кросс-культурное взаимодействие при минимальных экономических

Образец цитирования:

Екадумов АИ. Мимесис и культурно-психологические основания конфликта. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019; 3:47–50.

For citation:

Ekadumov AI. Mimesis and cultural-psychological foundations of conflict. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;3:47–50. Russian.

Автор:

Андрей Иванович Екадумов – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Andrew I. Ekadumov, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. ekadumov@gmail.com

и административных ресурсах за счет ценностных трансформаций конфликтующих сообществ. При этом анализ предпосылок ксенофобии как существенного культурно-психологического препятствия мирному сосуществованию различных жизненных стилей, сопряженных с разнородными нормативно-ценностными системами, ориентирует исследование на экспликацию базисных, до-рефлексивных социально-психологических предпосылок агрессивного поведения, не укорененных в непосредственно диалогическом взаимодействии.

Интерес представляет эскалация враждебности, обусловленная самым поверхностным контактом, минимальным знакомством представителя некоторой культуры с чуждыми практиками и представлениями.

Анализ внедиалогических аспектов кросс-культурного взаимодействия призван выявить исходные психосемиотические процессы, протекающие при знакомстве с инаковостью независимо от наличия или интенсивности непосредственно символических интеракций, осуществляемых представителями радикально отличных культур, носителями альтернативных семантик, эстетик существования.

Концепция семиосферы Ю. М. Лотмана, теория Н. Лумана в сочетании с концепцией желающего мимесиса Р. Жирара [1–3] предоставляют средства для анализа внедиалогического воздействия, которое чужое присутствие способно оказывать на персональные представления в отсутствие непосредственной коммуникации.

Сущностными для исследования инокультурных воздействий на персональные представления являются положение Н. Лумана об оперативной закрытости коммуникативных систем и анализ автокоммуникативных процессов, предпринятый Ю. М. Лотманом. Любая коммуникативная система реагирует только на собственные состояния, поэтому любой диалог в системе *Я – Другой* (*Я – Он*) протекает как описанный Ю. М. Лотманом автокоммуникативный процесс *Я – Я*, но не может быть сведен к нему.

Другой, обладающий собственной субъектностью, лишь отчасти включен в символический порядок коммуникатора, существует на его границе, но также выступает и в роли самой этой границы с внесемиотической реальностью.

Коммуникативно-семиотическая система реагирует на собственные состояния, но они инициируются внешним миром, средой [2]. Если у Н. Лумана средой выступает все, что провоцирует динамику коммуникативной системы, не являясь ее компонентом, то переоценка этого тезиса в контексте идей Ю. М. Лотмана о механизме автокоммуникации представляет *Другого* в его инаковости как среду, внешний мир, ино- или внекультурную реальность, воспринимаемую посредством ее семиотизации в процессе автокоммуникативной транс-

формации символических представлений реципиента.

Инокультурное (или внекультурное), чтобы присутствовать в горизонте событий, доступных мышлению, т. е. в горизонте автокоммуникации, должно быть семиотизировано в соответствии с уникальной организацией семиозиса в жизненном мире коммуникатора. Интеграция *Другого* в индивидуальный символический порядок, включение в уникальный жизненный мир, иницируется в случае, если *Другой* предстает как реальность, ставшая внесемиотическим вторжением и потому подлежащая семиотизации. Принципиальным является положение Н. Лумана о каузальной зависимости систем от условий внешнего мира. Внутренняя динамика замкнутой коммуникативной системы может иницироваться внешним воздействием, т. е. воздействием несемиотизированной среды по ту сторону автокоммуникации. Таким образом, диалог *Я – Другой* как обмен текстами-сообщениями не исключительное, обязательное условие иницирования автокоммуникативного процесса. Достаточным является некоторое значимое событие среды, запускающее изменения в воспроизводстве оперативно замкнутой коммуникативно-семиотической системы. Этим событием способно стать уже само появление инокультурного *Другого* или артефактов чужой культуры в персональном символическом порядке, одновременно и консонансное, и диссонансное этому порядку.

Двойственность восприятия инокультурного *Другого* укоренена в его частичной адекватности мировосприятию (в котором *Другой* опознается как потенциальный партнер по диалогу), сочетающейся с нерелевантными чертами, ограничивающими возможности диалога на равных и вместе с тем подрывающими устойчивость представлений реципиента демонстрацией чуждых и избыточных образцов.

Согласно Л. Фестингеру, диссонансное воздействие *Другого* на систему значимых представлений реципиента вовсе не обязательно предполагает некоторое речевое или физическое воздействие [4]. Оно вообще не требует обязательного осознанного участия *Другого* в диалоге, даже его знания о внешнем наблюдении. Сама заметность *Другого*, обнаружение чужака в привычном жизненном мире реципиента – достаточное условие, чтобы спровоцировать диссонансные переживания, иницируя автокоммуникативную перестройку символического порядка.

Внедиалогическое, не соответствующее классической модели диалога адресант – адресат, тем более произвольное воздействие *Другого* на автокоммуникативные процессы, динамику символических представлений существенно, поскольку это – изначальный, минимальный порог воздействия *Другого* на символические порядки. Оно

предваряет и обуславливает любой диалог, в котором могут быть очевидно зафиксированы коммуникаторы, адресант и адресат, их текстуальные сообщения и предполагаемые осознаваемые цели.

Появление *Другого* как некоторого образа в персональном символическом порядке воздействует на этот порядок независимо от наличия телесных, физических индивидов в диалогической системе *Я – Другой* или его отсутствия. Это нулевая степень диалога, инициированный извне автокоммуникативный процесс без адресата и внешнего адресанта, осознающего свое участие в диалоге.

Потенциальный адресант в ситуации присутствия в горизонте событий адресата вовсе не обязательно участник диалога. Он не отправляет сообщения, но выступает в роли нового элемента персонального символического порядка, появляющегося в нем извне и, не поддаваясь игнорированию, провоцирующего собственную семиотизацию. Этот первичный процесс семиотизации *Другого* вне или прежде диалога с ним может быть охарактеризован как минимальный уровень знакомства с чужой культурой и чужой телесностью. Амбивалентный *Другой* выступает для воспринимающего и как среда, внешняя персональной коммуникативно-семиотической системе, и как ее отчасти контролируемый элемент.

Подчеркнем, что речь идет в данном случае не о диалоге *Я – Другой*, а лишь о самом присутствии *Другого* как события жизненного мира. *Другой*, не вступивший в диалогические отношения с реципиентом, но доступный наблюдению и включенный в систему этических и эстетических переживаний реципиента, уже становится участником миметических отношений в духе идей Р. Жирара.

Инокультурный чужак, включенный в символический порядок реципиента, однако демонстрирующий чуждые и избыточные для этого порядка элементы иного жизненного мира, инициирует дискомфортные психосоматические состояния, описанные Л. Фестингером и Г. Бейтсоном [4; 5]. Учредительное насилие, агрессия, находящая во избежание эскалации внутри группы легитимизированное разрешение в механизме козла отпущения, описывается Р. Жираром как средство защиты от краха системы различий, выступающей основанием культуры и защиты от ловушек двойного послания [3]. Инокультурный *Другой*, не соответствующий системе различий, характерных для культуры реципиента, демонстрирующий их инцестуозное смешение, сам по себе и выступает таким бейтсовским двойным посланием. Становясь компонентом символического порядка, *Другой* выступает как носитель иной системы различий, игнорирующей и пренебрегающей как значимые ценностные образцы, направляющие желания реципиента, так и препятствующие реализации желаний табу данной культуры. Таким образом, *Другой* демонстрирует именно те черты миметического двойни-

ка-соперника, которые запускают механизмы учредительного насилия в концепции Р. Жирара.

Травматический характер образа-образца, диссонансного персональным представлениям, как и миметическое желание, интерпретируемое в контексте идей Р. Жирара, инициируется самим присутствием *Другого*. Речевая интеракция, как и двусторонняя коммуникация *Я – Другой*, не является для этого обязательным условием, что и предполагает сама идея мимесиса. Вторжение *Другого* в жизненный мир не требует коммуникации, осуществляемой в интерактивной ситуации *Я – Другой*. Достаточно обнаружения *Другого* как наделенного субъектностью демонстратора инаковости, как присутствующего, как события жизненного мира. Вторжение инаковости в привычный мир смыслов возможно лишь благодаря доступности *Другого* для восприятия.

Минуя минимальные интеракции, коммуникативную связь *Я – Другой*, переживание чужого присутствия воздействует на автокоммуникативный процесс реципиента-наблюдателя в соответствии с развитием диалога в коммуникативной системе *Я – Я*, описанной Ю. М. Лотманом [1]. Принципиально то, что миметическое переживание желания *Другого* происходит непроизвольно, в процессе всего лишь наблюдения чужого присутствия, некоторым образом затрагивающего сущностные, интимные смысловые связи наблюдателя.

В предельной ситуации полного неведения *Другого* о наблюдателе, его потенциальном (но вовсе не обязательном) диалогическом партнере *Другой* включается в автокоммуникативный процесс *Я – Я* как событие жизненного мира всегда с опережением относительно возможной коммуникации *Другой – Я*. В ситуации односторонне осознаваемого присутствия лишь одно эпизодическое появление *Другого* в жизненном мире уже способно существенным образом воздействовать на этот мир.

Присутствие *Другого* порождает сообщение без отправителя, лотмановскую автодиалогическую погрешность, производящую новую информацию в персональной семиотической системе. Эта новая информация может оказаться предельно травматической, диссонансной значимым первичным очевидностям реципиента и, таким образом, инициирующей оборонительно-агрессивные психосоматические реакции в отсутствие не просто агрессии со стороны *Другого*, но и самой осведомленности *Другого* о наблюдателе и его реакциях.

Появление *Другого* в жизненном мире, в персональном символическом порядке предшествует его коммуникативному акту в системе *Другой – Я*. Однако оно сказывается также на персональной психосемиотической динамике и в отсутствие какого бы то ни было коммуникативного акта при условии доступности *Другого* наблюдению, обнаружению в жизненном мире. Миметическое желание, как и реакция отвращения-страха, в этом случае

обусловливается не диалогом, не поступающими сообщениями, консонансными и диссонансными представлениям реципиента, а наличием источника эмоции в актуальном горизонте событий.

Другой как провокатор миметического желания не тождествен *Другому* как партнеру по коммуникации. Миметическое участие *Другого* в динамике жизненного мира может быть внедиалогическим, если диалог мыслится исключительно в соответствии с коммуникативной моделью *Я – Другой*.

Культура формирует и организует желания, предоставляя своему носителю специфические репертуары ценностных предпочтений, жизненных стратегий, эстетик существования. В случае сосуществования носителей принципиально различных культурных образцов их персональные символические порядки взаимодействуют уже в процессе взаимного восприятия, минуя диалогические отношения. Доступность *Другого* для наблюдения, тем более при постоянном и тесном сосуществовании, создает ситуацию наложения разнородных культурных образцов, смешения систем различий в персональном жизненном мире. Эта ситуация как стимулирует интенсификацию культурного синтеза, так и провоцирует социально-психологические проблемы, обусловленные несовпадением позитивных и негативных образцов, конкурирующих при организации поведенческих стратегий.

Мимесис желания, о котором пишет Р. Жирар, способен провоцировать социально-психологические изменения вне диалога *Я – Другой*, непосредственно на автокоммуникативном уровне *Я – Я*. Для этого достаточна лишь доступность носителей разных культурных образцов взаимному или одно-

стороннему восприятию. Желание *Другого* способно существенно воздействовать на динамику персональных представлений и притязаний благодаря самому присутствию *Другого* или артефактов иной культуры в жизненном мире реципиента.

Если персональные предпочтения не могут быть реализованы в пределах своего культурного пространства, миметическое желание может обратиться на репертуары *Другого*. Но возможна и обратная ситуация, антимимесис, инициирование обращенного миметического желания, т. е. не стремление следовать некоторой модели существования как предпочтительной, а, напротив, ее отрицание и избегание. Реакция ужаса-отвращения – обратная сторона желаемого мимесиса в ситуации, когда вместо столкновения желаемого и недопустимого в родной культуре с желаемым и недопустимым в ней, но санкционированным культурой чужака *Другой* демонстрирует реципиенту персонально и культурно неприемлемое.

Другой, т. е. представитель иной культуры, иной системы табу и санкционированных предпочтений, может выступать и носителем позитивных образцов, ориентирующих желание, и носителем негативных образцов, провоцирующим отторжение, – примером и демонстрацией неприемлемого. В последнем случае культурно-психологический аспект присутствия *Другого* является основанием для социально-политического конфликта, а в определенных случаях – поводом к прямому насилию. При этом во всех отмеченных случаях *Другой* со своей стороны может оставаться всецело за пределами взаимного коммуникативного отношения, выступая исключительно в качестве неосведомленного, пассивного объекта наблюдения.

Библиографические ссылки

1. Лотман ЮМ. О двух моделях коммуникации в системе культуры. В: Лотман ЮМ. *Избранные статьи. Том 1. Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллин: Александра; 1992. с. 76–89.
2. Луман Н. *Общество как социальная система*. Антоновский А, переводчик; Никифоров О, редактор. Москва: Логос; 2004. 232 с.
3. Жирар Р. *Насилие и священное*. Дашевский Г, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2000. 400 с.
4. Фестингер Л. *Теория когнитивного диссонанса*. Анистратенко А, Знаешев И, переводчики. Санкт-Петербург: Ювента; 1999. 317 с.
5. Бейтсон Г, Джексон Д, Хейли Д, Уикленд Дж. К теории шизофрении [Интернет]. *Gestaltlife* [процитировано 12 апреля 2017 г.]. Доступно по: <http://www.gestaltlife.ru/publications/8/view/104>.

References

1. Lotman YuM. [About two models of communication in the culture system]. In: Lotman YuM. *Izbrannye stat'i. Tom 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Collected articles. Volume 1. Articles for semiotics and typology of culture]. Tallin: Aleksandra; 1992. p. 76–89. Russian.
2. Luhmann N. *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Antonovsky A, translator; Nikiforov O, editor. Moscow: Logos; 2004. 232 p. Russian.
3. Girard R. *Nasilie i svyashchennoe* [Violence and the sacred]. Dashevsky G, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2000. 400 p. Russian.
4. Festinger L. *Teoriya kognitivnogo dissonansa* [A theory of cognitive dissonance]. Anistratenko A, Znaeshev I, translators. Saint Petersburg: Yuventa; 1999. 317 p. Russian.
5. Bateson G, Jackson D, Haley J, Wealland J. Towards a theory of schizophrenia [Internet]. *Gestaltlife* [cited 2017 April 12]. Available from: <http://www.gestaltlife.ru/publications/8/view/104>.

УДК 316.752

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУСОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Е. К. АРТЁМЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается изменение семейных ценностей в Беларуси и соседних с ней странах. Оценивается, насколько в этом процессе проявляются мировые и региональные тенденции. На основании анализа данных исследований, проводимых в Беларуси, России и Польше по методологии *European Value Study* и *World Value Survey*, делается вывод, что изменения семейных ценностей в названных восточноевропейских странах имеют разнонаправленный характер: с одной стороны, растет значимость семьи и брака, с другой стороны, становится более распространенным представление о необходимости совмещения семейных и профессиональных ролей. Указанные тенденции более ярко выражены в Беларуси, чем в России или Польше. Женщины в Беларуси являются социальной группой, за счет которой, во-первых, укрепляются традиционные представления о семье, во-вторых, поддерживаются идеи женщин гендерного равенства в семье.

Ключевые слова: семья; брак; ценности; гендерные роли; Беларусь; Россия; Польша.

TRANSFORMATION OF FAMILY VALUES OF BELARUSIANS IN THE REGIONAL CONTEXT

А. К. ARTSIOMENKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This paper is devoted to the transformation of family values in Belarus and neighbor countries. It evaluates how global and regional trends are manifested in the change in family values of Belarusians. Based on recent research, it is concluded that changes in family values in the region are multidirectional: on the one hand, significance of family and marriage is

Образец цитирования:

Артёменко ЕК. Трансформация семейных ценностей белорусов в региональном контексте. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;3:51–58.

For citation:

Artsiomenka AK. Transformation of family values of Belarusians in the regional context. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:51–58. Russian.

Автор:

Елена Константиновна Артёменко – соискатель кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Л. Г. Титаренко.

Author:

Alena K. Artsiomenka, competitor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
lana.artsiomenka@gmail.com

growing; on the other hand, the necessity to combine professional and family roles of women is getting more popular. Both tendencies are more visible in Belarus. Women in Belarus are a social group, which, firstly, strengthens traditional ideas about the family and, secondly, supports the ideas of gender equality in the family.

Keywords: family; marriage; values; gender roles; Belarus; Russia; Poland.

Введение

В Беларуси, как и в других европейских странах, происходит трансформация института семьи, что неразрывно связано с изменением семейных ценностей. При сохранении значимости семьи как «базовой витальной ценности» [1, с. 4] наблюдается снижение устойчивости семейных отношений, что проявляется в повышении возраста принятия решения о вступлении в брак и рождении детей, росте числа разводов, снижении рождаемости. Перечисленные тенденции, описываемые в общей концепции второго демографического перехода, характерны и для Беларуси [2, с. 21].

В 2017 г. число разводов в Беларуси достигло 48,3 % от числа заключенных браков (общий коэффициент брачности – 7 браков на 1000 человек, коэффициент разводимости – 3,4 разводов на 1000 человек). Очень часто распадаются семьи, в которых есть дети. Как отмечают исследователи, «вплоть до 2012 г. основной тенденцией структуры разводов по числу общих детей являлось количественное преобладание разводов в семьях, имеющих одного ребенка» [3, с. 67]. В 2017 г. из 32 тыс. разводов 42,5 % пришлось на семьи без детей и 41,9 % – на семьи с одним ребенком. Что касается желаний и готовности иметь детей, в Беларуси наблюдается снижение уровня рождаемости. Если в 1985 г. суммарный коэффициент рождаемости составлял 2,06 рождений на одну женщину, то в 2017 г. – 1,54 рождений [4, с. 25].

Понять процессы трансформации института семьи невозможно без анализа того, остается ли семья базовой ценностью, что именно меняется в семейных ценностях и каковы тенденции этих перемен. Последние обусловлены рядом факторов: уровнями благосостояния, религиозности и образования населения, государственной политикой, перераспределением семейных ролей, обязанностей и прав между супругами и всеми членами семьи и др. Эти процессы охватывают целые регионы, поскольку «через семью осуществляются не только личностные, духовно-нравственные, но и цивилизационные перемены» [5, с. 77].

Семейные ценности не раз становились предметом анализа белорусских социологов. В 2015 г. сотрудники Института социологии НАН Беларуси изучали установки населения в отношении родительства, супружества и родства. Сравнивая ценности представителей разных возрастных групп, ученые пришли к выводу о трансформации цен-

ностных установок, касающихся супружества, а именно: о «снижении влияния институциональных отношений и усилении интимности» и об «ослаблении субъективной ценности родства» [6, с. 19].

Еще одно исследование того же института, посвященное ценностям населения Беларуси, – «Социокультурные механизмы и факторы консолидации белорусского общества» – было проведено в 2016 г. по типовой методике Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России», разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Результаты показали, что для большинства населения (но не для молодежи до 30 лет и лиц без детей) семья попадает в «интегрирующее ядро» списка ценностей [7, с. 53].

Синхронный срез ценностных установок, представленный в названных исследованиях, демонстрирует ограничения ценностных трансформаций: различия между семейными ценностями молодежи и людей зрелого возраста могут объясняться не общей тенденцией в выборе ценностных приоритетов, а особенностями этапов жизненного цикла упомянутых групп населения.

Среди проектов, рассматривающих семейные ценности в диахронной перспективе, выделим исследования *World Values Survey* и *European Values Study* (WVS/EVS), проводящиеся с 1981 г. в 97 странах мира под руководством Р. Инглхарта. Результаты исследования позволили авторам сделать вывод, что во всем мире ценности меняются вследствие движения от традиционных к секулярно-рациональным ценностям и перехода от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Первое направление тесно связано с ослаблением традиционных ценностных приоритетов (в частности, значимости семьи как социального института), а второй вектор сопряжен с распространением гендерного равенства [8, р. 11].

Специфика изменений в ценностной системе той или иной страны определяется не только глобальными трендами, но и культурно-историческим контекстом. Согласно классификациям ряда исследователей, Беларусь попадает в группу стран, объединенных коммунистическим прошлым и преобладающей принадлежностью населения к православию. Изучая ценностные трансформации, происходившие в этой группе стран до 2000 г., ученые отмечали, что после 1991 г. в них произошел воз-

врат к традиционным религиозным ценностям [9, р. 88] вопреки общемировой тенденции поворота к секулярно-рациональным ценностям и ценностям самовыражения.

По данным WVS/EVS (исследования 1990–2000 гг.), в результате противоборства разнонаправленных тенденций семейные ценности жителей Беларуси формируются как метиссажная система, т. е. такая, где «имеют практически равное распространение и традиционные, и современные взгляды» [5, с. 104]. При этом и носителями выраженных патриархальных взглядов, и сторонниками равного распределения семейных ролей являются преимущественно женщины.

В 2008 г. было проведено исследование, основанное на данных проектов WVS/EVS и межстрановом сравнении семейных ценностей [10, с. 79]. Для понимания того, какое место Беларусь занимает среди других европейских государств с присущими ей установками относительно семьи, был проведен кластерный анализ. Результаты показали, что наша страна попала в группу с «высоким значением пронаталистской компоненты при наименьших для всех стран показателях ценности супружеской семьи и матримониального традиционализма» [10, с. 79]. На ценности влияет сложная система факторов, при этом географическая близость отнюдь не определяет сходность ценностных установок. Если Россия и Беларусь входят, согласно итогам исследования, в общий кластер близко понимаемых семейных ценностей, то Польша относится к кластеру с менее выраженной пронаталистской компонентой. Семейные установки также различны у населения стран Восточного партнерства и государств Европейского союза, и причины этого расхождения весьма разнообразны.

Социологи, анализируя семейные ценности жителей России, на основании результатов выше-названного сравнительного исследования 2008 г. приходят к выводу, что «Россия является страной со средне-высоким уровнем традиционности высказываемых нормативных взглядов» [11, с. 6]. При этом, как и в Беларуси, наибольшая консервативность отмечается в вопросе о наличии детей. Однако в российском обществе наблюдается и тенденция к либерализации взглядов, признаком которой некоторые авторы считают, помимо прочего, повышение лояльности к гомосексуализму [11, с. 6].

Польский ученый в статье, написанной на основе материалов WVS/EVS, сопоставляет ценности в Польше, Чехии и Словакии [12, s. 101], отмечая, что по сравнению с западными соседями поляки более религиозны, для них более весомы ценности семьи и брака, понимаемые в духе традиционализма. Однако во всех трех названных странах молодежь проявляет меньшую религиозность, чем взрослые, и она более склонна к либеральному мировоззрению. Этот вывод согласуется с тенденцией к либерализации семейных ценностей, отмечаемой авторами исследований WVS/EVS.

Таким образом, обзор работ по анализируемой проблеме показывает, что в системе семейных ценностей, свойственных для Беларуси и соседних с ней стран, есть как сходства, так и различия. Сравнительный анализ данных исследования WVS/EVS (с учетом результатов за 2017 г.) позволяет не только сопоставить ценностные установки жителей разных стран, но и проследить направления изменений в ценностях и выявить соответствие этих векторов мировым и региональным тенденциям.

Цель данной статьи – дать оценку изменениям семейных ценностей в белорусском обществе на основе анализа материалов WVS/EVS за 2000, 2008 и 2017 гг.; сравнить полученные результаты с изменением аналогичных ценностей в соседних странах (России и Польше); выявить социальные группы как носителей происходящих трансформаций.

Объектом исследования является население Беларуси, Польши и России; **предметом** – изменение системы семейных ценностей жителей перечисленных стран. К системе семейных ценностей, влияющих на устойчивость брака и семьи, будем относить: 1) общие представления о семье как ценности; 2) восприятие брака как социального института; 3) отношение к тому, что является необходимым, по мнению мужчин и женщин, для счастливого брака; 4) отношение к гендерным ролям в семье, совмещению женщиной семейных и профессиональных ролей.

Размер выборочной совокупности в 2000, 2008 и 2017 гг. в Беларуси составил 1000, 1500 и 1548 респондентов соответственно; в России – 2500, 1504 и 1825 респондентов; в Польше – 1095, 1510 и 1352 респондента.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследований по методологии WVS/EVS, проведенных в 2000 и 2008 г., показали, что структура ценностного сознания жителей Беларуси достаточно устойчива и семья занимает в ней центральное место. По показателю важности семьи жители Беларуси, Польши и России разли-

чаются незначительно (табл. 1). Данные 2017 г. свидетельствуют, что во всех трех странах семья с заметным отрывом занимает первое место, а на втором месте находится работа. Значимые различия также были выявлены применительно к досугу и религии.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Насколько важны в Вашей жизни следующие ценности?..» (доля ответов «Очень важно», 2017 г.), %

Table 1

Distribution of answers to the question: «How important is in your life the following values?..» (response rate of «Very important», 2017), %

Ценности	Страны		
	Беларусь	Польша	Россия
Работа	60,5	60,2	52,2
Семья	89,4	93,8	77,4
Друзья и знакомые	41,0	39,7	36,6
Досуг	30,4	41,7	35,7
Политика	11,0	8,4	10,8
Религия	20,9	39,0	16,1

Однако если доминанты в ценностной структуре жителей Беларуси, России и Польши совпадают, то в Беларуси с 2000 по 2017 г. зафиксирована тенденция к усилению значимости семьи (табл. 2). Для жителей России и Польши значимость семьи остается на прежнем уровне. В Беларуси доля тех, кто

утверждает, что семья очень важна, увеличивается постоянно (разница за 17 лет составила более 10 %). Эта тенденция характерна и для мужчин (доля тех, для кого семья очень важна, выросла с 73,8 % в 2000 г. до 84,9 % в 2017 г.), и для женщин (с 82,3 % до 92,7 % соответственно).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Насколько важна в Вашей жизни семья?» (доля ответов «Очень важна»), %

Table 2

Distribution of answers to the question: «How important is in you life family?» (response rate of «Very important»), %

Годы	Страны		
	Беларусь	Польша	Россия
2000	78,5	91,1	76,2
2008	81,7	86,5	82,0
2017	89,4	93,8	77,4

Семья как ценность – сложный конструкт, включающий целый комплекс связей и установок, в состав которых входят установки в отношении не только собственной, но и родительской семьи. Заметим, что усиление значимости семьи может не соотноситься с повышением ценности брака и супружеских отношений.

В целом абсолютное большинство респондентов и в Беларуси, и в соседних странах не считают, что брак как социальный институт устарел. Однако если в Польше наблюдается некоторое увеличение доли тех, для кого брак стал анахронизмом, то в Беларуси и России распространенность такого мнения снижается (табл. 3). Традиционализация ценностей в белорусском обществе затрагивает не

только семейные, но и брачные отношения. Доля белорусских мужчин и женщин, считающих брак устаревшим институтом, статистически изменилась незначительно.

Далее рассмотрим условия и факторы счастливой семейной жизни. В методологии исследований WVS/EVS в качестве таковых были выделены: высокий доход и обеспеченность жильем (внешние факторы материального характера), наличие детей и верности (традиционные семейные ценности), возможность проводить время со своими друзьями или заниматься собственным хобби, совместное ведение домашнего хозяйства (относится к ценностям гендерного равенства). По мнению исследователей, приоритет верности по сравнению

с наличием детей в семье может указывать на то, что центральной функцией семьи становится эмоционально-психологическая [1, с. 9], а совместное ведение домашнего хозяйства (т. е. вовлеченность в ведение хозяйства обоих партнеров, а значит, большая эгалитарность семейных ролей) и возможность собственного досуга – это факторы, соответствующие тренду перехода от традиционных к секулярно-рациональным ценностям и от ценностей выживания к ценностям самореализации.

Главным условием счастливого брака респонденты из Беларуси, России и Польши назвали верность; второй ранг по значимости занимают дети. Можно сказать, что эти традиционные основания

счастливой семейной жизни сохраняют актуальность для нашего региона (табл. 4).

Респонденты трех стран одинаково определили важность самостоятельного досуга. Но отношение к материальным факторам и совместному ведению домашнего хозяйства различается у жителей трех стран: в Польше материальные условия играют незначительную роль по сравнению с Беларусью, а в России они более значимы, чем в нашей стране. Для 41,2 % россиян очень важно совместное ведение домашнего хозяйства, в то время как для жителей Польши и Беларуси этот критерий принципиален для половины участников исследования (49,9 и 51,2 % соответственно).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением, что “брак – это устаревший социальный институт”?» (доля ответов «Согласен»), %

Table 3

Distribution of answers to the question: «Do you agree with the statement, that “marriage is outdated social institute”?» (response rate of «Agree»), %

Годы	Страны		
	Беларусь	Польша	Россия
2000	17,0	9,1	20,6
2008	18,5	17,6	20,3
2017	14,9	12,4	14,7

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы перечисленные условия важными для счастливого брака?» (доля ответов «Очень важно», 2017 г.), %

Table 4

Distribution of answers to the question: «Do you believe the following is important for successful marriage?» (response rate of «Very important», 2017), %

Условия счастливого брака	Страны		
	Беларусь	Польша	Россия
Верность	86,4	91,5	76,6
Дети	78,7	60,6	73,6
Обеспеченность хорошим жильем	54,0	34,4	58,7
Достаточный уровень дохода	51,4	25,8	57,7
Совместное ведение домашнего хозяйства	51,2	49,9	41,2
Возможность проводить время со своими друзьями или за собственным хобби/увлечением	35,1	33,5	34,4

При рассмотрении суждений жителей Беларуси о факторах счастливого брака в динамике можно говорить о тенденции к повышению требований: со временем увеличивается доля тех, кто считает очень важными все шесть условий (табл. 5). Наиболее заметно усиление таких критериев, как вер-

ность (с 69,5 % в 2000 г. до 86,4 % в 2017 г.) и возможность самостоятельного досуга (с 26,8 % в 2008 г. до 35,1 % в 2017 г.). Наблюдается усиление значимости традиционных факторов счастливого брака и установок, связанных с эгалитарным распределением семейных ролей и самореализацией. При этом вы-

сокую значимость условия верности можно трактовать и с точки зрения того, что эмоционально-психологическая функция супружества становится преобладающей, а это тоже признак современной трансформации семьи.

Отношение мужчин и женщин к факторам материального благополучия и времени на личное хобби примерно одинаковое, однако для счастливого брака, с точки зрения женщин, несколько более важны, чем по мнению мужчин, верность (89,1 и 82,7 % соответственно) и наличие детей (82,2 и 73,9 % соответственно), а также совместное ведение домашнего хозяйства (54,6 и 46,8 % соответ-

ственно), т. е. в вопросе сохранения традиционных основ брака и в эгалитарном распределении ролей позиция женщин более выраженная.

Анализируя изменение в восприятии мужчинами и женщинами семейных ролей (прежде всего совмещения женщинами семейной и профессиональной ролей), рассмотрим динамику ответов на два вопроса. Первый касается того, действительно ли быть дома с детьми – это все, чего хотят женщины. Второй отражает мнение, страдают ли дети от того, что их мать работает, т. е. респонденты косвенно оценивают совмещение женщиной семейной и профессиональной ролей.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы перечисленные условия важными для счастливого брака?» (доля ответов «Очень важно», Беларусь), %

Table 5

Distribution of answers to the question: «Do you believe the following is important for successful marriage?» (response rate of «Very important», Belarus), %

Условия счастливого брака	Годы		
	2000	2008	2017
Верность	69,5	75,0	86,4
Дети	76,4	72,8	78,7
Обеспеченность хорошим жильем	47,7	43,9	54,0
Достаточный уровень дохода	38,1	49,9	51,4
Совместное ведение домашнего хозяйства	44,6	49,3	51,2
Возможность проводить время со своими друзьями или заниматься собственным хобби	–	26,8	35,1

В Беларуси в период 2000–2017 гг. доля респондентов, полностью согласных, что пребывание дома с детьми – это все, чего хочет женщина, со временем постепенно снижалась: с 31 до 15,7 % (табл. 6).

Если в 2000 г. эту позицию разделяли чаще женщины, чем мужчины, то в 2017 г. разница практически нивелировалась: полностью согласились с этим утверждением только 10,3 % женщин и 8 % мужчин.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «В какой степени Вы согласны с утверждением, что «работа – это, конечно, хорошо, но чего действительно хотят большинство женщин, так это быть дома с детьми?» (доля ответов «Полностью согласен»), %

Table 6

Distribution of answers to the question: «Do you agree with the statement, that “work is important but women really want home and children”?» (response rate of «Agree strongly»), %

Годы	Страны		
	Беларусь	Польша	Россия
2000	31,0	24,9	24,8
2008	18,7	29,8	12,5
2017	15,7	19,5	11,5

По поводу косвенной оценки совмещения женщиной семейных и профессиональных ролей (несмотря на незначительные различия в формулировке вопроса в 2017 г.) можно выявить общую тенденцию: и в Беларуси, и в соседних странах доля тех, кто считает, что работа матери негативно сказывается на детях, снижается (табл. 7). При этом, как и в случае с отношением к роли домохозяйки,

в Беларуси прежде всего трансформировались установки женщин: в 2000 г. с утверждением о том, что дети страдают, если мать работает, полностью соглашались 28 % женщин, а в 2017 г. доля таких ответов составила 16,9 %. Мнение мужчин значительно не изменилось: в 2000 г. были полностью согласны с приведенным утверждением 19,3 %, а в 2017 г. – 14,1 %.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «В какой степени Вы согласны с утверждением, что, “если мать работает, это плохо для ее детей”?» (доля ответов «Полностью согласен»), %

Table 7

Distribution of answers to the question: «Do you agree with the statement, that “child suffers with working mother”?» (response rate of «Agree strongly»), %

Годы	Страны		
	Беларусь	Польша	Россия
2000	24,2	24,1	19,7
2008	17,0	13,3	22,0
2017	9,3	12,9	12,6

Выводы

Данная статья – первая в белорусской социологии попытка проследить изменения ценностей на основе межстранового сравнения с использованием данных исследования WVS/EVS не только 2000 и 2008 г., но и последней волны исследования, проведенного в 2017 г. Анализ результатов изучения системы ценностей в Беларуси и соседних странах по эмпирическим данным трех волн исследования позволяет сделать следующие выводы.

1. Тенденции в изменении семейных ценностей, зафиксированные по результатам исследований в 2000-х гг. в восточноевропейском регионе, сохраняются и в 2017 г. Новые данные подтверждают ранее приводимые исследователями выводы о том, что в странах Восточной Европы на фоне общей мировой тенденции к снижению важности традиционной ценностной системы имеет место некоторая ее традиционализация. В то же время динамика изменений семейных ценностей в России и Польше показывает, что эти ценности трансформируются неодинаково. Так, в 2000–2008 гг. в Польше и в 2008–2017 гг. в России важность семьи как ценности снижалась незначительно; среди жителей Польши увеличилось число тех, кто считает брак устаревшим социальным институтом, однако во всех трех странах сохраняется тенденция роста значимости семьи и брака.

2. В Беларуси, России и Польше увеличилось число респондентов, утверждающих, что женщина не может ограничиться ролью домохозяйки: для самореализации ей необходимо развиваться профессионально.

3. Указанные ценностные изменения в Беларуси происходят более последовательно и более ярко выражено, чем в соседних странах. Этот вывод подтверждается ростом традиционализации. Последовательно упрочивается ценность семьи и снижается доля тех, кто считает брак устаревшим институтом. Одновременно развивается противоположная тенденция, суть которой заключается в том, что женщина должна совмещать семейные и профессиональные роли для самореализации. Число респондентов, полностью разделяющих утверждение о том, что дети страдают, если их мать работает, в Беларуси меньше по сравнению с соседними странами. Среди факторов счастливого брака жители Беларуси все чаще называют верность (традиционная ценность), гендерное равенство в семье (когда обеими сторонами признается значимым совместное ведение мужем и женой домашнего хозяйства).

4. Нивелируется разница между семейными ценностями в представлении белорусских мужчин и женщин, однако женщины, доминирующие среди носителей традиционных ценностей, также составляют группу, признающую необходимым гендерное равенство и совмещение женщиной семейной и профессиональной ролей.

Таким образом, семейные ценности жителей Беларуси сохраняют черты метиссажной системы. Институциональные изменения белорусской семьи происходят на фоне повышения ценности семьи, однако можно предполагать, что ценностные установки мужчин и женщин будут влиять на трансформацию семейных отношений.

Библиографические ссылки

1. Бузова СН. Современная семья: крах или другая жизнь? *Социология*. 2015;2:4–15.
2. Лапето АО, Терещенко ОВ, Шавердо ТМ. Переход в самостоятельную жизнь (возрастные модели жизненных путей). В: Терещенко О, Кучера Т, редакторы. *Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Том 2. Анализ результатов исследования «Поколения и гендер»*. Минск: Белсэкс; 2018. с. 14–21.
3. Антипова ЕА, Шахотко ЛП. *Браки и разводы в Беларуси: анализ демографических тенденций на основе данных официальной статистики*. Минск: В.И.З.А. Групп; 2015. 80 с.
4. Медведева ИВ, редактор. *Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник*. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2018. 431 с.
5. Титаренко ЛГ. *Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект*. Минск: БГУ; 2004. 205 с.
6. Сосновская НА. Трансформация семейных ценностей в современном обществе. *Наука и инновации*. 2015;9:14–19.
7. Денисова НФ, Лашук ИВ, Лихачева ОН. Базовые ценности белорусского общества: функционально-ориентирующие кластеры и вариативность ценностных структур. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017;4:37–53.
8. Inglehart R, Norris P. *Rising tide: ender equality and cultural change around the world*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 126 p.
9. Inglehart R, Oyserman D. Individualism, autonomy, self-expression: the human development syndrome. *International studies in sociology and social anthropology*. 2004;93:74–94.
10. Булынько ДМ, редактор. *Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей*. Минск: БГУ; 2016. 219 с.
11. Фабрикант МС, Магун ВС. Семейные ценности россиян и европейцев. *Демоскоп Weekly* [Интернет]. 2014 [процитировано 10 января 2019 г.];(613–614):1–15. Доступно по: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0613/demoscope613.pdf>.
12. Swadźba U. Różnice i podobieństwa: miejsce religii i rodziny w systemie wartości społeczeństwa polskiego, czeskiego i słowackiego. *Górnośląskie Studia Socjologiczne*. 2015;6:101–122.

References

1. Burova SN. [Modern family: failure or another reality?] *Sociology*. 2015;2:4–15. Russian.
2. Lapeto AO, Tereshchenko OV, Shaverdo TM. [Transition to adult life (age models of life trajectories)]. In: Tereshchenko O, Kuchera T, editors. *Belarus': struktura sem'i, semeinye otnosheniya, reproduktivnoe povedenie. Tom 2. Analiz rezul'tatov issledovaniya «Pokoleniya i gender»* [Belarus: family structure, family relations, reproductive behavior: Volume 2. Research outcomes analysis]. Minsk: Belsens; 2018. p. 14–21. Russian.
3. Antipova EA, Shakhoto LP. *Braki i razvody v Belarusi: analiz demograficheskikh tendentsii na osnove dannykh ofitsial'noi statistiki* [Marriages and divorces in Belarus: main demographic tendencies analysis based on official statistics]. Minsk: V.I.Z.A. Group; 2015. 80 p. Russian.
4. Medvedeva IV, editor. *Demography yearbook of the Republic of Belarus. Statistical book*. Minsk: National statistical committee of the Republic of Belarus; 2018. 431 p. Russian.
5. Titarenko LG. *Tsennochnyi mir sovremennogo belorusskogo obshchestva: gendernyi aspekt* [World of values of modern Belarusian society: gender aspect]. Minsk: Belarusian State University; 2004. 205 p. Russian.
6. Sosnovskaya N. Transformation of family values in modern society. *Science and Innovations*. 2015;9:14–19. Russian.
7. Denisova NF, Lashuk IV, Likhacheva ON. Basic values of the Belarusian society: function-oriented clusters and variability in value structures. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017;4:37–53. Russian.
8. Inglehart R, Norris P. *Rising tide: ender equality and cultural change around the world*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005. 126 p.
9. Inglehart R, Oyserman D. Individualism, autonomy, self-expression: the human development syndrome. *International studies in sociology and social anthropology*. 2004;93:74–94.
10. Bulynko DM, editor. *Tsennochnyi mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropeiskii soyuz i Rossiya v mezhdunarodnykh proektakh po izucheniyu tsennostei* [Value world of today's people: Eastern Partnership countries, European Union and Russia in international projects on value studies]. Minsk: Belarusian State University; 2016. 219 p. Russian.
11. Fabrikant MS, Magun VS. [Family values of Russians and Europeans]. *Demoscope Weekly* [Internet]. 2014 [cited 2019 January 10];613–614:1–15. Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0613/demoscope613.pdf>. Russian.
12. Swadźba U. Różnice i podobieństwa: miejsce religii i rodziny w systemie wartości społeczeństwa polskiego, czeskiego i słowackiego. *Górnośląskie Studia Socjologiczne*. 2015;6:101–122.

Статья поступила в редакцию 07.03.2019.
Received by editorial board 07.03.2019.

УДК 316.723

МОЛОДЕЖНАЯ DIY-КУЛЬТУРА: ПЕРСПЕКТИВА КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

В. И. КАШПАР¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены сущностные характеристики феномена молодежной DIY-культуры в современном контексте и предложена теоретико-методологическая перспектива ее изучения на базе социологии позднего Э. Дюркгейма и проекта «Сильная программа в культурсоциологии» Дж. Александера и Ф. Смита. В процессе теоретического обоснования данного подхода при помощи концепции культурного перформанса выявлены принципиальные противоречия между коллективными воззрениями и социальными практиками представителей DIY-культуры. По результатам исследования социальных практик DIY-культуры сделан вывод о глубоких культурных основаниях трансформации идентичности исследуемых социальных акторов.

Ключевые слова: DIY-культура; контркультура; субкультура; культурсоциология; культурный перформанс; социальный ритуал; самоорганизация; Э. Дюркгейм; Дж. Александер; Ф. Смит.

YOUTH DIY-CULTURE: A PERSPECTIVE OF CULTURAL SOCIOLOGICAL STUDY

V. I. KASHPAR^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article discusses the essential characteristics of the phenomenon of youth DIY-culture in the modern context and suggests a theoretical and methodological perspective for studying it on the basis of the sociology of the late E. Durkheim and the project of «A strong program in cultural sociology» by J. Alexander and F. Smith. In the process of theoretical substantiation of this approach using the concept of cultural performance revealed fundamental contradictions between collective representations and social practices of DIY-culture representatives. According to a study of the social practices of DIY-culture, it was concluded that there are deep cultural foundations for the transformation of the identity of the studied social actors.

Keywords: DIY-culture; counterculture; subculture; cultural sociology; cultural performance; social ritual; self-organization; E. Durkheim; J. Alexander; F. Smith.

Молодежная контркультура все чаще отождествляется с малоизвестным в отечественной социальной науке концептом «DIY-культура» (от англ. *do it yourself* – сделай это сам), предложенным английским исследователем Дж. Мак-Кеем для обозначения феноменов протеста 1990-х гг., не соответ-

ствовавших ни одному из существовавших на тот момент подходов к молодежным субкультурам, – сквотов, новых социальных движений, альтернативных экономических практик и т. п. [1]. Данное понятие вводилось для акцентирования внимания на самодостаточности и автономности социальных

Образец цитирования:

Кашпар В.И. Молодежная DIY-культура: перспектива культурсоциологического изучения. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;3:59–66.

For citation:

Kashpar V.I. Youth DIY-culture: a perspective of cultural sociological study. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:59–66. Russian.

Автор:

Вадим Иванович Кашпар – аспирант отдела экономической социологии. Научный руководитель – кандидат социологических наук Г. П. Коршунов.

Author:

Vadim I. Kashpar, postgraduate student at the department of economic sociology.
kavabonga.v.k@gmail.com

образований, транслирующих в своем поведении ценности контркультуры 1960-х гг. На сегодняшний день феномен DIY-культуры воплощается в череде широко распространенных социальных практик современных молодежных субкультур и требует уточнения с точки зрения социологической науки. Для реализации этой цели в качестве первого шага предлагается рассмотреть молодежную DIY-культуру с позиций культуросоциологического подхода.

Термин «контркультура» используется в социологии и других науках социогуманитарного профиля для обозначения комплекса социально-культурных установок, ориентаций и ценностей, оппозиционных господствующей культуре в теоретической и практической плоскостях. Выделяют контркультуру битников, хиппи, новых левых, панков и др. Контркультура несет в себе интенцию к разрыву повседневности, выходу за рамки устоявшихся рутинизированных практик, подрыву существующих институциональных норм и структур управления, что качественно отличает ее от понятия «субкультура» [2, с. 27–31]. Однако с DIY-культурой, которую некоторые исследователи относят к феномену контркультуры [3, с. 59], не все так однозначно. С одной стороны, сообщества DIY-культуры заявляют о себе с позиций контркультурного дискурса о горизонтальной самоорганизации, а с другой – с течением времени становится все сложнее провести линию демаркации между феноменом DIY и другими повседневными практиками субкультурной молодежи, что делает это явление проблематизирующим.

В 1980-х гг. молодежная контркультура панка (прямая предтеча современной DIY-культуры) претерпела сущностные трансформации, сместившись от стремления достичь эпатажного шокового эффекта к позитивным альтерсоциальным практикам, направленным на созидание, а не на потребление. Американский исследователь андеграундной культуры С. Данкомб описывал практики панк-культуры периода 1980–1990-х гг. как проявления «*политики примера*», способной привлечь к себе внимание в качестве действенной альтернативы существующим способам выстраивания отношений в субкультурной среде и побудить неформальную молодежь перенять опыт самоорганизации у панков [4, р. 24], а особая процессуальность социальной самоорганизации в сообществах DIY-культуры представляет значительный научный интерес, поскольку проявляется в нетипичных для общества потребления социальных практиках, в группах, основанных на горизонтальных связях и консенсусе [5]. Отличительной чертой альтерэкономических практик DIY-культуры является так называемый культ самоучки в музыке (панк-рок, инди-рок, альтернативная музыка и т. п.), культуре самиздата (фэнзины, интернет-СМИ) и др. Он озна-

чает, что каждый человек способен обеспечивать себя экономически и культурно, не прибегая к услугам корпораций и массовой культуриндустрии, узурпировавших эти сферы [6]. Основопологающим идеологическим компонентом большинства низовых движений и молодежных контркультур выступают коммунитаризм и антикапитализм, выраженный в отрицании принципов рыночной экономической модели в теории и на практике. Базовый корпус текстов о теории контркультуры [7] свидетельствует о упомянутых особенностях как определяющих компонентах концептуального осмысления контркультуры в целом и DIY-культуры в частности.

В странах Западной Европы и США процесс изучения феномена контркультуры начался с момента ее возникновения в 1960-х гг. К классическому пласту литературы по данной теме относятся труды Т. Роззака, Ч. Рейча, Дж. Стивенса и др. Особое место в изучении DIY-культуры сегодня занимают работы по альтернативному производству материальных и культурных благ (в частности, в сообществе панков). Ряд зарубежных авторов и критиков рассматривали DIY-этику панка в общетеоретических исследованиях (М. Брейк, С. Данкомб, С. Фрит, К. Гуэзд, Ф. Хейн, Р. С. Мур, К. О'Хара и др.). В начале 1980-х гг. тематика DIY становится предметом социальных исследований (К. Кэмпбэлл, Б. Дж. Хартман, П. Котлер, Дж. Е. Бэйтсон и др.).

Концептуальный анализ DIY-культуры был предложен российским культурологом О. А. Аксютинной [3; 8; 9]. В русле заданной проблематики особенно важна попытка этого автора проследить генеалогию контркультуры и позиционирование DIY-культуры панка как ее логического продолжения на современном этапе социального развития. Некоторые существенные моменты, касающиеся визуальной репрезентации DIY-культуры и практики «сделай сам», выступают предметом исследования в кандидатских диссертациях культурологов Д. В. Вольф [10] и Т. Н. Шеметовой [11]. Однако все вышеперечисленные работы касались узкого аспекта проблемы либо использовали несоциологическую методологию и поэтому требуют переосмысления, хотя они и сыграли определяющую роль в обосновании DIY-культуры как социального феномена постсоветского пространства.

Релевантный теоретический язык описания культурных механизмов социальных практик DIY-культуры обнаруживается в культуросоциологии. Данный подход становится в оппозицию к социологии культуры как теории среднего уровня, где культура трактуется «в аспекте включенности культурной компоненты в социальную жизнь общества и его подсистем». Также неприемлем в этой версии и неоклассический подход, уходящий корнями в структурно-функциональный анализ, где «культура рассматривается как специфическая подси-

стема общества, наряду, например, со сферами политики и экономики» [12, с. 172].

Белорусские социологи, работающие в рамках культурсоциологического подхода (В. Л. Абушенко, А. В. Комаровский), полагают, что истоки культурсоциологии следует искать в понимающей социологии М. Вебера [13] и формальной социологии Г. Зиммеля [14, с. 86]. Данные традиции «во многом фундировались разворачиванием общих дискурсов специфики (первоначально) “наук о духе” (“*Geistwissenschaften*”; основная фигура – В. Дильтей) и/или (главным образом) “наук о культуре” (“*Kulturwissenschaften*”; основные фигуры – В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Г. Коген, а затем прежде всего Э. Кассирер) и соответствующих споров (не утихших до настоящего времени) об особенностях их методологии» [12, с. 174]. Немецкую культурсоциологическую традицию также принято связывать с именем Ф. Тенбрука.

В международном социологическом сообществе культурсоциологический дискурс в основном ассоциируется сейчас с именами американских социологов Дж. Александера и Ф. Смита, написавших основополагающую работу в названной области – «Сильная программа в культурсоциологии» [15]. По мнению авторов, существующие в социологии культуры подходы носят редукционистский характер, так как культура рассматривается в них как зависимая переменная и ставится в слабую позицию по отношению к обществу. В ключевом разделе своей книги исследователи предлагают шаги, которые необходимо предпринять, чтобы стала возможной «сильная программа культурсоциологии на основе синтеза структурализма и герменевтики» [15, с. 11]. Их основные выводы заключаются в признании одинаковой состоятельности и герменевтического прочтения процессов социальной жизни, и особого внимания к институтам как каузальным посредникам, что характерно для структурализма. Культура конструирует значения социального, она конвенциональна и поэтому уникальна. Несмотря на наличие структур в изначальном генезисе такой конвенции, в ходе социального развития следствие и причина как бы меняются местами и свойство каузальности переходит культуре, усваиваемой человеком в процессе социализации. На этом основании ученые определяют следующие критерии культурсоциологического метода: признание автономии любой культуры; символическая и текстуальная структура культуры; агентность культуры [16].

Таким образом, несмотря на господство некоторого конвенционального конструкта культуры как глобальной наррации, в случае с DIY-культурой мы имеем дело с *автономным социальным элементом*, продуцирующим собственные *смыслы и тексты*, имеющим собственную *идентичность*, с которой соотносят себя *агенты*, репрезентирующие общество во внешнем социальном окружении при

помощи особых *культурных кодов*, тем самым создавая уникальную *символическую структуру*.

Американский социолог Р. Мур пытается трактовать DIY-культуру панка в качестве ответа на «состояние постмодерна». Основной его вывод заключается в том, что DIY-этика панков является образующей моделью для их социальности, позволяет сторонним субъектам, преодолевшим порог вхождения в сообщество и усвоившим его культурный код, творить и быть активными участниками социокультурных процессов и перформансов, тем самым выступая против общества, в котором граждане превращаются в пассивных зрителей и потребителей [17, р. 325]. Данное наблюдение вполне очевидно, если принять легкость преодоления этого порога как качественно присущую DIY-культуре черту антиэлитарности, а перформативность – как ритуальную практику, поддерживающую саму идею существования сообщества. Англо-американский антрополог В. Тернер также подчеркивал, что базовые компоненты ритуала могут быть отделены от архаичных сообществ и рассмотрены как фундаментальные аспекты человеческого поведения как такового [18]. Еще ранее это сделал Э. Дюркгейм, фигура которого для культурсоциологии особенно важна.

Социология Э. Дюркгейма выступает в качестве базового ресурса, обеспечивающего теоретическую целостность культурсоциологического проекта. Введенное им понятие социального факта как коллективного представления и совокупности представлений, которые разделяются всем или частью сообщества и действуют на него внешним, принудительным образом, отсылает к культуре как пространству, где эти представления обретают определенную форму и содержание. По мнению В. Л. Абушенко, важно, что именно схватывается с помощью понятия «социальный факт»: «И здесь обнаруживается, что речь идет об идеях, верованиях и т. д., т. е. о том, что (при определенной решительной экстраполяции) может быть понято как попадающее в зону действия концепта “культура”». Затем эти внешние детерминанты институционально нормируются (!) и уже в этом новом (институционализированном) качестве задают определенные порядки конкретных практик» [14, с. 85].

Поздний Э. Дюркгейм предлагает набор социологических механизмов, эксплицирующих связи между социальной интеракцией и идеями, символами и коллективными представлениями. Оттолкнувшись от анализа первобытных форм классификации в «примитивных» культурах, сделанного совместно с М. Моссом [19], в своей последней большой работе «Элементарные формы религиозной жизни» (1912) ученый анализирует конкретные проявления ритуалов как *коммеморативных практик* [20]. Сущность такой формы обрядности состоит в привязке церемонии к месту (пространству

осуществления практик), ставшему сакральным в ходе истории. При общей с антропологической наукой установке на рассмотрение «примитивной культуры» как модели «большого» общества (являющейся его «элементарной формой») французский социолог делает акцент на репрезентации прошлого, выражающегося в особом ритуальном действии. Он заключает: «Обряды – это средства, с помощью которых сообщество периодически обновляется» [20, р. 387]. Ключевую роль в этом ритуальном «обновлении» играют места совершения определенных действий: «Места, где они (сообщества. – В. К.) останавливаются для совершения обрядов, – это те места, где селились их отцы, где они умирали и т. д. Таким образом, все приносит свою память в сознание последователей. Более того, к физическим обрядам они часто добавляют гимны, воспевающие подвиги предков» [20, р. 374]. Регулярное ритуальное соприсутствие людей в одном месте стимулирует необходимое оживление социальной жизни, заставляет людей переживать одни и те же коллективные эмоции (так называемое бурление), укрепляет социальные связи сообщества. В контексте современности места представляются как определенные формы организации пространства (например, сквоты), где происходит перформанс. Воспевание подвигов предков можно наблюдать в текстах песен тех музыкальных групп, которые причисляют себя к DIY-культуре панка и явно или косвенно ориентируются на «подвиги» (в их понимании) протестных движений и их ценности [3, с. 251–266]. Кроме того, участники церемонии своими действиями воспроизводят действия почитаемых идолов (в качестве сакральных «предков») и таким образом репрезентируют образ сообщества во времени. Например, в этом статусе во многих сообществах DIY-культуры пребывают панк-музыканты и социальные активисты прошлого.

Особенность сообществ DIY-культуры определяется их аксиологической установкой, поэтому «обряд служит и может служить только для поддержания жизнеспособности этих убеждений, для того, чтобы они не были стерты из памяти и, как итог, для того, чтобы возродить самые важные элементы коллективного сознания. Через него группа периодически обновляет мнение, которое она имеет о самой себе и о своем единстве» [20, р. 387]. Так, социальная солидарность поддерживается сообществом ввиду ощущения общего прошлого, реактуализируемого в процессе коллективных репрезентаций. Символические бинарные классификации (сакральное/профанное) и их социальные формы (миф/ритуал) служат той предельной рамкой значений, отталкиваясь от которой становится возможным применить культурсоциологию в качестве языка описания.

DIY-культура, формирующаяся внутри особой социокультурной среды, проявляется изначально

в стремлении к независимости от корпораций, собственноручном производстве материальных благ и со временем приобретает характер этической системы взглядов. Под производством понимаются уже не только создание материальных благ, но и производство пространства собственной жизни, окружения и культурных артефактов. Данная модель продуцирует дискурс о наиболее демократичном способе социального управления, а также об альтернативе рыночным механизмам регуляции экономических отношений.

Отдельные прототипы построения социальных отношений на основе самоорганизации имели место на протяжении истории и служили основным источником вдохновения как для причислявших себя к контркультуре мыслителей, так и для исследователей, не включенных в практики. В стремлении проследить генеалогию мировоззренческих интенций молодежи они обращались к известным опытам горизонтальных культур [21; 22] и к обосновывающим такой способ общежития философским системам прошлого. Представители DIY-культуры пытаются обосновать преимущество идей и практик альтернативной социальности и обращаются к опыту построения утопических эгалитарных сообществ, поддерживая тем самым миф, лежащий в основе их коллективных представлений. О мифологических корнях контркультуры говорят некоторые исследователи [3, с. 41–44; 23], но данные указания являются скорее проектом исторической реконструкции и не раскрывают для DIY-культуры современное содержание мифа. В нашем случае миф – это актуальный нарратив, продуцируемый сообществом о самом себе. Миф о контркультуре выступает в качестве культурной конвенции для представителей DIY-культуры (коллективное представление); является причиной коллективных действий, лежащих в области смысла. Принятие ценностей контркультуры (мифа) обуславливает социальные практики (ритуал) и наоборот, тогда как в других сообществах, не постулирующих горизонтальные связи как идеал, но традиционно выстраивающих их таким образом (ряд безгосударственных племен [см. 23]), эти практики инструментальны и опосредованы рациональностью их культуры.

В ходе исследования горизонтальных DIY-культур на постсоветском пространстве [24] нами был зафиксирован процесс осуществления ритуальных практик обсуждаемого феномена. С информантами (представителями различных DIY-коллективов) были проведены глубинные интервью в рамках тематического мероприятия, позиционируемого как «фестиваль DIY-культуры Горизонталь-2017» (Москва). При анализе этого кейса релевантной представляется логика культурной прагматики, предложенная Дж. Александером для изучения социальных практик и понимания их смысла, призванная

стать узлом структуралистских и прагматических предпосылок культурсоциологии.

Попытки выработать механизмы декодинга символического смысла протестных действий западной молодежи уже были предприняты представителями Бирмингемской школы культурных исследований [25], в том числе для обоснования методологии С. Холла. В российской социальной науке Т. Б. Щепанская предложила технику социопрагматического анализа визуальной репрезентации и символики субкультуры [2, с. 19], основанного на идеях Т. М. Дридзе. Однако в нашем случае данные подходы не являются корректными, так как, помимо принадлежности к «слабым программам», они касаются других типов сообществ и опираются на иную теоретико-методологическую базу. В рамках этих исследований символический уровень отделяется от социального и изучается либо только как текст, либо только как производный продукт социальных отношений в форме ритуала.

Используемая Дж. Александером концепция культурного перформанса заявлялась как компромисс между двумя противоположными модусами культурсоциологического осмысления социальной жизни [26] – попытка объединить в рамках единого языка описания коллективные представления, мифы и нарративы, воспринимаемые как текст, и ориентированные на них социальные практики, обнаруживающие черты ритуала. Под ритуалом здесь подразумеваются такие культурные коммуникации, в которых участники социального взаимодействия разделяют общее убеждение относительно содержания сообщения. В процессе перформанса акторы используют различные действия, жесты и символы, чтобы сформировать определенное понимание смысла передаваемого сообщения [27]. В ходе передачи последнего усматриваются черты спектакля, в котором участвует группа носителей определенных ценностей, разыгрывающая социальную драму (сообщество приверженцев DIY-этики), сценарий (создание позитивного образа), мизансцена (расстановка действующих лиц), а также попадающая под эмоциональное воздействие от происходящего публика. Примененный Дж. Александером в анализе новейших социальных движений концепт культурного перформанса [28] может быть использован и при изучении DIY-культуры, поскольку эти явления в значительной степени коррелируют друг с другом и имеют общие культурные основания [22, р. 156–217].

Установленные принципы самодостаточности DIY-культуры («культ самоучки», «сделай сам») и антиавторитарности в горизонтальной самоорганизации, качественно отличающие ее от иных

социальных движений, транслируются уже самим названием фестиваля: в нем проявляются *коллективные представления* акторов, воспроизводящих в *сценарии* перформанса общепринятые в данной культуре символы и значения. Протекание культурного перформанса поддерживается *символическими структурами*, в частности мифом о контркультуре как о *сакральном* прообразе альтернативной социальной и экономической организации.

Следующий необходимый элемент перформанса – акторы, субъекты взаимодействия, кодирующие смысл сообщения в определенную знаковую систему и представляющие его аудитории. Показателен уже только список участников фестиваля, благодаря которым формируется *мизансцена* перформанса: книжные издательства, производственные кооперативы (пищевые кондитерские изделия, фастфуд, молочная продукция и т. п.), коллективы журналов, лейблы и дистрибуторы. Все перечисленные виды деятельности даже в формате молодежных аффинити-групп¹ приносят прибыль их участникам, не подвергаясь критике законы рыночной экономики. Несмотря на это, большая часть информантов выражала симпатию к левой политической идеологии, отвечая на вопросы гайда, касающиеся коллективных представлений.

Анализ итогов устных интервью информантов показал, что в ответах были частотны выражения, так или иначе характерные для горизонтального способа самоорганизации коллектива. В качестве синонимичных понятий наиболее часто использовались «прямая демократия», «либертарность», «горизонтальность» (под которыми подразумевалась практика антиавторитарной самоорганизации). Либертарный социализм как мировоззрение и идеология левого политического спектра выступает здесь в качестве «чистой» сакральной категории, высокого ценностного идеала, с которым агенты соотносят свои действия, несмотря на несвойственные ему экономические практики.

Следующий элемент культурного перформанса – *аудитория*, попадающая под эмоциональное воздействие происходящего. В данном случае фестиваль – это открытое, привязанное к месту проведения мероприятие (арт-пространство «Хлебозавод», г. Москва). Вход туда был доступен каждому, и информация о событии была в свободном доступе в интернете. Это обусловило присутствие весьма разнообразной публики, предположительно способной считать культурный код, но не обязательно причисляющей себя к панк-сообществу. Само отнесение аудитории к какой-либо категории проблематично, так как средства символического производства (необходимый набор матери-

¹Аффинити-группа (от англ. *affinity* – родство) – группа близости, круг единомышленников, друзей, знающих достоинства, слабости, жизнь друг друга, уже установивших общий язык и намеревающихся достигнуть одну или несколько целей; основной способ организации коллективов, занимающихся DIY-деятельностью.

альных принадлежностей к сообществу) не всегда явно отличали даже самих акторов DIY-культуры от сторонних наблюдателей и эксплицировались часто лишь в процессе проведения интервью. Показательно, что в ответе на вопрос о распространении информации о себе в публичной сфере все участники исследования утверждали, что это важнейший элемент символической репрезентации сообщества, поддерживающий его образ во внешней среде. Сетевая коммуникация, характерная для интернет-сообществ, свойственна и DIY-культуре, которая следует той же логике. Вероятно, в связи с этим данный феномен и стал широко известен за пределами узкосубкультурной среды панк-хардкора и сегодня может рассматриваться как феномен молодежной субкультуры в целом.

Предложенная Дж. Александером анатомическая схема перформанса обеспечивает связь уровня социальных структур с уровнем социальных практик. Перформанс как событие, в процессе протекания которого эксплицируются культурные смыслы, представляется удобной объяснительной моделью для различного рода социальных явлений, обнаруживающих ритуальные элементы. Культурсоциологический анализ DIY-культуры через оппозицию «коллективные представления – культурный перформанс» потенциально может расширить понимание первого элемента за счет привлечения фактологического материала, собранного из наблюдений за вторым. Это можно рассматривать не только как попытку достижения «нового синтеза», подобно классической оппозиции структурной лингвистики Ф. де Соссюра «язык – речь» [29, с. 161], но и как возможность прояснить выявленные противоречия. Относительно DIY-культуры очевидные расхождения прослеживаются на уровне социальных практик, когда транслируемый образ идет вразрез со вкладываемым смыслом и может быть правильно прочитан зрителем перформанса лишь в случае дополнительного комментария или перекодирования. Подобно тому как адресат, знающий литературный вариант инокультурного языка, может не понять диалекта говорящего носителя, а при изложении тех же мыслей на бумаге с легкостью установить референцию, символическая репрезентация может не соответствовать коллективным представлениям, но при этом правильно считываться публикой, незнакомой с культурным бэкграундом актора, только после дополнительных пояснений. Вопросы же могут возникнуть лишь у наблюдателя, занимающего метапозицию, тогда как у самих исполнителей ритуала когнитивный диссонанс также не возникает даже при указании на проблему соотношения фактических практик и полагаемых принципов.

Так, участие представителей DIY-культуры в рыночных экономических практиках может проис-

ходить при наличии вполне серьезных намерений продемонстрировать альтернативную логику [30; 31]. Например, традиционно отстаиваемая DIY-культурой идея о некоммерческом основании культурной политики, в рамках которой транслируется концепт о противостоянии денежной экономике, сегодня легко уживается с порядком взимания платы за посещения культовых мероприятий. Этот порядок оправдывается акторами *ad hoc* обстоятельствами, не затрагивающими ценности, лежащие в основании действия (аренда помещения или пространства, оплата дороги выступающим музыкальным группам и т. п.). Это также относится к дистрибуции произведенного в промышленных масштабах с привлечением сторонних производителей, тогда как этика DIY полагалась ее пионерами в качестве императива и являлась протестом против монополизации данного рынка и взимания прибавочной стоимости за работу, которую способен выполнить каждый. Аналогична ситуация с записью и распространением музыкальных произведений и артефактов DIY-культуры: стремясь к качеству, группы, осознавшие недостаточность своих навыков в этой области, нередко обращаются к услугам сторонних звукорежиссеров и выпускающих компаний. Сегодня чаще всего эти люди (как и лейблы) также декларативно относят себя к DIY-движению, но это не меняет сущности проблемы: вместо полагаемого создания качественной альтернативы капиталистическому способу организации социальной жизни, где логика купли-продажи заменялась бы логикой обмена или дарения самостоятельно произведенной продукции и смыслов, сообщества молодежной DIY-культуры воспроизводят сложившиеся рыночные отношения, будучи всего лишь некоторой частью игроков на рынке услуг. При этом они все так же продолжают вкладывать в свои действия мифологизированные паттерны левой идеологии, не задавая себе вопрос об основаниях собственных практик. Это в корне меняет отношение к данному феномену, более не являющемуся выражением контркультуры, как полагают некоторые исследователи [9]. Тем не менее между коммеморативными ритуалами и сообществом устанавливается своеобразная реципрокная связь, которая благодаря цикличности проведения подобных фестивалей (понимаемых как перформанс) и усилению рационализации приводимых оправданий, позволяет поддерживать ощущение самостождественности сообществ DIY-культуры на протяжении длительного времени, несмотря на происходящие с ними сущностные трансформации.

Таким образом, культурсоциологический подход к анализу DIY-культуры при помощи концепции культурного перформанса Дж. Александера методологически перспективен для современных социо-

логических исследований молодежных субкультур и может быть использован при анализе социальных практик с чертами ритуала. Выявленные в данной работе противоречия на уровне социальных прак-

тик DIY-культуры служат доводом в пользу предположения о наличии более глубоких культурных оснований трансформации идентичности акторов, что требует проведения дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. McKay G. *DIY Culture: Party & Protest in Nineties Britain*. London: Verso; 1998. 310 p.
2. Щепанская ТБ. *Система: тексты и традиции субкультуры*. Москва: ОГИ; 2004. 286 с.
3. Аксютин ОА. «Если я не могу танцевать, это не моя революция!» DIY панк/хардкор сцена в России. Москва: Нота-Р; 2008. 336 с.
4. Duncombe S. *Notes from underground: zines and the politics of alternative culture*. London: Verso; 1997. 256 p.
5. Кашпар ВИ. Принцип консенсуса и феномен восстановительного правосудия в практиках современной контркультуры. В: Третьяков ГМ, редактор. *Наука-2017. Часть 1*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2017. с. 139–142.
6. Wolf M, McQuitty S. Circumventing traditional markets: an empirical study of the marketplace motivations and outcomes of consumers' do-it-yourself behaviors. *The Journal of Marketing Theory and Practice*. 2013;21(2):195–209. DOI: 10.2307/23461947.
7. Кашпар ВИ. Теория контркультуры. DIY-активизм в событийной динамике социальности. В: Козловский НВ, редактор. *Социологические чтения – 2017*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2017. с. 101–109.
8. Аксютин ОА. Культура повседневности современных протестных движений в Европе. В: Стернин ГЮ, редактор. *Повседневность как текст культуры. Материалы Международной научной конференции; 27–29 апреля 2005 г.; Киров, Россия*. Киров: Вятский государственный гуманитарный университет; 2005. с. 45–56.
9. Аксютин ОА. *Панк как феномен молодежной контркультуры в постсоветском пространстве* [диссертация]. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2003. 245 с.
10. Вольф ДВ. *Феномен DIY в художественной культуре XX–XXI веков* [диссертация]. Москва: Гуманитарный институт телевидения и радиовещания имени М. А. Литовчина; 2016. 211 с.
11. Шеметова ТН. *Панк-хардкор субкультура: эстетика и идеология* [диссертация]. Москва: Государственный институт искусствознания; 2007. 200 с.
12. Абушенко ВЛ. Становление культур-социологических дискурсов в социальном знании: предельная рамка. *Социологический альманах*. 2013;4:172–188.
13. Комаровский АВ. Культурсоциология Макса Вебера. *Социологический альманах*. 2012;3:397–407.
14. Абушенко ВЛ. Классический подход к изучению культуры в социологии в перспективе социологической (пост)неклассики. *Социологический альманах*. 2011;2:81–88.
15. Александер Дж, Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии. *Социологическое обозрение*. 2010;9(2):11–30.
16. Александер Дж. Об интеллектуальных истоках «сильной программы». *Социологическое обозрение*. 2010;9(2):5–10.
17. Moore R. Postmodernism and punk subculture: cultures of authenticity and deconstruction. *The Communication Review*. 2004;7(3):305–327.
18. Тернер В. *Ритуальный процесс. Структура и антиструктура. Символ и ритуал*. Бейнис ВА, переводчик. Москва: Наука; 1983. 277 с.
19. Дюркгейм Э, Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений. В: Мосс М. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. Гофман АВ, переводчик. Москва: Восточная литература; 1996. с. 55–124.
20. Durkheim E. Representative or commemorative rites. In: Durkheim E. *The elementary forms of religious life*. Swain JW, translator. London: George Allen & Unwin; 1976. 428 p.
21. Boehm Ch. Egalitarian behavior and reverse dominance hierarchy. *Current Anthropology*. 1993;34(3):227–254.
22. Clastres P. *Society against the state: essays in political anthropology*. New York: Zone Books; 1989. 218 p.
23. Ремизова МС. *Веселое время: мифологические корни контркультуры*. Москва: Форум; 2016. 160 с.
24. Кашпар ВИ. DIY-культура в постсоветском пространстве: практики самоорганизации. В: Асочаков ЮВ, редактор. *Глобальные специальные трансформации XX – начала XXI в. (к 100-летию русской революции). Материалы научной конференции «IX Ковалевские чтения»; 9–11 ноября 2017 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Скифия-принт; 2017. с. 446–448.
25. Hall S, Jefferson T, editors. *Resistance through rituals: youth subcultures in post-war Britain*. London: Hutchinson; 1976. 287 p.
26. Alexander JC. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy. *Sociological Theory*. 2004;22(4):527–573. DOI: 10.1111/j.0735-2751.2004.00233x.
27. Поликашина МЛ. Музыка как социальный перформанс. *Социологическое обозрение*. 2010;9(2):106–111.
28. Титков АС. Культурсоциология против фараона: «перформативная революция» в Египте. *Социологическое обозрение*. 2012;11(2):122–130.
29. Куракин ДЮ. «Сильная программа» в культурсоциологии: историко-социологические, теоретические и методологические комментарии. Послесловие редактора выпуска. *Социологическое обозрение*. 2010;9(2):155–178.
30. Десмонд Д, МакДонах П, О'Донохоу С. Контркультура и потребительское общество. В: Зверева ВВ, редактор. *Массовая культура: современные западные исследования*. Москва: Прагматика культуры; 2005. с. 268–307.
31. Хит Дж, Поттер Э. *Бунт на продажу. Как контркультура создает новую культуру потребления*. Скворцов Д, переводчик; Лейко М, редактор. Москва: Добрая книга; 2007. 456 с.

References

1. McKay G. *DIY cultures: party & protest in Nineties Britain*. London: Verso; 1998. 310 p.
2. Shchepanskaya TB. *Sistema: teksty i traditsii subkul'tury* [System: texts and traditions of the subculture]. Moscow: OGI; 2004. 286 p. Russian.
3. Aksyutina OA. «Esli ya ne mogu tantsevat', eto ne moya revolyutsiya!» *DIY pank/khardkor stsena v Rossii* [«If I can't dance, this is not my revolution!» DIY punk / hardcore scene in Russia]. Moscow: Nota-R; 2008. 336 p. Russian.
4. Duncombe S. *Notes from underground: zines and the politics of alternative culture*. London: Verso; 1997. 256 p.
5. Kashpar VI. [The principle of consensus and the phenomenon of restorative justice in the practices of modern counterculture]. In: Tretyakov GM, editor. *Nauka-2017. Chast' 1* [Science-2017. Part 1]. Grodno: Yanka Kupala State University of Hrodna; 2017. p. 139–142. Russian.
6. Wolf M, McQuitty S. Circumventing traditional markets: an empirical study of the marketplace motivations and outcomes of consumers' do-it-yourself behaviors. *The Journal of Marketing Theory and Practice*. 2013;21(2):195–209. DOI: 10.2307/23461947.
7. Kashpar VI. [Countercultural theory: DIY-activity in event dynamics of sociality]. In: Kozlovsky NV, editor. *Sotsiologicheskie chteniya – 2017* [Sociological Readings – 2017]. Hrodna: Yanka Kupala State University of Grodno; 2017. p. 101–109. Russian.
8. Aksyutina OA. [Everyday culture of modern protest movements in Europe]. In: Sternin GYu, editor. *Povsednevnost' kak tekst kul'tury. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 27–29 aprelya 2005 g.; Kirov, Rossiya* [Daily life as the text of culture. Proceedings of the International scientific conference; 2005 April 27–29; Kirov, Russia]. Kirov: State Humanitarian University of Vyatski; 2005. p. 45–56. Russian.
9. Aksyutina OA. *Pank kak fenomen molodezhnoi kontrkul'tury v postsovetском prostranstve* [Punk as a phenomenon of the youth counterculture in the post-Soviet space] [dissertation]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2003. 245 p. Russian.
10. Wolf DV. *Fenomen DIY v khudozhestvennoi kul'ture XX–XXI vekov* [The phenomenon of DIY in the artistic culture of the 20th–21st centuries] [dissertation]. Moscow: GITR Film and Television School; 2016. 211 p. Russian.
11. Shemetova TN. *Pank-khardkor subkul'tura: estetika i ideologiya* [Punk hardcore subculture: aesthetics and ideology] [dissertation]. Moscow: State Institute of Art Studies; 2007. 200 p. Russian.
12. Abushenko VL. The establishment of kultur-soziologie discourses in social knowledge: the ultimate frame. *Sotsiologicheskie al'manakh*. 2013;4:172–188. Russian.
13. Komarovskiy AV. Cultural sociology of Max Weber. *Sotsiologicheskie al'manakh*. 2012;3:397–407. Russian.
14. Abushenko VL. Classical approach to the study of culture in perspective of the (post)nonclassical sociology. *Sotsiologicheskie al'manakh*. 2011;2:81–88. Russian.
15. Alexander J, Smith F. A strong program in cultural sociology. *Sociological review*. 2010;9(2):11–30. Russian.
16. Alexander J. On the intellectual origins of the «strong program». *Sociological review*. 2010;9(2):5–10. Russian.
17. Moore R. Postmodernism and punk subculture: cultures of authenticity and deconstruction. *The Communication Review*. 2004;7(3):305–327.
18. Turner V. *Ritual'nyi protsess. Struktura i antistruktura. Simvol i ritual* [The ritual process. Structure and anti-structure. Symbol and ritual]. Beinis VA, editor. Moscow: Nauka; 1983. 277 p. Russian.
19. Durkheim E, Moss M. [On some primitive forms of classification. To the study of collective representations]. In: Moss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on Social anthropology]. Gofman AB, translator. Moscow: Eastern literature; 1996. p. 55–124. Russian.
20. Durkheim E. Representative or commemorative rites. In: Durkheim E. *The elementary forms of religious life*. Swain JW, translator. London: George Allen & Unwin; 1976. 428 p.
21. Boehm Ch. Egalitarian behavior and reverse dominance hierarchy. *Current Anthropology*. 1993;34(3):227–254.
22. Clastres P. *Society against the state: essays in political anthropology*. New York: Zone Books; 1989. 218 p.
23. Remizova MS. *Veseloie vremya: mifologicheskie korni kontrkul'tury* [Fun time: the mythological roots of the counterculture]. Moscow: Forum; 2016. 160 p. Russian.
24. Kashpar VI. [DIY-culture in the post-Soviet space: ractices of self-organization]. In: Asochakov YuV, editor. *Global'nye spetsial'nye transformatsii XX – nachala XXI v. (k 100-letiyu russkoi revolyutsii). Materialy nauchnoi konferentsii «IX Kovalevskie chteniya»; 9–11 noyabrya 2017 g.* [Global social transformation on the 20th – the beginning of the 21st century (for the 100th anniversary of the Russian Revolution. Materials of the Scientific conference 11th Kovalev readings; 2017 November 9–11; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Skifiya-print; 2017. p. 446–448. Russian.
25. *Resistance through rituals: youth subcultures in post-war Britain*. Hall S, Jefferson T, editors. London: Hutchinson; 1976. 287 p.
26. Alexander JC. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy. *Sociological Theory*. 2004;22(4):527–573. DOI: 10.1111/j.0735-2751.2004.00233x.
27. Polikashina ML. Music as a social performance. *Sociological review*. 2010;9(2):106–111. Russian.
28. Titkov AS. Cultural sociology against the pharaon: «performative revolution» in Egypt. *Sociological review*. 2012;11(2):122–130. Russian.
29. Kurakin DYu. «A strong program» in cultural sociology: historical and sociological, theoretical and methodological comments. *Sociological review*. 2010;9(2):155–178. Russian.
30. Desmond D, McDonagh P, O'Donohaw S. [Counterculture and consumer society]. In: Zvereva VV, editor. *Massovaya kul'tura: sovremennye zapadnye issledovaniya* [Popular culture: modern Western studies]. Moscow: Pragmatika kul'tury; 2005. p. 268–307. Russian.
31. Heath J, Potter E. *Bunt na prodazhu. Kak kontrkul'tura sozdaet novuyu kul'turu potrebleniya* [Riot for sale. How counterculture creates a new culture of consumption]. Skvortsov D, translator; Leiko M, editor. Moscow: Dobraya kniga; 2007. 456 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 03.04.2019.
Received by editorial board 03.04.2019.

СТУДЕНТ И ИНТЕРНЕТ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А. В. РУБАНОВ¹⁾, А. Е. БЕЛОУСОВА¹⁾, Е. Е. ПОДОЛЯК¹⁾, А. П. СИДОРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На примере Белорусского государственного университета анализируется степень распространения современных информационно-коммуникативных технологий и интерес студенческой молодежи к разным их видам. Рассматриваются основные направления вовлечения студентов в пользование электронными технологиями обучения. Особый акцент делается на востребованности различных видов электронных учебных материалов и форм организации учебного процесса. Отмечается, что использование в обучении образовательных возможностей сети Интернет предполагает их сочетание с традиционными методами обучения.

Ключевые слова: высшее образование; учебный процесс; образовательные ресурсы; профессорско-преподавательский состав; студенты; интернет; информационно-коммуникационные технологии; сравнительные социологические исследования.

Благодарность. Исследование проведено в рамках выполнения научного проекта «Состояние, тенденции, перспективы развития интернет-сообществ и информационно-коммуникативных технологий в условиях становления информационного общества» государственной программы научных исследований на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества». Опрошено 200 человек, в выборке пропорционально представлены студенты естественнонаучных и гуманитарных специальностей.

STUDENT AND INTERNET: ATTEMPT OF COMPARATIVE SOCIOLOGICAL RESEARCH

A. V. RUBANAU^a, A. E. BELOUSOVA^a, E. E. PODOLYAK^a, A. P. SIDORENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. V. Rubanau (rubanov.bsu@gmail.com)

The article analyzes grade of spread for higher education of information and communications technology and interest to various kinds of them for student youth (on materials of Belarusian State University case). The main directions of involvement of students into usage of digital technologies of education are explicated. Demands of various forms of digital educational materials and forms of organization of education are represented. The possibility of combination of usage of educational potential of internet and traditional forms of education is emphasized.

Keywords: higher education; educational process; educational resources; faculty membership; students; internet; information and communications technology; comparative sociological research.

Образец цитирования:

Рубанов АВ, Белоусова АЕ, Подоляк ЕЕ, Сидоренко АП. Студент и интернет: опыт сравнительного социологического исследования. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019; 3:67–73.

For citation:

Rubanau AV, Belousova AE, Podolyak EE, Sidorenko AP. Student and internet: attempt of comparative sociological research. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2019;3:67–73. Russian.

Авторы:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Анастасия Евгеньевна Белоусова – студентка факультета философии и социальных наук.

Егор Евгеньевич Подоляк – студент факультета философии и социальных наук.

Анастасия Павловна Сидоренко – студентка факультета философии и социальных наук.

Authors:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

rubanov.bsu@gmail.com

Anastasia E. Belousova, student at the faculty of philosophy and social sciences.

Egor E. Podolyak, student at the faculty of philosophy and social sciences.

Anastasia P. Sidorenko, student at the faculty of philosophy and social sciences.

Acknowledgements. The research was conducted as a part of scientific project «State, trends and development prospects of online communities and communication technologies in the formation of the information society» and government scientific research program for 2016–2020 «Economics and humanitarian development of Belarusian society». 200 people was interviewed, students of natural sciences and liberal arts students are proportionally represented in the sample.

В Белорусском государственном университете в 2014 г. было проведено социологическое исследование по теме «Студент и интернет» [1, с. 33–35]. Здесь же в 2019 г. аналогичное исследование повторилось, но его методическая часть была несколько изменена с учетом ускоренных темпов развития в нашей стране информационного общества. Анализ результатов обоих исследований позволяет увидеть, во-первых, динамику процессов, происходящих в указанной сфере, во-вторых, общее состояние, отражающее роль ресурсов сети Интернет и новых информационно-коммуникационных технологий в жизни современной студенческой молодежи.

В силу практически стопроцентной вовлеченности студенческой молодежи в интернет и воз-

никших на его основе новых информационно-коммуникационных технологий особый интерес представляют ответы на два вопроса:

1. Какие технологии и устройства преимущественно используются сегодняшними студентами для доступа в интернет?

2. Какие значимые новые процессы произошли в этой сфере в течение последних пяти лет?

Данные, приведенные в табл. 1 и 2, дают однозначные ответы на первый из этих вопросов.

Что касается технологий доступа в интернет, то очевидно постепенное нарастание доминирования мобильного и беспроводного (*Wi-Fi*, *Wi-Max*) интернета. Сейчас почти повсеместно распространены смартфоны, ноутбуки фактически сохранили свои прежние позиции.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Какие технологии Вы используете для доступа в интернет?», %

Table 1

Distribution of answers to the question:
«What technologies do you use to access to the internet?», %

Технология	Год	
	2014	2019
Беспроводной интернет (<i>Wi-Fi</i> , <i>Wi-Max</i>)	86,0	93,1
Мобильный интернет	77,4	96,8
Проводной интернет (<i>Dial-up</i> , <i>ADSL</i>)	45,3	16,4
Интернет по кабельному телевидению	7,5	2,3

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Какие устройства Вы используете для доступа в интернет?», %

Table 2

Distribution of answers to the question:
«What devices do you use to access to the internet?», %

Устройство	Год	
	2014	2019
Ноутбук	87,5	81,0
Смартфон	75,5	97,4
Настольный компьютер	43,0	29,1
Планшетный компьютер	25,3	14,3

В связи с широчайшим распространением мобильного интернета и смартфонов заметно изменились места, где люди пользуются интернетом. Как видно из табл. 3, число ответов *пользуюсь в любом месте, где нахожусь* увеличилось за пять лет на 27 %, зато реже стали упоминаться стационарные

источники доступа (дом, место работы или учебы, библиотека, интернет-кафе).

Интересны ответы на вопрос о том, какая информация, размещенная на сайте факультета (учебного заведения), интересует студентов. Согласно данным табл. 4 принципиальных изменений в пред-

почтениях молодежи не произошло: как и раньше, в первую очередь обучающихся привлекают разные виды электронных учебных материалов. Но в то же время очевиден и определенный рост внимания к электронному представлению материалов, касающихся организации учебного процесса (расписанию занятий, экзаменов и зачетов, индивидуальных и групповых консультаций, образцам деловой документации и т. п.).

Интерес студентов к конкретным видам электронных образовательных ресурсов также весьма высок: более всего для них по-прежнему важны электронные учебники и учебные пособия, конспекты лекций, далее по степени востребованности располагаются материалы для подготовки курсовых работ и проектов, рефератов и эссе, тексты первоисточников, электронные сборники задач и упражнений. Выпускников особенно привлекают материалы для подготовки дипломной работы (проекта). Заметен рост внимания к электронным материалам для прохождения практики, видимо, в связи с их информативностью и содержательностью (табл. 5).

О повышении интереса студентов к использованию разнообразных электронных форм проведения занятий и проверки качества усвоения учебного материала свидетельствуют следующие данные. Учащихся больше всего привлекает применение мультимедийных видеопрокторов при чтении

лекций и проведении семинаров (49,4 % в 2014 г. и 73,0 % в 2019 г.), на втором месте – демонстрация видеозаписей лекций, лабораторных занятий и обучающих видеороликов (52,9 и 61,4 % соответственно). Далее следуют видеоприсутствие на лекциях преподавателей из других вузов, включая зарубежные лекции в онлайн-режиме (27,7 и 30,7 % соответственно), контроль качества знаний на основе компьютерного тестирования (27,6 и 30,7 % соответственно) (табл. 6).

Развивается и становится более разнообразным по формам электронное взаимодействие студентов с преподавателями. Пять лет назад, отвечая на общий вопрос о том, сотрудничают ли они с преподавателями в онлайн-режиме, утвердительно ответили около 40 % опрошенных, примерно 25,5 % сказали, что хотели бы таких контактов. В 2019 г. на конкретный вопрос о том, какие электронные средства применяет руководитель курсовой или дипломной работы для взаимодействия со студентами, были получены ответы, представленные в табл. 7: наиболее часто (73,0 % ответов от общего числа) используют электронную почту, которая создает самые благоприятные условия для оперативного обмена материалами; на втором месте (29,7 %) – мобильный телефон; на третьем (24,3 %) – мессенджеры. О том, что преподаватели не общаются со студентами при помощи электронных средств связи, заявил примерно каждый пятый опрошенный.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос:
«Где Вы пользуетесь интернетом?», %**

Table 3

**Distribution of answers:
to the question «Where do you use internet?», %**

Место пользования	Год	
	2014	2019
Дом	88,6	64,0
Работа (учебное заведение)	64,8	52,4
Библиотека	25,8	10,6
Интернет-кафе	14,4	8,5
Другие места	18,9	19,6
Любое место, где нахожусь	48,9	75,7

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос:
«Какая информация интересует Вас на сайте факультета (учебного заведения)?», %**

Table 4

**Distribution of answers to the question:
«What information is of interest to you on the faculty's educational institution?», %**

Вид информации	Год	
	2014	2019
Учебные материалы (учебники, конспекты лекций, учебно-методические комплексы и др.)	86,5	67,2
Расписание занятий	69,4	74,1

Окончание табл. 4
Ending table 4

Вид информации	Год	
	2014	2019
Расписание экзаменов и зачетов	60,6	72,0
Персональные страницы преподавателей	45,3	44,0
Информация об организации учебного процесса (образовательные стандарты, учебные планы, программы и др.)	42,9	28,6
Научные материалы	38,2	28,0
Образцы заявлений и других документов	37,6	46,6
Информация о текущей жизни факультета (учебного заведения)	21,8	16,4
Расписание индивидуальных и групповых консультаций	14,1	18,5

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос:
«Какие электронные образовательные ресурсы Вам необходимы?», %

Table 5

Distribution of answers to the question:
«What educational resources do you need?», %

Вид образовательных ресурсов	Год	
	2014	2019
Электронные учебники и учебные пособия, конспекты лекций	91,2	92,0
Материалы для подготовки курсовой работы (проекта)	74,7	72,7
Материалы для подготовки рефератов, эссе	57,1	57,2
Тексты первоисточников	55,3	55,1
Электронные сборники задач и упражнений	37,6	25,1
Материалы для подготовки дипломной работы (проекта)	29,4	33,2
Материалы для прохождения практики	24,1	35,8

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос:
«Какие формы организации электронного учебного процесса больше всего Вас привлекают?», %

Table 6

Distribution of answers to the question:
«What forms of organizing e-learning do you find the most appealing?», %

Форма организации учебного процесса	Год	
	2014	2019
Видеозаписи лекций, лабораторных демонстраций и обучающие видеоролики	52,9	61,4
Использование мультимедийных видеопроекторов при чтении лекций и проведении семинаров	49,4	73,0
Видеоприсутствие на лекциях преподавателей из других вузов, включая зарубежные лекции в онлайн-режиме	27,7	32,3
Контроль качества знаний на основе компьютерного тестирования	27,6	30,7

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос:
«Руководитель курсового или дипломного
проекта использует для работы с Вами...», %**

Table 7

**Distribution of answers to the question:
«While working with you advisor uses...», %**

Вариант ответа	Количество ответов
Мобильный телефон	29,7
Электронная почта	73,0
Мессенджеры	24,3
Skype	1,1
Не использует	20,5

Неотъемлемой частью образовательного процесса за прошедшие пять лет стала проверка студенческих работ на оригинальность в системе «Антиплагиат». Как показал опрос, 65,1 % студентов делает это не только в рамках обязательной проверки дипломных и магистерских исследований, но и по собственной инициативе в других ситуациях. Одновременно большинство опрошенных, позитивно оценивая использование электронных ресурсов и средств коммуникации в учебном процессе, по-прежнему придерживаются мнения, что новые образовательные возможности, предоставляемые сетью Интернет, следует сочетать (особенно на младших курсах) с потенциалом традицион-

ных методов обучения по принципу *лицом к лицу* как с преподавателем, так и с книгой.

Электронные услуги привлекают студентов и в учебном процессе, и в сфере удовлетворения потребностей в разного рода источниках информации. Ответы на вопрос: «Какие информационные ресурсы интернета прежде всего Вас интересуют?» – свидетельствуют, что по степени востребованности доминируют образовательные программы, учебная и профессиональная литература, за ними следуют информация, касающаяся организации различных форм проведения отдыха и культурной жизни, и общественно-политические новости (табл. 8).

Таблица 8

**Распределение ответов на вопрос:
«Какие информационные ресурсы интернета прежде всего Вас интересуют?», %**

Table 8

**Distribution of answers to the question:
«What Internet information resources are you most interested in?», %**

Информационные ресурсы	Год	
	2014	2019
Общественно-политические новости	66,0	55,0
Экономические новости	26,8	21,2
Образовательные программы, учебные материалы	64,5	69,3
Новости культурной жизни	54,3	62,4
Информация об отдыхе, увлечениях	64,9	69,8
Учебная профессиональная литература	71,3	68,8
Юридическая информация	13,2	10,6
Коммерческая информация	15,5	27,0
Светская хроника	24,9	20,6
Прогноз погоды	53,6	59,8

Еще одним весьма распространенным способом использования сети Интернет является привлечение ее ресурсов к поиску студентами рабоче-

го места, пусть часто и временного. Показательно, что обращение к этим новым возможностям в течение последних пяти лет заметно активизирова-

лось. При этом, как следует из табл. 9, потенциал интернета служит не только источником необходимой информации о вакансиях (сайты предприятий и организаций, базы данных специализированных государственных и частных структур, социальные сети) – растет личная самопрезентация студентов путем размещения в сети своих резюме, создания персональных страниц в професси-

ональных социальных сетях (*Профессионалы.ru*, *LinkedIn* и др.).

При ответе на вопрос: «Удавалось ли Вам через интернет найти работу?» – 27,5 % опрошенных сказали, что нашли традиционное по форме рабочее место в организации, фирме или предприятии, 18,5 % респондентов сослались на получение дистанционной работы (фриланс).

Таблица 9

**Распределение ответов на вопрос:
«Используете ли Вы интернет для поиска работы?», %**

Table 9

**Distribution of answers to the question:
«Do you use the internet to find a job?», %**

Путь использования	Год	
	2014	2019
Ищу информацию о вакансиях на сайтах предприятий и организаций	86,1	89,4
Размещаю свои резюме	48,5	51,4
Использую информацию о вакансиях, рассылаемую в социальных сетях	34,2	41,3
Создаю персональные страницы в профессиональных социальных сетях (<i>Профессионалы.ru</i> , <i>LinkedIn</i> и др.)	19,4	28,5
Обращаюсь к базам данных государственных и частных структур, специализирующихся на решении проблем трудоустройства	13,9	31,3

За пять последних лет выросла оценка студентами потенциала интернета при поиске работы (табл. 10): высоко оцениваются экономия временных, денежных и трудовых ресурсов, расширение спектра вакансий, возможность оперативного вступления в контакт с работодателем, доступность дополнительной

информации о работодателе, функциональных обязанностях, заработке, социальном пакете и др., самотестирование на соответствие требованиям вакантной должности, разнообразие и доступность каналов распространения профессиональной информации о себе самом как кандидате на должность.

Таблица 10

Преимущества поиска работы через интернет, %

Table 10

The benefits of searching of job online, %

Преимущество	Год	
	2014	2019
Экономия временных, денежных и трудовых ресурсов	85,5	90,4
Расширение возможностей выбора вакансий	61,5	72,7
Возможность оперативного вступления в контакт с работодателем	42,4	67,0
Доступность дополнительной информации о работодателе и работе (функциональные обязанности, заработок, социальный пакет и др.)	52,3	66,0
Самотестирование на соответствие требованиям вакантной должности	27,5	41,0
Разнообразие возможностей распространения профессиональной информации о себе как кандидате на должность	31,3	40,4

Таким образом, сравнение результатов социологических исследований по теме «Студент и интернет», проведенных в Белорусском государственном университете в 2014 и 2019 г., позволяет говорить о закреплении и дальнейшем развитии

позитивных тенденций использования ресурсов сети Интернет и электронных информационно-коммуникационных технологий в жизни студентов, особенно в их учебной деятельности, а также при поиске рабочего места.

Библиографический список

1. Рубанов АВ, Бурчик ЛА. Студент и интернет: опыт социологического исследования. *Философия и социальные науки*. 2014;3:33–35.

References

1. Rubanov AV, Burchik LA. Student and internet: attempt of sociological research. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2014;3:33–35. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.05.2019.
Received by editorial board 28.05.2019.

УДК 159.923

ЛЮБОВНЫЕ АТТИТЮДЫ В РОМАНТИЧЕСКИХ И СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

И. А. ФУРМАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются различия в любовных аттитюдах в зависимости от статуса партнерских отношений. В иерархии любовных аттитюдов партнеров как в романтических, так и в супружеских отношениях доминирующее положение занимают *эрос*, *мания* и *агапе*. У партнеров, находящихся в романтических отношениях, сильнее выражены *агапе*, *людус* и *сторге*, в супружеских – *мания*. В показателях *эроса* и *прагмы* статистически значимых различий не обнаружено. Мужчины, состоящие в романтических отношениях, отличаются существенно более высокими показателями аттитюдов *агапе*, *сторге* и *людус*, в супружеских отношениях – более высокими показателями *эроса* и *мании*. По показателю *прагма* статистически значимых различий не обнаружено. Женщины, находящиеся в романтических отношениях, имеют существенно более высокие показатели аттитюдов *сторге* и *эрос*; в супружеских отношениях – *мании*. Другие аттитюды значимо не различаются.

Ключевые слова: романтические и супружеские отношения; любовные аттитюды; *эрос*; *людус*; *сторге*; *прагма*; *мания*; *агапе*.

LOVE ATTITUDES IN ROMANTIC AND MARITAL RELATIONSHIPS

I. A. FOURMANOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The differences in love attitudes depending on the status of partnerships are considered. In the hierarchy of love attitudes of partners in both romantic and marital relationships, *Eros*, *Mania* and *Agape* occupy a dominant position. In partners who are in a romantic relationship, *Agape*, *Ludus* and *Storge* are more pronounced, in partners who are in a marital relationship –

Образец цитирования:

Фурманов ИА. Любовные аттитюды в романтических и супружеских отношениях. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;3:74–81.

For citation:

Fourmanov IA. Love attitudes in romantic and marital relationships. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:74–81. Russian.

Автор:

Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
fourmigor@gmail.com

Mania. No statistically significant differences were found in *Eros* and *Pragma* scores. Men who are in a romantic relationship, have significantly higher rates of attitudes *Agape*, *Storge* and *Ludus*. Men who are in a marital relationship, significantly different higher scores of *Eros* and *Mania*. No statistically significant differences were found in the *Pragma* score. Women who are in a romantic relationship have significantly higher scores of attitudes *Storge* and *Eros*, women who are in a marital relationship – *Mania*. Other attitudes are not significantly different.

Keywords: romantic and marital relationships; love attitudes; *Eros*; *Ludus*; *Storge*; *Pragma*; *Mania*; *Agape*.

Любовь – многогранное понятие, охватывающее множество вариантов ее проявления. У влюбленных партнеров могут быть разные представления о том, что такое любовь и что означает «быть в любовных отношениях». Чаще всего любовь понимается и как чувство, и как установка. В частности, З. Рубин описывает любовь как феномен, состоящий из привязанности (т. е. желания быть рядом с партнером), заботы (т. е. склонности помогать ему) и близости (чувства единения с ним) [1].

Влюбленные партнеры могут испытывать и проявлять любовь весьма различными способами, которые называют любовными стилями. Любовные стили обуславливаются тем, как индивиды определяют любовь или как относятся к ней, каковы их любовные установки, вызывающие те или иные переживания и действия в отношении партнера, которого они любят [2; 3].

Одну из наиболее интересных теорий любви предложил Дж. А. Ли [2], который в противовес подходам, трактующим любовь как эмоцию, рассматривает любовь как установку, означающую склонность думать, чувствовать и вести себя по отношению к партнеру соответствующим образом. Ли разработал типологию любовных стилей, которые образуют замкнутый круг: к трем первичным типам любовных стилей он отнес *эрос* (романтическая, страстная любовь), *людус* (игривая любовь), *сторге* (любовь – дружба); к трем вторичным стилям – *манию* (собственническая, зависимая любовь), *прагму* (логическая, расчетливая любовь) и *агапе* (беззаветная, самоотверженная любовь). Вторичные стили являются производными от пар первичных стилей (*мания* – от комбинации *эроса* и *людуса*, *прагма* – от *сторге* и *людуса*, *агапе* – от *эроса* и *сторге*). Примечательно, что у каждого стиля есть собственные качественные свойства, независимые от всех других стилей.

Позднее Клайд и Сьюзан Хендрик разработали инструментарий, который обеспечивал действительно надежное измерение шести любовных стилей [3]. В итоге были получены шесть ортогональных факторов, которые совпадали с определениями, предложенными Дж. А. Ли.

Таким образом, в результате операционализации и факторизации были охарактеризованы шесть видов любовных установок [2; 3].

Эрос – страстная, романтическая любовь, которая отличается близостью, интенсивными эмоциями и вовлеченностью в отношения, сильным

стремлением к возлюбленному, ориентацией на физические кондиции и привлекательность партнера.

Людус – склонность к любовным играм, куртуазная любовь, которая характеризуется случайными контактами и избеганием близости и интенсивности в отношениях. Любовь как игровое взаимодействие может разыгрываться с разнообразными партнерами. Обман возлюбленного вполне приемлем в рамках допустимых ролевых пределов. Большая глубина чувств отсутствует, поскольку игривый возлюбленный опасается эмоциональной энергичности других. Игривая любовь манипулятивна по своей сути.

Сторге – дружеская любовь, которая отличается медленным, размеренным развитием, общими для партнеров установками и ценностями, крепкими товарищескими отношениями. Этот стиль предполагает склонность соединить любовь и дружбу. В дружеской любви нет никакого огня, это солидность, приземленность и, по-видимому, устойчивость. Это «эволюционный», а не «революционный» тип отношений.

Прагма – практичная любовь, которая характеризуется намеренным поиском подходящего любовного партнера и информации о его наиболее значимых качествах. Рациональный расчет с акцентом на желаемые признаки возлюбленного является главной отличительной особенностью этой установки. Фактически это любовное планирование. При прагматическом типе подбор объектов отношений происходит по заданным параметрам, поэтому его можно охарактеризовать как «брачный компьютер».

Мания – собственническая, зависимая любовь, которой присущи интенсивность и некоторая близость, но также ревность, взаимное непонимание, физические и психологические страдания. *Мания* – это любовь, основанная на неуверенности в себе и возлюбленном.

Агапе – альтруистическая, беззаветная, нетребовательная, терпеливая, центрированная на другом любовь, которая отличается высокой готовностью к самопожертвованию ради благополучия партнера.

В процессе развития и социализации каждый человек непосредственно или опосредованно усваивает различные концепции любви: некоторых он придерживается твердо, других – слабо или не склонен вообще ни к каким приверженностям в силу

определенного социокультурного контекста. Отличия в последнем определяют как гендерные различия в любовных аттитюдах, так и многочисленные индивидуальные различия. Некоторые индивиды могут устойчиво придерживаться исключительно одной системы представлений о любви в течение многих лет. Однако для большинства характерен более изменчивый профиль любовных аттитюдов, выстраивающихся в определенную иерархию: они используются вариативно в зависимости от обстоятельств или влияний среды.

Возраст стал одной из переменных, которая привлекла внимание в рамках изучения любовных стилей. Ряд исследователей указывали на возможные различия в стилях любви, обусловленные жизненным опытом и зрелостью [3–6]. Например, Клайд и Сьюзан Хендрик предположили, что может существовать модальная последовательность развития любовных стилей: *эрос* может быть предпочтительным стилем в юношеском возрасте, а *сторге* и *прагма* становятся все более и более выраженными на поздних этапах взрослости [3]. Однако впоследствии эти же авторы допустили, что, возможно, страсть (*эрос*) и дружба / товарищеские отношения (*сторге/прагма*) становятся доминирующими в любовных отношениях непоследовательно (например, в зависимости от возраста) – они, скорее, существуют одновременно и вместе играют важную роль в мотивировании также и дальнейших отношений [7]. В других исследованиях предпринимались попытки эмпирическим путем изучить взаимосвязи между возрастом и любовными стилями [8–11].

Вместе с тем основные идеи и результаты исследований, свидетельствующие о развитии и изменениях в любовных аттитюдах, не дают ясного ответа на вопрос, связаны найденные различия в разных возрастных когортах с продолжительностью отношений или эти различия обусловлены сменами ролевых репертуаров. В частности, отмечалось, что трактовка ответов станет более очевидной, если обратить внимание на то, что, например, молодое поколение переходит в полноценный взрослый возраст, когда изменяет свой жизненный ролевой

репертуар, приобретая семейный, родительский и профессиональный статусы [12].

С нашей точки зрения, различный статус любовных отношений может являться немаловажным фактором динамики любовных аттитюдов [13–16]. Так, **романтические отношения** – это диадные отношения, предполагающие взаимодействие партнеров в целях их продолжения до тех пор, пока один или другой партнер не прервет их или не будут установлены их другие формы (сожитительство, помолвка, брак); выраженную взаимную направленность партнеров друг на друга; наличие реальных непосредственных или опосредованных контактов; выраженную эмоциональную вовлеченность, определяющую специфику отношений; интимность. Таким образом, романтические отношения – это непрерывный процесс взаимодействия между двумя партнерами, которые признают определенную связь друг с другом. Романтические отношения характеризуются *добровольностью*, т. е. возникают на основании личного выбора субъектов и могут быть завершены по усмотрению одного или обоих партнеров. Еще одной важной характеристикой романтических отношений является *аттракция*, т. е. привлекательность партнера, которая нередко может приобретать форму страсти и мотивировать к сексуальной близости.

Супружеские (брачные) отношения – социально или ритуально признанные легальные отношения между супругами, которые регламентированы правами, определяющими взаимодействие между ними, а также их детьми и ближайшими родственниками. Основная отличительная особенность супружеских отношений заключается в том, что эти отношения зарегистрированы, т. е. оформлены в соответствующих органах государственной власти. В супружеских отношениях могут отсутствовать некоторые компоненты, характерные для романтических отношений.

На основе вышеизложенного было выдвинуто предположение, что партнеры по романтическим и супружеским отношениям могут иметь различную иерархию любовных аттитюдов и значительно отличаться по их силе.

Методика

Анализировались данные, полученные с помощью методики «Шкала любовных аттитюдов» (*Love Attitudes Scale*), разработанной Клайдом и Сьюзан Хендрик [3]. Методика состоит из 42 утверждений, сгруппированных в 6 шкал (*эрос*, *людус*, *сторге*, *прагма*, *мания* и *агапе*) и оценивающих 6 основных стилей любви на основе многомерной теории люб-

ви Дж. А. Ли [2]. Для дифференциации ответов использовалась пятибалльная шкала Ликерта.

В исследовании приняли участие 1040 респондентов, находящихся в романтических (368 мужчин, 395 женщин) и супружеских (140 мужчин, 137 женщин) отношениях в возрасте 17–26 лет ($M = 20,07 \pm 1,71$) и 19–40 лет ($M = 26,76 \pm 4,70$).

Результаты и их обсуждение

Иерархия аттитюдов. Анализ результатов исследования показал (см. рис. 1), что в иерархии лю-

бовных аттитюдов партнеров как по романтическим, так и супружеским отношениям доминирую-

щее положение занимают *эрос* ($M = 3,47$, $SD = 0,62$ и $M = 3,52$, $SD = 0,70$), *мания* ($M = 3,25$, $SD = 0,84$ и $M = 3,77$, $SD = 0,78$) и *агапе* ($M = 3,39$, $SD = 0,78$ и $M = 3,10$, $SD = 0,68$).

Субординационное положение занимают аттитюды *сторге* ($M = 3,10$, $SD = 0,71$ и $M = 2,88$, $SD = 0,72$), *прагма* ($M = 2,80$, $SD = 0,68$ и $M = 2,82$, $SD = 0,75$) и *людус* ($M = 2,75$, $SD = 0,70$ и $M = 2,58$, $SD = 0,69$).

Несмотря на схожесть иерархий, были выявлены различия в силе любовных аттитюдов. Так, у партнеров, находящихся в романтических отношениях, сильнее выражены *агапе* ($p < 0,0001$), *людус* ($p = 0,001$) и *сторге* ($p < 0,0001$). У партнеров, находящихся в супружеских отношениях, сильнее выражена *мания* ($p < 0,0001$). По показателям *эрос* и *прагма* статистически значимых различий не обнаружено.

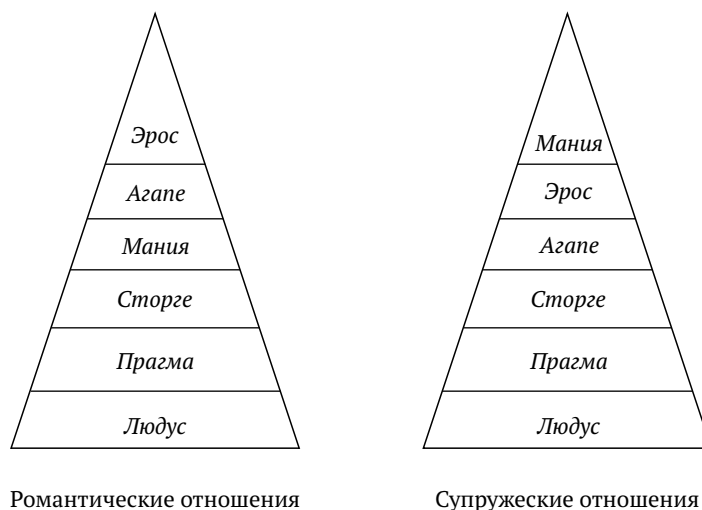

Рис. 1. Иерархия любовных аттитюдов
в романтических и супружеских отношениях

Fig. 1. Hierarchis of love attitudes
in romantic and marital relationships

Вполне возможно, что вышеприведенные различия определяются особенностями взаимоотношений в романтический и брачный периоды. Для романтических отношений характерны поисковая активность и выбор постоянного (возможно, брачного) партнера.

Вероятно, именно нацеленностью на расширенный поиск партнера можно объяснить преобладание аттитюда *Людус* в романтических отношениях. Вполне допустимо, что такая стратегия взаимодействия с партнером не предполагает большой глубины чувств и будет строиться на случайных контактах и избегании близости и интенсивности в отношениях. Наверное, в этом случае использование любовных манипулятивных игр с разнообразными партнерами будет вполне приемлемым и допустимым способом действий. Наше предположение согласуется с выводами некоторых исследований, где отмечаются преобладание у романтических партнеров *людуса* по сравнению с супругами и склонность к более либеральным сексуальным установкам [11], а также положительная взаимосвязь *людуса* с пермиссивностью, т. е. снисходительным отношением к распушенности [17].

Ориентация на установление дружеских любовных отношений (*сторге*), возможно, также имеет свои резоны. Подходит ли другой человек на роль брачного партнера и насколько сходны установки

и ценности обоих, наиболее точно можно определить только в процессе размеренно, медленно развивающихся отношений. Такая стратегия не предполагает страсти, но зато она отличается обстоятельностью, приземленностью и стабильностью.

Вышеуказанные различия могут быть отчасти объяснены с позиций теории редукции неопределенности [18; 19]: многообразные ситуации, связанные межличностной коммуникацией, могут быть сопряжены с различной степенью неопределенности относительно себя, партнера и (или) отношений. Во время начальных стадий романтических отношений степень неопределенности в целом выше, чем тогда, когда отношения основываются на взаимной преданности и долженствовании, как, например, в браке [20]. В частности, партнер, строящий взаимоотношения от свидания к свиданию, будет более вероятно иметь большую неопределенность по поводу своих собственных желаний остаться включенным в эти отношения (самонеопределенность), желаний партнера продолжать отношения (неопределенность партнера) и (или) норм отношений вообще (неопределенность отношений) [14].

Значимое преобладание *агапе* у романтических партнеров (по сравнению с супругами) свидетельствует, что их любовь в большей степени носит беззаветный и самоотверженный характер. С другой

стороны, уменьшение в показателях *agape* у партнеров по супружеским отношениям может указывать на изменение представлений о любовных отношениях с идеалистических на более реалистические. Вероятно, супружество повышает степень реализма в отношениях с другими [9].

Супружеские отношения отличаются более высокими показателями *мании*, что, возможно, мо-

жет быть доказательством того, что легальность отношений между супругами, зафиксированная актом гражданского состояния, делает их любовь более собственнической и зависимой. Именно маниакальность любви, как показывают исследования, является основным фактором риска возникновения ревности в партнерских отношениях [21].

Статусные различия

Анализ полученных данных позволил выявить (рис. 2), что у мужчин, находящихся в романтических отношениях, по сравнению с мужчинами, состоящими в супружеских отношениях, существенно выше показатели аттитюдов *agape* ($p < 0,0001$), *сторге* ($p < 0,0001$) и *людус* ($p = 0,03$). Мужчины, находящиеся в супружеских отношениях, значимо отличаются от мужчин, состоящих в романтических отношениях, более высокими показателями *эроса* ($p < 0,0001$) и *мании* ($p < 0,0001$). По показателю *прагма* статистически значимых различий не обнаружено (рис. 2).

Эти результаты могут свидетельствовать о том, что мужчины, приобретая брачный статус, возможно, становятся более реалистичными и начинают менять свое отношение к любви, рассматривать ее не как просто дружеские отношения и игру: стремление к близости, интенсивным эмоциям, вовлеченность в отношения и зависимость от партнерши возрастают. Вместе с тем усиливается чувство собственности, которое в сочетании с некоторой неуверенностью в себе и возлюбленной, а также

с перспективой продолжения супружеских отношений может стимулировать ревность, физические и психологические страдания.

После сопоставления полученных данных было установлено, что у женщин, находящихся в романтических отношениях, по сравнению с женщинами, состоящими в супружеских отношениях, существенно выше показатели аттитюдов *сторге* ($p < 0,0001$) и *эрос* ($p = 0,017$) (рис. 3). Вместе с тем женщины, находящиеся в супружеских отношениях, существенно отличаются от женщин, находящихся в романтических отношениях, более высокими показателями *мании* ($p < 0,0001$). Здесь также можно обратить внимание на тенденцию снижения показателей *agape* ($p = 0,079$) у женщин, находящихся в супружеских отношениях. По другим показателям статистически значимых различий не обнаружено.

Снижение оценок *эроса* у замужних женщин, по сравнению с противоположными результатами у женатых мужчин, можно, вероятно, объяснить тем, что женщины, вступая в брак, сталкиваются

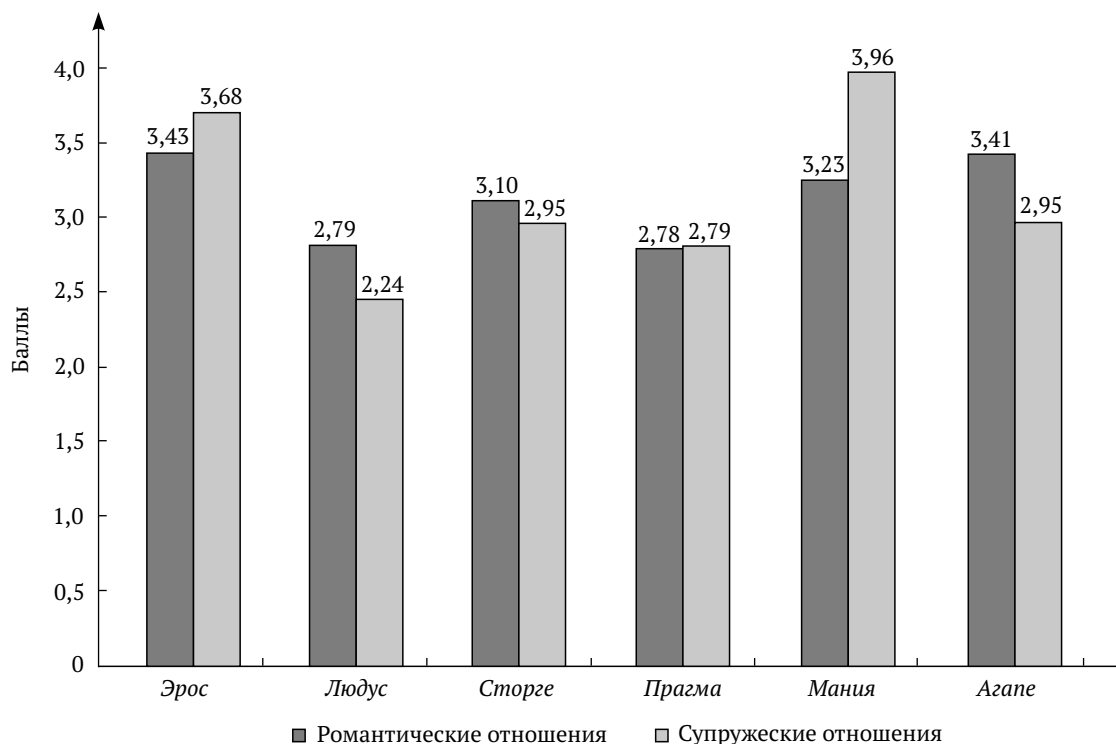

Рис. 2. Любовные аттитюды у мужчин

Fig. 2. Men's love attitudes

с проблемами организации быта, рождения ребенка и необходимостью ухода за ним. Обремененность домашним хозяйством, вероятно, снимает флер романтизма в отношениях с любовным партнером, а выполнение материнских обязанностей может компенсировать удовлетворение потребности в близости. Необходимость заботы и оказания внимания ребенку также может снижать интенсивность вовлеченности жены в отношения с мужем.

В целом полученные данные согласуются с результатами других исследований. В частности, было выявлено снижение показателей *людуса* у респондентов, находящихся в брачных отношениях (по срав-

нению с романтическими партнерами) [22]. В других работах аттитуды *людуса* и *агапе* имели обратные связи с силой брачных установок [23].

Выявлено, что результаты связи стилей любви и длительности отношений оказались противоречивыми: длительность отношений значимо отрицательно коррелировала со страстной любовью (*эрос*) у женщин и не коррелировала с любовью-дружбой (*сторге*) как у мужчин, так и женщин [24]. Также выявлено, что женщины, находящиеся в браке длительное время, отличались более низкими показателями страстной любви и любви-дружбы, чем женщины, пребывающие в браке короткое время [25].

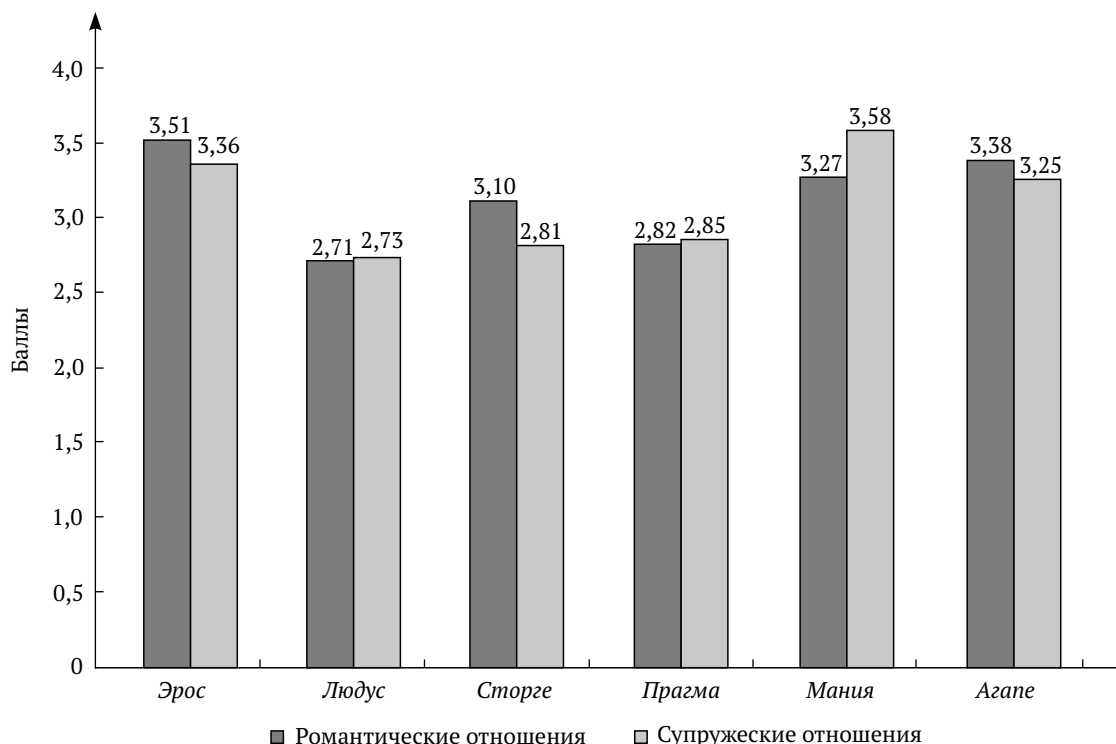

Рис. 3. Любовные аттитуды у женщин

Fig. 3. Women's love attitudes

Статус отношений также связан с оценками страстной любви. Например, партнеры, находящиеся в романтических отношениях, имели более высокие показатели и страстной, и дружеской любви [24]. Эти результаты соответствуют и другим исследованиям [26; 27], свидетельствующим о том, что страстная любовь, как и любовь-дружба, может усиливаться по мере развития партнерских отношений, а затем со временем ослабевать.

Б. Манро и Дж. Р. Адамс также обнаружили, что страстная любовь была сильнее выражена у парт-

неров, находящихся длительное время в романтических и супружеских отношениях, чем у молодоженов [28]. Исследователи предположили, что страстная любовь наиболее сильна тогда, когда существует слабая ролевая структура отношений. Ролевая структура особенно слаба в ранний период романтических отношений и позднее, уже в браке (например, когда выросшие дети уехали из дома). Ролевая структура является самой сильной в раннем браке, когда формируется домашнее хозяйство и появляются дети.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. В иерархии любовных аттитудов партнеров, состоящих как в романтических, так и в супруже-

ских отношениях, доминирующее положение занимают *эрос*, *мания* и *агапе*.

2. У партнеров, находящихся в романтических отношениях, сильнее выражены *агапе*, *людус* и *сторге*, а в супружеских отношениях – *мания*. В показате-

лях *эроса* и *прагмы* статистически значимых различий не обнаружено.

3. Мужчины, состоящие в романтических отношениях, отличаются существенно более высокими показателями аттитюдов *агапе*, *сторге* и *людус*, а состоящие в супружеских отношениях значительно отличаются более высокими показателями *эроса*

и *мании*. По показателю *прагма* статистически значимых различий не обнаружено.

4. Женщины, находящиеся в романтических отношениях, имеют существенно более высокие показатели аттитюдов *сторге* и *эрос*, а состоящие в супружеских отношениях – *мании*. Другие аттитюды значительно не различаются.

Библиографические ссылки

1. Rubin Z. Measurement of romantic love. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1970;16(2):265–273. DOI: 10.1037/h0029841.
2. Lee JA. *The colors of love: an exploration of the ways of loving*. Don Mills: New Press; 1973. 294 p.
3. Hendrick C, Hendrick SS. A theory and method of love. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;50(2):392–402. DOI: 10.37/0022-3514.50.2.392.
4. Hatfield E, Walster GW. *A new look at love*. Reading: Addison-Wesley. 1978. 224 p.
5. Richardson DR, Hammock GS, Lubben T, Mickler S. The relationship between love attitudes and conflict responses. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1989;8(4):430–441. DOI: 10.1521/scp1989.
6. Fabes RA, Martin CL. Gender and age stereotypes of emotionality. *Personality and Social Psychology and Bulletin*. 1991;17(5):532–540. DOI: 10.1177/0146167291175008.
7. Hendrick SS, Hendrick C. Lovers as friends. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1993;10(3):459–466. DOI: 10.1177/0265407593103011.
8. Acevedo BP, Aron A. Does a long-term relationship kill romantic love? *Review of General Psychology*. 2009;13(1):59–65. DOI: 10.1037/a0014226.
9. Butler R, Walker WR, Skowronski JJ, Shannon L. Age and responses to the love attitudes scale: consistency in structure, differences in scores. *International Journal of Aging & Human Development*. 1995;40:281–296. DOI: 10.2190/YAA7-3C7G-TVXT-VATB.
10. Scully D. *Love across the life span: age effects on the love attitudes scale in three age groups from 20 to 60+*. Scully. *Justice Studies. Development Psychology: Adulthood and Ageing* [Internet; cited 2017 November 12]. Available from: http://www.geocities.ws/darragh_scully/love_across_the_lifespan.html.
11. Montgomery MJ, Sorell GT. Differences in love attitudes across family life stages. *Family Relations*. 1997;46(1):55–61. DOI:10.2307/585607.
12. Glaser BG, Strauss AL. *The discovery of grounded. Theory: strategies for qualitative research*. Chicago: Aldine Transaction; 2006. 271 p.
13. Фурманов ИА. Коммуникационные реакции в романтических и супружеских отношениях на ситуацию, вызывающую ревность. *Человеческий фактор: социальный психолог*. 2016;1 (31):506–523.
14. Фурманов ИА. Стратегии совладания с ревностью в романтических и супружеских отношениях. *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Серія: Психологія*. 2017;1(6)/2(7):139–143.
15. Фурманов ИА. Возрастные различия в диспозиционных сексуальных мотивах мужчин и женщин в период ранней взрослости [Интернет]. *Медицинская психология в России*. 2017;9(4) [процитировано 3 декабря 2018 г.]. Доступно по: http://www.mprj.ru/archiv_global/2017_4_45/nomer04.php.
16. Фурманов ИА. Диспозиционные сексуальные мотивы как зеркало ценностей в гетеросексуальных межличностных отношениях. *Национальный психологический журнал*. 2017;4:75–82. DOI: 10.11621/npj.2017.0407.
17. Hendrick SS, Hendrick C. Love and sexual attitudes, self-disclosure, and sensation seeking. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1987;4(3):281–297. DOI: 10.1177/026540758700400303.
18. Berger CR, Calabrese RJ. Some explorations in initial interactions and beyond: toward a development theory of interpersonal communication. *Human Communication Research*. 1975;1(2):99–112. DOI: 10.1111/j1468-2958.1975.tb00258.x.
19. Berger CR. Uncertain outcome values in predicted relationships: uncertainty reduction theory then and now. *Human Communication Research*. 2006;13(1):34–38. DOI: 10.1111/j.1468-2958.1986.tb00093.x.
20. Knobloch LK, Solomon DH. Intimacy and the magnitude and experience of episodic relational uncertainty within romantic relationships. *Personal Relationships*. 2003;9(4):457–478. DOI: 10.1111/1475-6811.09406.
21. Raffagnino R, Puddu L. Love styles in couple relationships: a literature review. *Open Journal of Social Sciences*. 2018;6(12):307–330. DOI: 10.4236/jss.2018.612027.
22. Grote NK, Frieze IH. The measurement of friendship-based love in intimate relationships. *Personal Relationships*. 1994;1(3):275–300. DOI: 10.1111/j.1475-6811.1994.tb00066.x.
23. Mridhula A, Ananyalakshmi VR. The effect of love styles on hope and marital attitudes among young adults. *International Journal of Indian Psychology*. 2018;6(3):215–224. DOI: 10.25215/0603.020.
24. Sprecher S, Regan PC. Passionate and companionate love in courting and young married couples. *Sociological Inquiry*. 2007;68(2):163–185. DOI: 10.1111/j1475-682x.1998.tb00459.x.
25. Hatfield EC, Pillemer JT, O'Brien MU, Le Y-ChL. The endurance of love: passionate and companionate love in newlywed and long-term marriages. *International Journal of Personal Relationships*. 2008;2(1):35–64. DOI: 10.5964/jpr.r2i1.17.
26. Hatfield E, Sprecher S. Measuring passionate love in intimate relationships. *Journal of Adolescence*. 1986;9(4):383–410.
27. Tucker P, Aron A. Passionate love and marital satisfaction at key transition points in the family life cycle. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1993;12(2):135–147. DOI: 10.1521/jscp.1993.122.136.
28. Munro B, Adams GR. Love American style: a test of role structure theory on changes in attitudes toward love. *Human Relations*. 1978;31(3):215–228. DOI: 10.1177/001872677803100302.

References

1. Rubin Z. Measurement of romantic love. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1970;16(2):265–273. DOI: 10.1037/h0029841.
2. Lee JA. *The colors of love: an exploration of the ways of loving*. Don Mills: New Press; 1973. 294 p.
3. Hendrick C, Hendrick SS. A theory and method of love. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;50(2):392–402. DOI: 10.37/0022-3514.50.2.392.
4. Hatfield E, Walster GW. *A new look at love*. Reading: Addison-Wesley. 1978. 224 p.
5. Richardson DR, Hammock GS, Lubben T, Mickler S. The relationship between love attitudes and conflict responses. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1989;8(4):430–441. DOI: 10.1521/scp1989.
6. Fabes RA, Martin CL. Gender and age stereotypes of emotionality. *Personality and Social Psychology and Bulletin*. 1991;17(5):532–540. DOI: 10.1177/0146167291175008.
7. Hendrick SS, Hendrick C. Lovers as friends. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1993;10(3):459–466. DOI: 10.1177/0265407593103011.
8. Acevedo BP, Aron A. Does a long-term relationship kill romantic love? *Review of General Psychology*. 2009;13(1):59–65. DOI: 10.1037/a0014226.
9. Butler R, Walker WR, Skowronski JJ, Shannon L. Age and responses to the love attitudes scale: consistency in structure, differences in scores. *International Journal of Aging & Human Development*. 1995;40:281–296. DOI: 10.2190/YAA7-3C7G-TVXT-VATB.
10. Scully D. *Love across the life span: age effects on the love attitudes scale in three age groups from 20 to 60+*. Scully. *Justice Studies. Development Psychology: Adulthood and Ageing* [Internet; cited 2017 November 12]. Available from: http://www.geocities.ws/darragh_scully/love_across_the_lifespan.html.
11. Montgomery MJ, Sorell GT. Differences in love attitudes across family life stages. *Family Relations*. 1997;46(1):55–61. DOI: 10.2307/585607.
12. Glaser BG, Strauss AL. *The discovery of grounded. Theory: strategies for qualitative research*. Chicago: Aldine Transaction; 2006. 271 p.
13. Fourmanov IA. [Communicative reactions in romantic and marital relations to jealousy-evoking situation]. *Chelovecheskii faktor: sotsial'nyi psikholog*. 2016;1(31):506–523. Russian.
14. Fourmanov IA. Coping strategies with jealousy in romantic and marital relationships. *Visnyk Kyi'vskogo nacional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Seriya: Psihologiya*. 2017;1(6)/2(7):139–143. Russian.
15. Fourmanov IA. [Age differences in dispositional sexual motives of men and women in early adulthood] [Internet]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii*. 2017;9(4) [cited 2018 December 3]. Available from: http://www.mprj.ru/archiv_global/2017_4_45/nomer04.php. Russian.
16. Fourmanov IA. Dispositional sexual motives as the mirror of values in heterosexual interpersonal relations. *National psychological Journal*. 2017;4(28):75–82. DOI: 10.11621/npj.2017.0407. Russian.
17. Hendrick SS, Hendrick C. Love and sexual attitudes, self-disclosure, and sensation seeking. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1987;4(3):281–297. DOI: 10.1177/026540758700400303.
18. Berger CR, Calabrese RJ. Some explorations in initial interactions and beyond: toward a development theory of interpersonal communication. *Human Communication Research*. 1975;1(2):99–112. DOI: 10.1111/j.1468-2958.1975.tb00258.x.
19. Berger CR. Uncertain outcome values in predicted relationships: uncertainty reduction theory then and now. *Human Communication Research*. 2006;13(1):34–38. DOI: 10.1111/j.1468-2958.1986.tb00093.x.
20. Knobloch LK, Solomon DH. Intimacy and the magnitude and experience of episodic relational uncertainty within romantic relationships. *Personal Relationships*. 2003;9(4):457–478. DOI: 10.1111/1475-6811.09406.
21. Raffagnino R, Puddu L. Love styles in couple relationships: a literature review. *Open Journal of Social Sciences*. 2018;6(12):307–330. DOI: 10.4236/jss.2018.612027.
22. Grote NK, Frieze IH. The measurement of friendship-based love in intimate relationships. *Personal Relationships*. 1994;1(3):275–300. DOI: 10.1111/j.1475-6811.1994.tb00066.x.
23. Mridhula A, Ananyalakshmi VR. The effect of love styles on hope and marital attitudes among young adults. *International Journal of Indian Psychology*. 2018;6(3):215–224. DOI: 10.25215/0603.020.
24. Sprecher S, Regan PC. Passionate and companionate love in courting and young married couples. *Sociological Inquiry*. 2007;68(2):163–185. DOI: 10.1111/j.1475-682x.1998.tb00459.x.
25. Hatfield EC, Pillemer JT, O'Brien MU, Le Y-ChL. The endurance of love: passionate and companionate love in newlywed and long-term marriages. *International Journal of Personal Relationships*. 2008;2(1):35–64. DOI: 10.5964/jpr.211.17.
26. Hatfield E, Sprecher S. Measuring passionate love in intimate relationships. *Journal of Adolescence*. 1986;9(4):383–410.
27. Tucker P, Aron A. Passionate love and marital satisfaction at key transition points in the family life cycle. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1993;12(2):135–147. DOI: 10.1521/jscp.1993.122.136.
28. Munro B, Adams GR. Love American style: a test of role structure theory on changes in attitudes toward love. *Human Relations*. 1978;31(3):215–228. DOI: 10.1177/001872677803100302.

Статья поступила в редколлегию 11.06.2019.
Received by editorial board 11.06.2019.

УДК 316.64

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЕНДЕРНЫХ УСТАНОВОК И КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН НА НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ПОСТРОЕНИЯ КАРЬЕРЫ

Ю. С. СМЕРНОВА¹⁾, Ю. В. ЗАЙЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Поднимается проблема влияния гендерных установок на построение карьеры мужчинами и женщинами. Описываются проявления взаимосвязи гендерных установок и реализации мужчин и женщин в профессии: сексизм в профессиональной сфере, объективация, гендерные ролевые конфликты и др. Приводятся результаты эмпирического исследования взаимосвязи гендерных установок и карьерных ориентаций студентов и молодых специалистов мужского и женского пола. Показано, что ориентация мужчин и женщин на вертикальную карьеру на начальных этапах ее построения положительно взаимосвязана с сексистскими установками в отношении женщин, нормативными установками в отношении мужчин и установкой на традиционное разделение ролей на мужские и женские.

Ключевые слова: гендерная установка; карьерная ориентация; вертикальная карьера; горизонтальная карьера; сексизм; нормативная гендерная установка.

THE RELATIONSHIP OF GENDER ATTITUDES AND CAREER ORIENTATIONS OF MEN AND WOMEN AT THE INITIAL STAGES OF CAREER BUILDING

Y. S. SMIRNOVA^a, Y. V. ZAITSEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The influence of gender attitudes on the career building of men and women is analyzed in the article. The article reveals such phenomena as sexism, objectification, gender role conflicts, ect. These phenomena illustrate the relationship of gender attitudes and the professional realization of men and women. The results of the empirical study of the relationship between gender attitudes and career orientations of male and female students and young professionals are presented in the article. The vertical career orientation of men and women at the initial stages of career building is positively correlated with sexist attitudes towards women, normative attitudes towards men and the traditional differentiation of male and female roles.

Keywords: gender attitude; career orientation; vertical career; horizontal career; sexism; normative gender attitude.

Профессиональная карьера и особенности ее построения составляют одну из актуальных областей современных психологических исследова-

ний. Повышенный интерес к данной проблематике не случаен. Быстрые темпы развития общества, растущая социальная мобильность, технический

Образец цитирования:

Смирнова ЮС, Зайцева ЮВ. Взаимосвязь гендерных установок и карьерных ориентаций мужчин и женщин на начальных этапах построения карьеры. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;3:82–90.

For citation:

Smirnova YS, Zaitseva YV. The relationship of gender attitudes and career orientations of men and women at the initial stages of career building. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;3:82–90. Russian.

Авторы:

Юлия Сергеевна Смирнова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Юлия Владимировна Зайцева – аспирантка кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – Ю. С. Смирнова.

Authors:

Yuliya S. Smirnova, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

smiry@bsu.by

Yuliya V. Zaitseva, postgraduate student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

juliannazaitseva@gmail.com

прогресс и совершенствование информационных технологий – все это в совокупности влечет за собой экономические и образовательные реформы и преобразования, которые неизбежно сопряжены с постоянной динамикой профессионального рынка, ставшей неотъемлемым атрибутом современного мира: происходит трансформация структуры профессий, появляются новые специальности, снижается спрос на уже существующие, модифицируются требования к личности и квалификации работников в рамках конкретных профессий, профессионально-квалификационный состав самих трудовых ресурсов и т. д. [1]. Среди тенденций, наблюдающихся в сфере современных профессиональных отношений, следует отметить, что сотрудник и организация становятся все более автономными, а на смену традиционной карьере приходят альтернативы, в том числе поливариативные типы ее построения [2]. Складывающаяся социально-экономическая и профессиональная ситуация требует от человека зрелости, рефлексивности, умения широко и многогранно подходить к построению собственной профессиональной карьеры [3, с. 106]. Вместе с тем существует ряд факторов, сужающих видение субъектом своих карьерных перспектив. Среди многообразия таких факторов обнаруживают себя гендерные установки, содержащие негласные предписания относительно того, какой профессиональный путь больше подходит мужчине и какой – женщине. Находясь под влиянием этих стереотипов, субъект формирует свои карьерные ориентации, которые ложатся в основу построения его профессионального пути.

Влияние гендерных установок на профессиональную жизнь и построение карьеры иллюстрируют распространенные в современном обществе феномены, включая разнообразные проявления сексизма в отношении мужчин и женщин в профессиональной сфере, объективацию, ролевые конфликты, переживаемые вследствие давления традиционных гендерных ролей, феномен дистанцирования и др. Так, было обнаружено, что женщины, занимающие высокие должности, дистанцируются от других женщин и используют маскулинную самопрезентацию; они также склонны поддерживать существующую гендерную иерархию в организациях (феномен *королевы улья*). Пытаясь объяснить данный феномен, Б. Деркс и ее соавторы предположили, что дистанцирование женщин – *королев улья*, добившихся карьерного успеха в среде, в которой доминируют мужчины, от других женщин и приспособление к маскулинной культуре являются реакцией на угрозу социальной идентичности [4]. М. Б. Уоткинс и ее коллеги обратили внимание на то, что сексистские убеждения имеют положительные последствия для индивидуальной карьеры тех мужчин и женщин, которые

придерживаются подобных взглядов [5]. Как одну из форм угнетения женщин, связанную с другими формами угнетения, в том числе в сфере труда, Б. Л. Фредриксон и Т.-Э. Робертс описывают сексуальную объективацию, т. е. отношение к женщине как к объекту, используемому для удовлетворения сексуальных потребностей, что также может привести к самообъективации – интернализации объективирующего взгляда внешнего наблюдателя на собственно физическое Я [6].

Среди проявлений, иллюстрирующих взаимосвязь гендерных установок и профессионального пути мужчин и женщин, можно также указать двойную занятость женщин, включающую, помимо профессиональной деятельности, домашний труд, высокую занятость в сфере предоставления услуг и системе профессий человек – человек, низкую представленность на руководящих должностях, а также большую занятость мужчин (в сравнении с женщинами) в профессиях, выполнение которых требует в первую очередь физической силы и даже может быть сопряжено с угрозой здоровью. Такие профессиональные предпочтения мужчин и женщин (как работников, так и работодателей) могут формироваться под влиянием представлений о том, что женщины должны обеспечивать эмоциональный комфорт окружающим, менее способны к грамотному руководству, а также в меньшей степени, чем мужчины, ответственны за финансовое обеспечение своей семьи, что является прерогативой мужчин. Так, российский исследователь Н. В. Кулагина со ссылкой на других авторов отмечает, что наиболее консервативные гендерные представления наблюдаются у сотрудников систем МВД и образования, которые характеризуются как полотипичные или полонетипичные для мужчин и женщин [7].

Серьезным неблагоприятным эффектом наличия подобных предписаний может стать внутриличностный гендерный конфликт профессиональной роли, проявляющийся в комплексе негативных переживаний, нарушении психического и физического самочувствия, личностной и профессиональной дезадаптации. Такой конфликт переживают мужчины и женщины, которые заняты в полонетипичной профессии, в связи с тем, что они, как субъекты профессиональной роли, не получают при ее выполнении подтверждения своих гендерных ценностей [7]. Не отрицая конструктивного потенциала гендерных ролевых конфликтов, ученые указывают на целый ряд неблагоприятных последствий, включающих подверженность психосоматическим заболеваниям, падение эффективности работы, дезорганизованность, стресс, ослабление профессиональной мотивации и уровня общей активности, выученную беспомощность, снижение самооценки, невротизацию личности, кризисные пережива-

ния типа «несостоявшейся маскулинности», «двойной идентичности», «страха успеха», «чувства вины работающей женщины» и др. [7].

Ранее мы уже отмечали, что сфера образования в целом является областью, где заняты преимущественно женщины, чего нельзя сказать о научной деятельности. Реализация роли ученого-исследователя может быть сопряжена с сексистскими установками о том, что мужчинам, занятым в сфере науки, более доступен успех, особенно если речь идет о типично «мужских» областях научного знания [8; 9]. Женщины меньше, чем мужчины, представлены в сферах, относящихся к так называемой категории STEM (*science, technology, engineering and mathematics* – наука, технология, инженерия, математика). Такая ситуация связана с феноменом, получившим метафорическое название *протекающий трубопровод* (*leaky pipeline*) [10]. Он заключается в наличии своего рода гендерного фильтра, который препятствует продвижению представителей определенного пола по карьерному «трубопроводу» в области STEM, обуславливая их «утечку» из «потока», причем чаще всего из «потока» STEM «утекают» именно женщины. Это может быть связано с целым рядом факторов: отсутствием у них должной академической подготовки к научной карьере; безразличным отношением к науке и отсутствием у девочек в детстве позитивного научного опыта; отсутствием в ближнем круге именно женщин-ученых как примеров для подражания; особенностями учебных материалов, в которых мало внимания уделяется вкладу в науку женщин; поддержкой студентов-мужчин и холодным климатом (*chilly climate*) в отношении студентов-женщин; традиционными гендерными ролями мужчин и женщин; доминированием в науке мужской точки зрения и др. [10].

Меньшая представленность и низкий уровень достижений мужчин и женщин в полонетипичных областях деятельности могут быть также связаны с феноменом угрозы стереотипа [9]. Субъект (женщина или мужчина) может ожидать, что окружающие будут оценивать результаты его деятельности, находясь под влиянием гендерных стереотипов и предубеждений, что негативно сказывается на его способностях и даже может вызвать отказ от выполнения задания. Например, девушки хуже справляются с математическими тестами, если ожидают, что их будет оценивать преподаватель, разделяющий сексистские установки о неспособности женщин к математике. Аналогичным образом указанный феномен может проявиться в низких результатах мужчин, которые выполняют, например, коммуникативные задания, ожидая, что их будут оценивать эксперты, несправедливо считающие, что мужчины обладают более скромными умениями, чем женщины, в области построения эффективных коммуникаций. В данном контексте

следует обратить внимание на распространенные в обществе гендерные предрассудки, которые могут влиять на карьерные ориентации субъекта, побуждая его избегать тех профессиональных сфер, в которых к мужчинам и женщинам относятся пристрастно. Следует заметить, что современные формы предубеждений далеки от выражения открытой неприязни и гораздо более утонченны, доброжелательны (или амбивалентны), проявляют себя в завуалированной форме [11]. Так, необъективное отношение к женщинам может принимать позитивный, но при этом покровительственный характер с подчеркиванием их слабости, неспособности и несостоятельности без поддержки мужчин. Такого рода сексистские установки могут оправдывать гендерное неравенство или лежать в основе так называемой гендерной сегрегации в профессиональной сфере, создавая барьеры на пути самореализации в профессии, причем это справедливо как для женщин, так и для мужчин. Результаты исследований гендерных стереотипов в академической среде продемонстрировали, что часть студентов и преподавателей довольно благосклонно относятся к ущемлению в профессиональной области по признаку пола, согласны с тем, что есть работа, где женщины не могут достичь успеха (например, женщина не может быть хорошим хирургом, адвокатом, политиком), а есть так называемые женские сферы, в которых мужчинам работать «стыдно» [12]. При этом гендерные стереотипы, имеющиеся у женщин, более современны, а у мужчин – более традиционны [12].

В связи с анализом карьерных устремлений мужчин и женщин отдельного внимания заслуживает сфера управленческой активности. Женщины, выстраивая профессиональную карьеру, сталкиваются, как правило, с гораздо большими препятствиями в ее реализации, нежели мужчины. Так, широкую распространенность приобрел термин «стеклянный потолок», введенный для описания «невидимой, но реальной преграды, на которую наталкивается женщина-лидер, которая пытается достичь вершин успеха» [13, с. 286]. Традиционные гендерные установки о разделении ролей на мужские и женские отводят мужчине руководящую роль, а женщине – исполнительную. Последнюю легче сочетать с осуществлением семейных ролей, а именно такие сферы деятельности, которые не мешают уделять внимание семье, традиционно считаются женскими.

Следует также упомянуть модель *стеклянных стен*, заключающуюся в предоставлении женщинам меньшего по сравнению с мужчинами доступа в более доходные отрасли труда и ограничении продвижения по должностям вследствие выбора сфер деятельности, дающих меньшие шансы для развития карьеры [14]. Хорошую почву для такого положения готовят распространенные в нашем об-

щество гендерные стереотипы о том, что «мужчине стыдно зарабатывать меньше женщин» и «жена не должна зарабатывать больше мужа» [12]. Исследователи также описывают такие явления, как «хрустальный обрыв» (*glass cliff*), когда женщин предпочитают нанимать на высокие должности в периоды нестабильности и кризиса в компании, а в период стабильности, наоборот, мужчин [15]; «липкий пол» (*sticky floor*), означающий, что мужчины быстрее проходят начальные этапы карьеры, нежели женщины [14]; «эффект вытеснения» (*crowding effect*), при котором «женщины вытесняются с “мужских” рабочих мест, что приводит к избыточному предложению труда на “женских” рабочих местах и понижает там уровень заработных плат» [16, с. 594].

Описанные выше феномены иллюстрируют многообразие связей между гендерными установками (представлениями, стереотипами, предубеждениями) и реализацией мужчин и женщин в профессиональной сфере, включая построение карьеры. Несмотря на то что большинство исследований концентрируют внимание на гендерных фильтрах, ограничивающих профессиональные и карьерные перспективы женщин, полагаем, что проблема не менее актуальна и для мужчин, испытывающих на себе влияние распространенных в обществе и часто интернализированных гендерных установок в профессиональной сфере.

Для определения характера связи гендерных установок и карьерных ориентаций мужчин и женщин на начальных этапах построения карьеры было проведено эмпирическое исследование. Этот период особенно важен, так как именно в это время начинает формироваться выбор профессии, происходит получение соответствующего образования, адаптация. Профессиональное самоопределение задает направление самореализации человека в избранном роде занятий, специализированной деятельности и в широком понимании – жизненный путь субъекта. В таком случае осмысленное планирование своей карьеры приобретает особое значение на ранних этапах профессионализации, включая обучение в вузе и первые годы работы после его окончания.

Элементом профессиональной я-концепции личности, смысловой диспозицией, отражающей приоритетное направление профессионального становления, являются карьерные ориентации [17]. Взаимосвязь карьерных ориентаций и гендерных установок студентов и молодых специалистов мужского и женского пола составила предмет проведенного эмпирического исследования.

В опросе принимали участие студенты (этап получения профессионального образования) и молодые специалисты (этап профессиональной адаптации) в возрасте от 17 до 27 лет. Всего было опрошено 214 человек, из которых 151 – респонденты женского пола, 63 – мужского. В качестве молодых

специалистов (61 человек) выступали выпускники учреждений высшего образования со стажем работы после окончания университета не более двух лет. Среди 153 опрошенных студентов 49 имеют опыт работы.

Сбор данных осуществлялся с применением следующих методик: реадaptированный А. А. Жданович опросник «Карьерные ориентации» Э. Г. Шейна [17]; опросник структуры сексизма М. А. Шукиной и Е. С. Зизевской [18]; опросник «Нормы мужского поведения», разработанный Р. Луйтом и адаптированный И. С. Клециной и Е. В. Иоффе [19]; опросник «Гендерно-возрастной дифференциал профессионала» Е. П. Ермолаевой [20]; методика измерения самооbjectивации в адаптации О. И. Руденко [21]; анкета, составленная с использованием утверждений об общих и профессиональных гендерных стереотипах [22], а также стереотипных утверждений о семейной сфере и сфере профессиональной деятельности [23]. Статистическая обработка данных производилась с применением процедур факторного и корреляционного анализов.

Факторный анализ полученных данных позволил определить структуру гендерных установок мужчин и женщин на начальных этапах построения карьеры [24], включающую в себя следующие измерения:

- разделение ролей на женские и мужские;
- негативное отношение к способностям и профессиональным успехам женщин;
- констатация трудностей, с которыми женщины сталкиваются при построении карьеры;
- позитивное отношение к лидерским способностям и карьерным успехам женщин, особенно старшего возраста.

Были определены и показатели приверженности респондентов нормативным (консервативным) взглядам на то, как себя должен вести мужчина, сексистским установкам в отношении женщин, объективации партнера (партнерши) и самооobjectивации. Наиболее высокие показатели сексистских гендерных установок относительно женщин и нормативных гендерных установок в отношении мужчин отмечаются по выборке у студентов мужского пола. Молодые специалисты мужского пола и девушки (студентки и молодые специалисты) менее традиционны и не разделяют соответствующие установки. Интересно также, что девушкам свойственна самооobjectивация, а юношам – объективация партнерши. Юноши – молодые специалисты понимают трудности, с которыми сталкиваются женщины при построении карьеры, девушки-студентки позитивно относятся к лидерским способностям и карьерным успехам женщин.

Полученные данные позволили также зафиксировать выраженность следующих карьерных ориентаций: ориентации на вертикальную карьеру (стремление добиться высокого положения

в карьерной иерархии), горизонтальную карьеру (стремление добиться высокого профессионального мастерства), условия (приоритет условий работы при нейтральном отношении к продвижению в профессиональной сфере). Ориентация на вертикальную карьеру у студентов-юношей имеет средний уровень выраженности, у студентов и молодых специалистов женского пола, а также у молодых специалистов мужского пола этот показатель ниже среднего. Ориентация на горизонтальную карьеру выражена на среднем уровне у студентов и молодых специалистов обоих полов. Ориентация на условия находится на среднем уровне выраженности у девушек-студенток и у юношей – молодых специалистов, а также на уровне ниже среднего у студентов мужского пола и девушек – молодых специалистов.

Дальнейшая обработка эмпирических данных включала корреляционный анализ, который осуществлялся с использованием коэффициентов корреляции Спирмена и Пирсона (в зависимости от характера распределения, типа измерительной шкалы и объема выборки). Отдельно определялись значения коэффициентов корреляции для студентов и молодых специалистов мужского и женского пола. Начнем с описания корреляций с карьерными ориентациями гендерных установок в отношении женщин.

У студенток показатели вертикальной карьерной ориентации положительно коррелируют с убежденностью в ненадежности женщин в сфере межличностных отношений ($r = 0,389, p < 0,001$), неспособностью к деятельности ($r = 0,400, p < 0,001$), с отношением к женщинам как к объектам ($r = 0,449, p < 0,001$), показателем сексизма ($r = 0,417, p < 0,001$), установкой на разделение ролей на традиционно женские и мужские ($r = 0,367, p < 0,001$), склонностью к самообъективации ($r = 0,321, p = 0,001$), а также с позитивным отношением к лидерским способностям и карьерным успехам женщин ($r = 0,264, p = 0,008$). С ориентацией на горизонтальную карьеру положительно коррелирует негативное отношение к способностям и профессиональным успехам женщин ($r = 0,221, p = 0,026$). Ориентация на условия положительно коррелирует с позитивным отношением к лидерским способностям и профессиональным успехам женщин ($r = 0,412, p < 0,001$). У девушек – молодых специалистов – положительно коррелируют ориентация на вертикальную карьеру с гендерными установками о разделении ролей на женские и мужские ($r = 0,373, p = 0,013$), позитивным отношением к лидерским способностям и карьерным успехам женщин ($r = 0,359, p = 0,017$), склонностью к самообъективации ($r = 0,430, p = 0,003$); ориентация на условия – с отношением к женщинам как к неспособным к деятельности ($r = -0,300, p = 0,040$).

У студентов-юношей положительно коррелируют ориентация на вертикальную карьеру с уста-

новкой о разделении ролей на женские и мужские ($r = 0,469, p = 0,001$) и констатацией трудностей, с которыми сталкиваются женщины при построении карьеры ($r = 0,378, p = 0,011$); ориентация на горизонтальную карьеру – с позитивным отношением к лидерским способностям и карьерным успехам женщин ($r = 0,377, p = 0,012$). У молодых специалистов мужского пола ориентация на вертикальную карьеру положительно коррелирует с отношением к женщинам как к ненадежным в межличностных отношениях ($r = 0,540, p = 0,046$), как к объектам ($r = 0,602, p = 0,023$), с общим показателем сексизма ($r = 0,538, p = 0,047$), негативным отношением к способностям и профессиональным успехам женщин ($r = 0,686, p = 0,007$); отрицательно – с констатацией трудностей, с которыми сталкиваются женщины при построении карьеры ($r = -0,540, p = 0,046$).

Перейдем к описанию корреляций с карьерными ориентациями гендерных установок в отношении мужчин.

У студенток ориентация на вертикальную карьеру положительно коррелирует с убеждением о том, что мужественность основывается на физической силе и эмоциональной устойчивости ($r = 0,310, p = 0,001$), ожиданием, что мужчина должен стремиться быть компетентным во всех сферах и во всех ситуациях полагаться только на себя ($r = 0,378, p < 0,001$), стереотипом о том, что мужчина должен добиться высокого статуса ($r = 0,560, p < 0,001$), избегать в своей внешности и поведении всего, что может ассоциироваться с женщинами или гомосексуальной идентичностью ($r = 0,281, p = 0,004$), представлением о том, что мужская сексуальность должна быть инструментальной и безличной ($r = 0,366, p < 0,001$), приверженностью нормативным взглядам на то, как себя должен вести мужчина ($r = 0,490, p < 0,001$), а также объективацией партнера ($r = 0,298, p = 0,002$). У девушек – молодых специалистов – ориентация на вертикальную карьеру положительно коррелирует с убеждением о том, что мужественность основывается на физической силе и эмоциональной устойчивости ($r = 0,318, p = 0,030$), ожиданием, что мужчина должен стремиться быть компетентным во всех сферах и во всех ситуациях полагаться только на себя ($r = 0,301, p = 0,040$), избегать в своей внешности и поведении всего, что может ассоциироваться с женщинами или гомосексуальной идентичностью ($r = 0,362, p = 0,012$), приверженностью нормативным взглядам на то, как себя должен вести мужчина ($r = 0,355, p = 0,014$), а также объективацией партнера ($r = 0,431, p = 0,003$).

У студентов-юношей ориентация на вертикальную карьеру положительно коррелирует с убеждениями, что мужественность основывается на физической силе и эмоциональной устойчивости ($r = 0,355, p = 0,012$), что мужчина должен стремиться быть компетентным во всех сферах и во всех ситуа-

циях полагаться только на себя ($r = 0,361, p = 0,011$), стереотипом о том, что мужчина должен добиться высокого статуса ($r = 0,396, p = 0,005$), представлением о том, что мужская сексуальность должна быть инструментальной и безличной ($r = 0,322, p = 0,024$), приверженностью нормативным взглядам на то, как себя должен вести мужчина ($r = 0,398, p = 0,005$). У молодых специалистов мужского пола

ориентация на вертикальную карьеру положительно коррелирует с убеждением, что мужчина должен добиться высокого статуса ($r = 0,658, p = 0,011$), избегать в своей внешности и поведении всего, что может ассоциироваться с женщинами или гомосексуальной идентичностью ($r = 0,540, p = 0,046$).

В обобщенной форме результаты исследования представлены в таблице.

Взаимосвязь гендерных установок и карьерных ориентаций студентов и молодых специалистов мужского и женского пола

The relationship of gender attitudes and career orientations of male and female students and young professionals

Субъекты		Преобладающие гендерные установки и уровень выраженности карьерных ориентаций	Гендерные установки, взаимосвязанные с ориентацией на вертикальную карьеру	Гендерные установки, взаимосвязанные с ориентацией на горизонтальную карьеру	Гендерные установки, взаимосвязанные с ориентацией на условия
Студенты	Девушки	- Позитивное отношение к лидерским способностям и карьерным успехам женщин - Самообъективация - Уровни выраженности ориентаций на горизонтальную карьеру и на условия – средние, на вертикальную карьеру – ниже среднего	<i>Положительная взаимосвязь:</i> - сексистские установки в отношении женщин - нормативные установки в отношении мужчин - установка о разделении ролей на «женские» и «мужские» - позитивное отношение к лидерским способностям и карьерным успехам женщин - самообъективация и объективация партнера	<i>Положительная взаимосвязь:</i> негативное отношение к способностям и профессиональным успехам женщин	<i>Положительная взаимосвязь:</i> позитивное отношение к лидерским способностям и карьерным успехам женщин (особенно старшего возраста)
	Юноши	- Сексистские установки в отношении женщин (особенно выражены негативные установки в отношении способностей женщин) - Уровни выраженности ориентаций на вертикальную и горизонтальную карьеру – средние, на условия – ниже среднего	<i>Положительная взаимосвязь:</i> - нормативные установки в отношении мужчин - установка о разделении ролей на женские и мужские - констатация трудностей, с которыми сталкиваются женщины при построении карьеры	<i>Положительная взаимосвязь:</i> позитивное отношение к лидерским способностям и карьерным успехам женщин (особенно старшего возраста)	Статистически значимых связей не обнаружено
Молодые специалисты	Девушки	- Самообъективация - Уровни выраженности ориентации на горизонтальную карьеру – средний, на вертикальную карьеру и на условия – ниже среднего	<i>Положительная взаимосвязь:</i> - нормативные установки в отношении мужчин - установка о разделении ролей на «женские» и «мужские» - позитивное отношение к лидерским способностям и карьерным успехам женщин (особенно старшего возраста) - самообъективация и объективация партнера	Статистически значимых связей не обнаружено	<i>Отрицательная взаимосвязь:</i> установка о неспособности женщин к деятельности
	Юноши	- Констатация трудностей, с которыми сталкиваются женщины - Объективация партнерши - Негативное отношение к способностям и профессиональным успехам женщин - Уровни выраженности ориентаций на горизонтальную карьеру и на условия – средние, на вертикальную карьеру – ниже среднего	<i>Положительная взаимосвязь:</i> - сексистские установки в отношении женщин - нормативные установки в отношении мужчин <i>Отрицательная взаимосвязь:</i> - констатация трудностей, с которыми сталкиваются женщины при построении карьеры	Статистически значимых связей не обнаружено	Статистически значимых связей не обнаружено

Интересным представляется то, что ориентация студенток на горизонтальную карьеру, т. е. стремление быть хорошим профессионалом, мастером своего дела, сопряжена с негативным отношением к способностям и профессиональным успехам женщин. Возможно, студентки, стремящиеся стать профессионалами и сталкивающиеся с существующими в какой-либо профессиональной сфере установками, что женщины в ней менее успешны, чем мужчины, дистанцируются от других женщин и соглашаются с негативными установками по поводу их способностей, что позволяет им поддерживать позитивную гендерную идентичность.

Наиболее взаимосвязана с гендерными установками на начальных этапах построения карьеры (этапах профессиональной подготовки и профессиональной адаптации) ориентация на вертикальную карьеру. Высокий уровень ее выраженности, как правило, сопряжен с сексистскими установками в отношении женщин, нормативными установками относительно мужчин, ориентацией на разделение ролей на традиционно мужские и женские, а также склонностью к самообъективации и объективации партнера (у женщин). Студенты и молодые специалисты, разделяющие традиционные гендерные установки, таким образом, склонны выбирать вертикальную карьеру. Возможно также, что выбор вертикальной карьеры меняет гендерные установки в отношении мужчин и женщин в направлении повышения степени их традиционности. Интересно, что эта тенденция проявляется себя и у мужчин, и у женщин, высвечивая при этом некоторое противоречие. Ориентация на вертикальную карьеру стереотипно рассматривается как свойственная в большей степени мужчинам. В этом случае женщины, разделяющие традиционные гендерные установки, не должны стремиться к вертикальному продвижению по карьерной лестнице. Вместе с тем результаты указывают на обратную тенденцию. Вероятно, это связано с феноменом дистанцирования женщин, который проявляется не только в тех случаях, когда они достигают высокого положения в организации, но и на ранних этапах построения карьеры, когда осуществляется выбор в пользу вертикальной карьерной ориентации. Он позволяет поддерживать позитивную социальную идентичность: девушки получают возможность оценивать себя и других женщин, ориентированных на карьерный успех, выше, чем остальных членов ин- группы, которые исполняют традиционно женские роли, предписывающие им быть исполнителями и отводящие руководящую функцию мужчинам. Это может быть выражением «стратегии рекатегоризации в подгруппу», при которой субъект выделяет в низкостатусной группе подгруппу, члены которой, по его мнению, лучше остальных [25, с. 75].

В данном случае в низкостатусной группе женщин девушки выделяют подгруппу стремящихся к успеху и карьерным высотам, с которой себя идентифицируют и представителей которой оценивают выше остальных женщин и, возможно, даже мужчин.

Среди многообразия стратегий поддержания социальной идентичности, подробно описанных О. А. Гулевич [25, с. 70–81], в данном контексте представляют интерес также стратегии индивидуальной мобильности и индивидуализации. В первом случае носитель негативной социальной идентичности пытается покинуть группу и перейти в новую, позитивно оцениваемую [25, с. 70]. Так, девушки могут ориентироваться на вертикальную карьеру, использовать маскулинную самопрезентацию, чтобы быть похожими на успешных мужчин. Стратегия индивидуализации заключается в актуализации личностной идентичности, при которой человек перестает рассматривать себя как часть группы [25, с. 76]. Происходит своего рода растождествление субъектом себя с ин- группой, при котором он может негативно характеризовать ее членов, считая себя непохожим на них. В этом случае девушки могут признавать подчиненное положение женщин в целом, однако считать, что это относится не к ним, актуализируя таким образом личностную идентичность. Ориентация на вертикальную карьеру у девушек, разделяющих нормативные гендерные установки о мужчинах, может также объясняться тем, что они распространяют эти установки на всех людей: и на мужчин, и на женщин, включая себя. Они считают, что люди должны быть сильными, компетентными, стремиться к успеху, полагаться только на себя, и сами стремятся быть таковыми. При этом следует признать, что выраженность ориентации на вертикальную карьеру у девушек все же ниже, чем у юношей.

Студенты-девушки более современны в своих установках относительно мужчин и женщин, а юноши, напротив, более традиционны, что согласуется с результатами других исследований [12]. Вместе с тем уже в первые годы после окончания университета разрыв в гендерных установках юношей и девушек становится намного меньше. В частности, в этот карьерный период у мужчин сексистские установки относительно женщин, свойственные студентам мужского пола, чаще всего себя не проявляют, за исключением склонности к объективации партнерши и негативного отношения к способностям и карьерным успехам женщин.

Итак, гендерные установки могут выступать в роли своего рода гендерного фильтра, ограничивающего выбор варианта построения карьеры мужчинами и женщинами. Чем более традиционны эти установки, тем в большей степени проявляет себя ориентация на вертикальную карьеру, выражаю-

щаяся в стремлении добиться высокого положения в профессиональной иерархии. Для мужчин такая взаимосвязь – отражение гендерного соответствия карьеры стереотипно «мужскому» варианту ее по-

строения, для женщин – свидетельство дистанцирования от других женщин, поддерживающего позитивную гендерную идентичность при принятии сексистских установок в отношении ингруппы.

Библиографические ссылки

1. Фофанова ГА, Смирнова ЮС. О направлениях профориентационной работы со школьниками и студентами в высшей школе. В: Попов ЛМ, Шведов НМ, редакторы. *Психологическое сопровождение образования: теория и практика. Сборник статей по материалам VII Международной научно-практической конференции; 28–30 декабря 2016 г.; Йошкар-Ола, Россия*. Йошкар-Ола: Межрегиональный социальный институт; 2017. с. 377–384.
2. Литвинова ЕЮ. Поливариативная карьера: перспективы изучения. *Современная зарубежная психология*. 2013;2(2): 118–129.
3. Хаймовская НА, Бочарова АЛ. Социально-психологические аспекты профессионального самоопределения в современном обществе. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2016;8(1):105–113. DOI: 10.17759/psyedu.2016080110.
4. Derks B, Van Laar C, Ellemers N. The queen bee phenomenon: why women leaders distance themselves from junior women. *The Leadership Quarterly*. 2016;27:456–469. DOI: 10.1016/j.leaqua.2015.12.007.
5. Watkins MB, Kaplan S, Brief AP, Shull A, Dietz J, Mansfield M-T. Does it pay to be a sexist? The relationship between modern sexism and career outcomes. *Journal of Vocational Behavior*. 2006;69(3):524–537. DOI: 10.1016/j.jvb.2006.07.004.
6. Fredrickson BL, Roberts T-A. Objectification theory: toward understanding women's lived experiences and mental health risks. *Psychology of Women Quarterly*. 1997;21(2):173–206. DOI: 10.1111/j.1471-6402.1997.tb00108.x.
7. Кулагина НВ. Внутрилиичностный гендерный конфликт профессиональной роли у работающих мужчин и женщин: состояние проблемы и некоторые пути ее решения. *Психолог*. 2013;2:138–228. DOI: 10.7256/2306-0425.2013.2.276.
8. Зайцева ЮВ. Сексизм в отношении женщин, строящих карьеру в науке. В: Казакова ИВ, редактор. *Женщины-ученые Беларуси и Казахстана. Сборник материалов Международной научно-практической конференции; 1–2 марта 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: РИВШ; 2018. с. 45–47.
9. Смирнова ЮС, Фофанова ГА. Ролевые конфликты женщин-преподавателей. В: Казакова ИВ, редактор. *Роль женщины в развитии современной науки и образования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции; 17–18 мая 2016 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2016. с. 515–519.
10. Blickenstaff JC. Women and science careers: leaky pipeline or gender filter? *Gender and Education*. 2005;17(4): 369–386. DOI: 10.1080/09540250500145072.
11. Смирнова ЮС. Современные формы предубеждений. *Философия и социальные науки*. 2008;4:72–75.
12. Бурова СН. *Гендерные стереотипы в университетской среде* Минска. Минск: Юнипак; 2015. 28 с.
13. Ракицкая АВ. Влияние гендерных стереотипов и сексизма на профессиональную самореализацию женщины в сфере управления. В: Ракицкая АВ, Митрофанова ОГ, редакторы. *Актуальные проблемы психологии развития личности*. Гродно: ГрГУ имени Я. Купалы; 2017. с. 286–291.
14. Рощин СЮ, Солнцев СА. Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике. Москва: ГУ ВШЭ; 2006. 52 с.
15. Ryan MK, Haslam SA. The glass cliff: exploring the dynamics surrounding the appointment of women to precarious leadership positions. *The Academy of Management Review*. 2007;32(2):549–572. DOI: 10.2307/20159315.
16. Ощепков АЮ. Гендерные различия в оплате труда в России. *Экономический журнал ВШЭ*. 2006;10(4):590–619.
17. Жданович АА. Реадаптация опросника «Карьерные ориентации» и его стандартизация на студенческой выборке. *Психологический журнал*. 2007;4:4–22.
18. Шукина МА, Зизевская ЕС. Разработка методики психологической диагностики структуры сексизма. В: Журавлев АЛ, редактор. *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. Материалы научной конференции, посвященной 45-летию Института психологии РАН и 90-летию его создателя Б. Ф. Ломова; 16–17 ноября 2017 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт психологии РАН; 2017. с. 888–896.
19. Клецина ИС, Иоффе ЕВ. Результаты первичного этапа адаптации российского аналога опросника «Мужские нормативные установки». *Психологические исследования*. 2013;6(32):6.
20. Ермолаева ЕП. *Оценка реализации профессионала в системе «человек – профессия – общество»*. Москва: Институт психологии РАН; 2011. 176 с.
21. Руденко ОИ. Взаимосвязь самооbjectивации и характеристик психического здоровья у молодых женщин [Интернет]. Репозиторий СПбГУ [процитировано 14 января 2018 г.]. Доступно по: <http://hdl.handle.net/11701/7578>.
22. Навольская ДВ. Особенности влияния гендерных стереотипов на выбор военной профессии. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2009;105:176–179.
23. Тищенко ЮГ. *Гендерные стереотипы современной студенческой молодежи: социологический анализ* [диссертация]. Ставрополь: Южно-Российский политехнический университет имени М. И. Платова; 2014. 187 с.
24. Зайцева ЮВ. Структура гендерных установок женщин и мужчин на начальных этапах построения карьеры. *Молодой ученый*. 2018;35:76–82.
25. Гулевич ОА. *Психология межгрупповых отношений*. Москва: Московский психолого-социальный институт; 2008. 432 с.

References

1. Fofanova GA, Smirnova YS. About directions of career guidance with schoolchildren and students in higher school. In: Popov LM, Shvedov NM, editors. *Psichologicheskoe soprovozhdenie obrazovaniya: teoriya i praktika. Sbornik statey po materialam VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoyj konferencii; 28–30 dekabrya 2016 g.; Yoshkar-Ola, Rossiya* [Psychological support of education: theory and practice: materials of VII International scientific-practical conference; 2016 December 28–30; Yoshkar-Ola, Russia]. Yoshkar-Ola: Interregional Opened Social Institute; 2017. p. 377–384. Russian.

2. Litvinova EYu. Protean career: perspectives of study. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*. 2013;2(2):118–129. Russian.
3. Haymovskaya NA, Bocharova AL. Socio-psychological aspects of professional identity in the modern society. *Psychological Science Educational psyedu.ru*. 2016;8(1):105–113. DOI: 10.17759/psyedu.2016080110. Russian.
4. Derks B, Van Laar C, Ellemers N. The queen bee phenomenon: why women leaders distance themselves from junior women. *The Leadership Quarterly*. 2016;27:456–469. DOI: 10.1016/j.leaqua.2015.12.007.
5. Watkins MB, Kaplan S, Brief AP, Shull A, Dietz J, Mansfield M-T. Does it pay to be a sexist? The relationship between modern sexism and career outcomes. *Journal of Vocational Behavior*. 2006;69(3):524–537. DOI: 10.1016/j.jvb.2006.07.004.
6. Fredrickson BL, Roberts T-A. Objectification theory: toward understanding women's lived experiences and mental health risks. *Psychology of Women Quarterly*. 1997;21(2):173–206. DOI: 10.1111/j.1471-6402.1997.tb00108.x.
7. Kulagina NV. Intrapersonal gender conflict in occupational roles of men and women: the state of the problem and some ways to solve it. *Psychologist*. 2013;2:138–228. DOI: 10.7256/2306-0425.2013.2.276. Russian.
8. Zaitseva YV. Sexism toward women in science. In: Kazakova IV, editor. *Zhenshchiny-uchenye Belarusi i Kazakhstana: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 1–2 marta 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Women scientists of Belarus and Kazakhstan. Materials of International scientific-practical conference; 2018 March 1–2; Minsk, Belarus]. Minsk: National Institute of Higher Education; 2018. p. 45–47. Russian.
9. Smirnova YS, Fofanova GA. [Role conflicts of female teachers]. In: Kazakova IV, editor. *Rol' zhenshchiny v razvitií sovremennoi nauki i obrazovaniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 17–18 maya 2016 g.; Minsk, Belarus'* [The role of women in the development of modern science and education: materials of International scientific-practical conference; 2016 May 17–18; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2016. p. 515–519. Russian.
10. Blickenstaff JC. Women and science careers: leaky pipeline or gender filter? *Gender and Education*. 2005;17(4):369–386. DOI: 10.1080/09540250500145072.
11. Smirnova YS. Modern forms of prejudices. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2008;4:72–75. Russian.
12. Burova SN. *Gendernye stereotipy v universitetskoj srede Minska* [Gender stereotypes in university environment of Minsk]. Minsk: Unipack; 2015. 28 p. Russian.
13. Rakitskaya AV. [The influence of gender stereotypes and sexism on professional self-realization of women in management]. In: Rakitskaya AV, Mitrofanova OG, editors. *Aktual'nye problemy psikhologii razvitiya lichnosti* [Actual problems of the psychology of personal development]. Grodno: Janka Kupala State University of Grodno; 2017. p. 286–291. Russian.
14. Roshchin SY, Solntsev SA. *Kto preodolevaet «steklyannyy potolok»: vertikal'naya gendernaya segregatsiya v rossiiskoi ekonomike* [Who overcomes «glass ceiling»: vertical gender segregation in Russian economy]. Moscow: State University – Higher School of Economics; 2006. 52 p. Russian.
15. Ryan MK, Haslam SA. The glass cliff: exploring the dynamics surrounding the appointment of women to precarious leadership positions. *The Academy of Management Review*. 2007;32(2):549–572. DOI: 10.2307/20159315.
16. Oshchepkov AY. [Gender wage gap in Russia]. *Higher School of Economics Economic Journal*. 2006;10(4):590–619. Russian.
17. Zhdanovich AA. [Readaptation «Career Orientation Inventory» questionnaire and its standardization on the students sample]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2007;4:4–22. Russian.
18. Schukina MA, Zizevskaya ES. The method of psychological diagnosis of the Sexism structure. In: Zhuravlev AL, editor. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoi psikhologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya: materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 45-letiyu Instituta psikhologii RAN i 90-letiyu ego sozdatelya B. F. Lomova; 16–17 noyabrya 2017 g.; Moskva, Rossiya* [Fundamental and applied research of modern psychology: results and development prospects: materials of scientific conference; 2017 November 16–17; Moscow, Russia]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences; 2017. p. 888–896. Russian.
19. Kletsina IS, Ioffe EV. Russian version of the Male Attitude Norms Inventory: the results of primary approbation. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2013;6(32):6. Russian.
20. Ermolaeva EP. *Otsenka realizatsii professionala v sisteme «chelovek – professiya – obshchestvo»* [Evaluation of professional realization in the system «person – profession – society»]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences; 2011. 176 p. Russian.
21. Rudenko OI. Correlates of self-objectification and characteristics of mental health among young women [Internet]. 2017 [cited 2018 January 14]. Available from: <http://hdl.handle.net/11701/7578>. Russian.
22. Navol'skaya DV. Features of the gender stereotypes' influence on the choice of the military profession. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*. 2009;105:176–179. Russian.
23. Tishchenko YG. *Gendernye stereotipy sovremennoi studencheskoi molodezhi: sotsiologicheskii analiz* [Gender stereotypes of modern students: a sociological analysis] [dissertation]. Stavropol': Platov South-Russian State Polytechnic University; 2014. 187 p. Russian.
24. Zaitseva YV. [The structure of gender attitudes of women and men at the initial stages of career building]. *Molodoi uchenyi*. 2018;35:76–82. Russian.
25. Gulevich OA. *Psikhologiya mezhgruppovykh otnoshenii* [Psychology of intergroup relations]. Moscow: Moscow Psycho-Social Institute; 2008. 432 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 21.12.2018.
Received by editorial board 21.12.2018.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОТРУДНИКОВ СОЦИОНОМИЧЕСКИХ ПРОФЕССИЙ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ

Г. А. ФОФАНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление видения организационной культуры сотрудниками социэкономических профессий, имеющими различный уровень удовлетворенности трудом. При совпадении актуального и предпочитаемого типов организационной культуры у работников наблюдается более высокий уровень удовлетворенности трудом. Представители социэкономических профессий в большинстве оценивают актуальный тип культуры как бюрократический и при этом стремятся к клановому типу организационной культуры. Наблюдается большой разрыв между актуальным и предпочитаемым типами организационной культуры. Однако чем дальше респонденты от собственно помогающих профессий (т. е. несоциэкономических специальностей, пограничных профессий), тем более они удовлетворены своим трудом и тем больше стремятся к рыночной или административной организационной культуре, хотя клановая организационная культура по всей выборке в целом обозначается как наиболее предпочтительная. Рассматриваются возможности практического применения результатов проведенного анализа и перспективы дальнейших исследований по данной проблеме.

Ключевые слова: удовлетворенность трудом; социэкономические профессии; организационная культура.

ORGANIZATIONAL CULTURE FROM THE POINT OF VIEW OF EMPLOYEES OF SOCIOECONOMIC PROFESSIONS WITH DIFFERENT LEVELS OF JOB SATISFACTION

G. A. FOFANOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The results of the empirical research aimed at identifying organizational culture from the point of view of employees of socioeconomic professions with different levels of job satisfaction are presented in the article. Once the real and preferred type of organizational culture coincidence, the employee is claimed to have a high level of job satisfaction. Representatives of socioeconomic professions, in general, consider the indicated actual type of culture bureaucratic and at the same time strive for a clan type of organizational culture. There is a large gap between the current and preferred type of organizational culture. However, the further respondents are from actually helping professions (meaning non-socioeconomic specialties, borderline professions), the more satisfied they are with their work. Although the clan organizational culture for the entire sample as a whole is designated as the most preferred. The possibilities of practical application of the results and prospects for more advanced studies are considered.

Keywords: job satisfaction; socioeconomic professions; organizational culture.

Образец цитирования:

Фофанова ГА. Организационная культура с точки зрения сотрудников социэкономических профессий с различным уровнем удовлетворенности трудом. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;3:91–96.

For citation:

Fofanova GA. Organizational culture from the point of view of employees of socioeconomic professions with different levels of job satisfaction. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:91–96. Russian.

Автор:

Галина Александровна Фофанова – кандидат психологических наук; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Galina A. Fofanova, PhD (psychology); associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
gfofanova@gmail.com

Человек – сложная система, и потому вопрос управления человеческими ресурсами будет актуален всегда. Человеческий потенциал можно использовать максимально или весьма поверхностно в зависимости от того, нравится ли работнику то, чем он занимается, удовлетворяют ли его условия труда, отношения с коллегами и руководством и подходит ли ему та микросистема (организационная культура), в которой он осуществляет свою трудовую деятельность. Сложность работы, ее соответствие желаниям, ожиданиям и интересам сотрудника могут дать ему стимул к дальнейшему развитию, однако эти же факторы могут привести его к эмоциональному и профессиональному выгоранию. Изучение взаимосвязи указанных феноменов и их особенностей в разных типах организаций может дать более полную картину менеджерам по персоналу для более грамотного управления человеческими ресурсами, что, в свою очередь, поможет сохранить трудовую мотивацию сотрудников на длительное время и благотворно повлияет на эффективность самой организации в целом.

Исследования по данной проблеме часто имеют практический характер, проводятся преимущественно на конкретных предприятиях, что ограничивает генерализацию выводов. Белорусская выборка еще недостаточно изучена, публикации по этой теме немногочисленны. Анализ удовлетворенности сотрудников социэкономических профессий своим трудом в основном направлен на определение особенностей профессиональных деформаций и феномена выгорания.

Цель нашей работы – получить более целостную картину заявленных психологических параметров на выборке, состоящей из сотрудников социэкономических профессий различных организаций Беларуси.

Социэкономические профессии – это профессии, предполагающие постоянную работу с людьми и постоянное общение в ходе профессиональной деятельности [1]. В качестве критериев, позволяющих отнести профессию к группе социэкономических, выступают цели деятельности (управление, оценивание, контроль, воспитание, обслуживание), средства деятельности (вербальные, невербальные формы воздействия, опосредованные и непосредственные контакты), условия труда (технично-экономические, режимно-гигиенические, социально-психологические), функции, выполняемые работником. Социэкономические профессии отличаются отсутствием жестких единых требований к продукту труда, самому процессу деятельности. Одновременно к представителям данных профессий предъявляются повышенные требования, поскольку объект их труда – другие люди, в связи с чем возникают и соответствующие функции [2].

Таким образом, специфика социального объекта и предмета деятельности, а также различия в осуществляемых сотрудником функциях позво-

ляют говорить о том, что класс социэкономических профессий неоднороден и включает в себя разные типы профессий, в рамках которых к работнику предъявляются различные психологические требования.

Организационная культура – это автономный пласт культуры, сложившаяся система общих ценностей, представлений, убеждений, отношений, символов, норм, которые проявляются в формальных или неформальных правилах, ориентирующих членов организации на определенные образцы поведения [3]. Организационная культура – весьма сложное и многофункциональное образование, в котором приоритетность и значимость отдельных функций может меняться в зависимости от ее типа, целей, этапа развития.

Можно выделить следующие *функции организационной культуры*: 1) *ценностно-образующая* предназначена для формирования личностных, межличностных и общеорганизационных ценностей, обеспечивающих целостность организации и реализацию ее задач; 2) *нормативно-регулирующая* призвана задавать нормы, наиболее целесообразные с точки зрения достижения поставленных целей, а также регулировать поведение членов коллектива; 3) *познавательная* должна обеспечивать усвоение организационной культуры недавно нанятыми сотрудниками на этапе их адаптации к деятельности в новом коллективе; 4) *коммуникационная* должна формировать способы наиболее эффективного взаимодействия между членами коллектива через осознанные и принятые ценности, нормы поведения, этику; 5) *мотивирующая* предназначена для побуждения сотрудников к действиям, направленным на достижение поставленных целей; 6) *стабилизационная* заключается в обеспечении стабильности в организации, согласованности действий членов коллектива, их сплоченности; 7) *идентифицирующая* позволяет провести границу между *мы* и *они*, способствует лояльности и приверженности, преданности организации [4]. О. В. Шагиева выделяет также такой функциональный аспект, как *удовлетворенность персонала организации своим трудом* [5].

К. Камерон и Р. Куинн [3] выделяют четыре типа организационной культуры. В основу предлагаемой учеными типологии положены четыре группы критериев, которые определяют стержневые ценности организации: гибкость и дискретность, стабильность и контроль, внутренний фокус и интеграция, внешний фокус и дифференциация.

Клановая организационная культура обычно характеризует место работы: организации (подразделения) похожи на большие семьи, сотрудники сплочены благодаря преданности коллективу и традиции, менеджмент в такой организации поощряет групповую работу, сотрудничество. Организация делает акцент на долгосрочной выгоде от

совершенствования личности, придает значение высокой степени сплоченности коллектива и благоприятному моральному климату в нем. Успех при таком типе организационной культуры связан с доброжелательным отношением к людям.

Адхократическую организационную культуру можно охарактеризовать как пространство динамического предпринимательства и творчества. Сущность организации определяется экспериментированием и креативностью. Здесь ради общего успеха работники готовы жертвовать своим временем. Лидеры считаются новаторами, готовыми рисковать. Подчеркивается необходимость деятельности на переднем рубеже. В долгосрочной перспективе организация делает акцент на росте и поиске новых ресурсов. Успех приходит благодаря производству (предоставлению) уникальных и новых продуктов и (или) услуг. При таком типе организационной культуры важно быть лидером на рынке. Организация поощряет личную инициативу, творчество и свободу.

Бюрократическую организационную культуру отличает формализованное и структурированное место работы. Здесь работа управляется процедурами. Лидеры гордятся тем, что они рационально мыслящие координаторы и организаторы, ценится поддержание главного направления деятельности организации, которую консолидируют формальные правила и официальная политика. Управление работниками предполагает в первую очередь обеспечение их занятости, долгосрочную предсказуемость стратегических целей организации и тактических действий управленцев.

Рыночная организационная культура доминирует в организациях, которые ориентированы на результаты. Главная их цель – решение поставленных задач. Люди целеустремленны и соперничают между собой. Лидеры – твердые руководители и суровые конкуренты, они непоколебимы и требовательны. Сотрудников объединяет стремление побеждать, репутация и успех составляют предмет общей заботы. Стиль организации – жестко проводимая линия на конкурентоспособность.

Тип организационной культуры, сложившийся в представлениях сотрудников конкретной организации, не может полностью совпадать с каким-либо из идеальных конструктов, выделенных К. Камероном и Р. Куинном. Он состоит из различных элементов, но целостный образ такой культуры может быть похож в большей степени на одну из них или на смешение каких-либо определенных ее типов. Организационная культура – это поток, в который попадают все новые сотрудники и под который им приходится подстраиваться, потому так принципиально важно подбирать новичков с близкими ценностными приоритетами, чтобы им не пришлось либо пытаться подстроить свою личность под ор-

ганизацию, либо чувствовать неудовлетворенность от неоправдавшихся ожиданий.

Наиболее значимые элементы организационной культуры – это ценности, миссия, цели компании, кодексы и нормы поведения, традиции и ритуалы [6]. Все они по-разному интерпретируются в сознании каждого сотрудника организации, окрашены его субъективным восприятием реальности. Потому организационная культура, которая изучается путем опроса ее представителей, есть совокупность образов данной культуры в сознании каждого из них. Таким образом, в исследовании мы будем употреблять термин «организационная культура», имея в виду именно субъективную оценку организационной культуры сотрудниками, ее образ в их сознании. Итак, *организационная культура* – это представление сотрудников о сложившейся системе общих ценностей, идей, убеждений, отношений, символов, норм, которые проявляются в формальных или неформальных правилах, ориентирующих членов организации на определенные образцы поведения.

Учитывая мотивационный потенциал организационной культуры, цель нашего эмпирического исследования, проведенного совместно с А. Мамедовой, – охарактеризовать видение понимания организационной культуры сотрудниками социально-экономических профессий, имеющими различный уровень удовлетворенности трудом. В опросе приняли участие 271 респондент в возрасте от 18 до 70 лет. В исследовательскую выборку вошли медицинские и школьные работники, специалисты по работе с клиентами, руководители отделов, секретари, парикмахеры, менеджеры и другие специалисты, чей род занятий предполагает постоянное общение с людьми в процессе профессиональной деятельности.

Для определения организационной культуры был использован опросник К. Камерона и Р. Куинна «Диагностика организационной культуры». Помимо выявления актуального, с точки зрения сотрудников, типа организационной культуры, опросник позволяет раскрыть образ предпочитаемой (желаемой) организационной культуры.

Для фиксации уровня удовлетворенности трудом был использован опросник «Удовлетворенность трудом» К. Замфира (о результатах измерений удовлетворенности сотрудников социально-экономических профессий своим трудом мы писали ранее [7]). Полученные данные были обработаны с помощью программы *SPSS Statistics v. 13*.

Анализ показал, что в целом большинство сотрудников социально-экономических профессий оценивает текущую организационную культуру как бюрократическую, а предпочтительной для них является клановая ($p = 0,00$). При сопоставлении организационной культуры и удовлетворенности трудом

обнаружено, что клановый тип организационной культуры в целом более предпочтителен для всех участников опроса (исключение составляют респонденты со средним уровнем удовлетворенности трудом, которые в равной степени предпочитают как клановый, так и адхократический типы организационной культуры), а наименее – бюрократический. Чем ниже удовлетворенность трудом, тем больше сотрудники склонны оценивать текущую организационную культуру как бюрократическую. Клановый тип имеет наибольшие значения и выступает доминирующим типом организационной культуры у сотрудников с высокой удовлетворенностью трудом. Это свидетельствует о том, что доминирующая организационная культура вызывает негативное отношение опрошенных, что связано, вероятно, с сильной централизацией власти и формализацией требований. Однако в компаниях с актуальным клановым типом организационной культуры (предпочитаемым респондентами всех уровней удовлетворенности трудом) удовлетворенность трудом высокая, что говорит о согласованности желания и реальности.

Экономика постсоветских стран постепенно перенимает рыночные отношения, что не могло не сказаться и на организационной культуре. Однако сотрудники социэкономических профессий предпочитают все же клановый тип. Рыночный тип является внешненаправленным с высокой стабильностью, клановый же – внутренненаправленным с гибкостью культуры. Вероятно, представители социэкономических профессий по роду деятельности ориентированы не на удовлетворение собственной выгоды, которую пропагандирует рыночная культура, а, скорее, на взаимопомощь, что и отражается на стремлении к «семейному» типу организационной культуры. Подобные данные были получены и на российской выборке, состоящей из работников образовательных учреждений, желающих изменить существующий бюрократический тип культуры на клановый [8].

Для проверки наличия взаимосвязи между типом организационной культуры и удовлетворенностью трудом мы использовали r -критерий Спирмена. В результате анализа выявлено, что с ростом выраженности признаков актуальной клановой организационной культуры растет и удовлетворенность трудом сотрудников ($r = 0,67$; $p = 0,00$). Отрицательная взаимосвязь обнаружена между удовлетворенностью трудом и актуальным бюрократическим типом организационной культуры ($r = -0,46$; $p = 0,00$).

Стоит также отметить, что группа социэкономических профессий неоднородна, поэтому мы провели дополнительный анализ, разделив ее на помогающие (врачи, учителя, медсестры) и пограничные (менеджеры по персоналу, управленцы, юристы, экономисты, работающие с людьми) профессии.

Представители помогающих профессий оценивают культуру своих организаций преимущественно как бюрократическую и предпочитают ей клановую. Представители пограничных профессий, наоборот, воспринимают актуальную культуру как смесь адхократической, рыночной и клановой, но желали бы трудиться в рыночном типе культуры. Это говорит о большой разнице в условиях труда и стремлениях сотрудников, работающих с людьми, но в разных сферах деятельности.

В. В. Барабанщикова отмечает, что чем более выражен бюрократический тип культуры, тем ниже индекс потенциальной мотивации сотрудника [9]. Результаты нашего исследования говорят о том, что этот тип культуры выражен преимущественно у групп с низкой удовлетворенностью трудом. Актуальный клановый тип организационной культуры связывается названным автором с высоким индексом потенциальной мотивации, а в нашем исследовании – с высокой удовлетворенностью трудом. Следовательно, можно сделать вывод о связи удовлетворенности трудом и индекса потенциальной мотивации сотрудников.

Выборка была разделена нами по признаку специальности (социэкономическая и несоциэкономическая), которую получили сотрудники, обучаясь в учреждениях высшего образования. В результате анализа была зафиксирована та же тенденция: сотрудники социэкономических специальностей оценивают актуальную организационную культуру как бюрократическую при стремлении к клановой, сотрудники несоциэкономических специальностей определяют актуальную организационную культуру как рыночную, предпочитают ее же, демонстрируя большую удовлетворенность трудом. А. Б. Купрейченко также находила подобную закономерность: чем более выражен тот или иной тип организационной культуры, тем более он предпочтителен. Исследователь делает следующий вывод: «Одним из механизмов, объясняющих подобную взаимосвязь, может быть проекция предпочтений сотрудников на их оценку реальной организационной культуры. Работники часто “видят” в реальной культуре тот ее тип, который является предпочитаемым для них, и, кроме того, в собственном поведении и взаимодействии они поддерживаются, а следовательно, и формируют образ культуры» [10, с. 9]. Это также может говорить о высокой лояльности таких сотрудников. Сфера интересов изначально приближает их мотивационно к рыночным отношениям, что, возможно, объясняется стремлением к рыночной организационной культуре работников несоциэкономических специальностей (например, экономистов, которые работают с клиентами). Действительно, это результат и нашего исследования: чем более актуальный тип организационной культуры совпадает с предпочитаемым, тем выше удовлетворенность сотруд-

ников своим трудом. Организационная культура в большей степени позволяет работникам удовлетворять их потребности, если те совпадают с интересами самой организации. Так, если у служащих, принадлежащих к социономическим профессиям, в большей степени выражены коммуникативные потребности, то клановая организационная культура создает для их развития благоприятные условия, в то время как рыночная культура в большей мере нацелена на результат и выгоду, чем на процесс деятельности. Значит, чтобы воспринимать свой труд с удовлетворением в рыночной культуре, нужно иметь другие мотивы и потребности, поэтому хотя работники пограничных профессий и ориентированы на клиентов, они все же имеют мотивационный профиль, отличный от сотрудников сугубо социономических должностей. Это заключение требует более детального анализа и может стать основой для дальнейших исследований по рассматриваемой теме.

Нами были проанализированы также различия в представлениях об организационной культуре, разделяемых сотрудниками частных и государственных компаний. Подобные различия выявлены во взглядах представителей пограничных и социономических профессий, а также социономических и несоциономических специальностей. Так, для частных компаний (где доминирует высокий уровень удовлетворенности трудом) актуален тип рыночной организационной культуры, а предпочтительным является смешанный тип адхократического и рыночного толка, для государственных организаций актуален бюрократический тип организационной культуры, но сотрудники предпочитают клановый. Видение реального образа организационной культуры как рыночной и предпочтение рыночного и адхократического ее типов могут быть связаны с комфортностью нахождения в конкурентной среде, нацеленностью на результат. Очевидно также и желание большей свободы и творчества в деятельности, так как формализация процедур этому не способствует [11].

Сотрудники социономических профессий заняты в различных типах организаций: государственных промышленных предприятиях, небольших непроизводственных частных фирмах, учреждениях образования, банках, больницах. Тип организации наиболее любопытен при рассмотрении организационной культуры. Так, сотрудники образовательных учреждений ориентированы на существенное ослабление бюрократизма и усиление проявлений кланового и адхократического типов организационной культуры. Значительные расхождения в представлениях учителей об актуальной и предпочтительной организационной культуре, присущей учреждениям среднего образования, могут свидетельствовать о неудовлетворенности местом

работы, указывать на необходимость изменений в управленческой политике организации. Можно также отметить, что в частных фирмах соотношение значений по типам актуальных и предпочитаемых типов культур практически одинаково, т. е. желаемый совпадает с реальным. Удовлетворенность трудом в таких учреждениях наивысшая, что говорит о сильной взаимосвязи между организационной культурой и удовлетворенностью трудом. В медицинских учреждениях (больницах) преобладает бюрократический тип культуры, а служащие стремятся к адхократическому типу, что также говорит о желании освободиться от бюрократически формализованных процедур и обрести большую свободу в действиях. Однако при низкой удовлетворенности трудом адхократическая культура доминирует, что свидетельствует о противоречии. Судя по весьма низкой удовлетворенности трудом этих сотрудников, можно сказать, что такая свобода – важный фактор повышения удовлетворенности условиями трудовой деятельности.

В частных фирмах и банках мы отмечали высокий уровень удовлетворенности трудом, в образовательных учреждениях и больницах он был почти в два раза ниже. Возможно, именно несоответствие между желаемой организационной культурой и актуальной является одним из факторов низкой удовлетворенности трудом. Это может быть связано с невозможностью удовлетворить те потребности, которые, с одной стороны, значимы для человека, но в то же время идут вразрез с культурой организации. У сотрудников промышленных предприятий не зафиксирована яркая выраженность какого-то одного типа культуры: они стремятся скорее к рыночной и адхократической культурам, что говорит об ориентации на большую свободу, результат и конкуренцию.

Таким образом, сотрудники, у которых актуальный тип организационной культуры совпадает с предпочитаемым, имеют более высокую удовлетворенность трудом. При этом представители социономических профессий в большинстве оценивают актуальную организационную культуру как бюрократическую, а сами стремятся к клановому типу организационной культуры. При этом наблюдается большой разрыв между актуальным и предпочитаемым типами организационной культуры. Однако чем дальше респонденты от собственно помогающих профессий, тем больше они удовлетворены своим трудом и стремятся к рыночной или адхократической организационной культурам, хотя по всей выборке в целом как наиболее предпочтительная обозначается клановая организационная культура. Полученные результаты позволяют выделить следующие направления их практического применения: совершенствование кадровых технологий и системы мотивации труда с учетом

факторов организационной культуры и удовлетворенности трудом, повышение удовлетворенности трудом с помощью целенаправленных изменений организационной культуры. Удовлетворенность трудом может формировать положительный образ организационной культуры в целом. Сотрудники социологических и пограничных специальностей отличаются по предпочитаемой организационной

культуре, что говорит о различиях в их мотивационной сфере, хотя обе группы работают с людьми. Изучение системы мотиваций может быть основой для дальнейших исследований. Результаты нашей работы будут полезны менеджерам по персоналу и руководителям организаций для разработки программ по адаптации и поддержке сотрудников организаций социологического профиля.

Библиографические ссылки

1. Доценко ОН. *Эмоциональная направленность представителей социологических профессий с различным видом выгорания* [диссертация]. Москва: Институт психологии РАН; 2008. 315 с.
2. Ильясов ФН. *Удовлетворенность трудом (анализ структуры, измерение, связь с производственным поведением)*. Андреев ВГ, редактор. Ашхабад: Ылым; 1988. 78 с.
3. Cameron KS, Quinn RE. *Diagnosing and changing organizational culture: based on the competing values framework*. San Francisco: Jossey-Bass; 2005. 242 p.
4. Неретина ЕА. Организационная культура национального исследовательского университета: особенности, функции, способы формирования. *Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Общественные науки*. 2012;28:441–444.
5. Шагиева ОВ. Функциональный анализ организационной культуры муниципальной службы (по материалам социологического исследования). *Вестник Белгородского университета потребительской кооперации*. 2006;2(16):258–261.
6. Шейн Э. *Организационная культура и лидерство*. Спивак ВА, редактор. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 352 с.
7. Фофанова ГА, Мамедова АС. Удовлетворенность трудом сотрудников социологических профессий. *София: электронный научно-просветительский журнал* [Интернет]. 2018 [процитировано 10 января 2019 г.];2:13–19. Доступно по: <http://elibr.bsu.by/bitstream/12345678/1/sophia-2018-no-2.pdf>.
8. Погодина АВ. Феномен эмоционального выгорания и организационная культура образовательных учреждений. *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2009;4(67):170–175.
9. Барабанщикова ВВ. Взаимосвязь типа организационной культуры и уровня трудовой мотивации персонала. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2014;4:61–68.
10. Купрейченко АБ, Молодых ЕН. Оценки организационной культуры у сотрудников с различным отношением к соблюдению нравственных норм делового поведения. *Организационная психология*. 2011;1:24–38.
11. Влах НИ. Эмоциональное выгорание у представителей «помогающих» профессий. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2015;8(1):96–103.

References

1. Dotsenko ON. *Emotsional'naya napravlennost' predstavitelei sotsionomicheskikh professii s razlichnym vidom vygoraniya* [Emotional orientation of socionomic professions with various types of burnout] [dissertation]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Science; 2008. 315 p. Russian.
2. Il'yasov FN. *Udovletvorennost' trudom (analiz struktury, izmerenie, svjaz' s proizvodstvennym povedeniem)* [Job satisfaction (structure analysis, measurement, communication with production behavior)]. Andreenkov VG, editor. Ashhabad: Ylym; 1988. 78 p. Russian.
3. Cameron KS, Quinn RE. *Diagnosing and changing organizational culture: based on the competing values framework*. San Francisco: Jossey-Bass; 2005. 242 p.
4. Neretina EA. Organizational culture of national research university: features, functions, ways of formation. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo. Public sciences*. 2012;28:441–444. Russian.
5. Shagieva OV. Functional analysis of the organizational culture of the municipal service units (social study materials)]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebitel'skoi kooperatsii*. 2006;2(16):258–261. Russian.
6. Shein E. *Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership]. Spivak VA, editor. Saint Petersburg: Piter; 2002. 352 p. Russian.
7. Fofanova GA, Mamedova AS. Job satisfaction of employees of socionomic professions. *Sofiya: elektronnyi nauchno-prosvetitel'skii zhurnal*. 2018;2:13–19. Russian.
8. Pogodina AV. [The phenomenon of emotional burnout and organizational culture of educational institutions]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2009;4:170–175. Russian.
9. Barabanshchikova VV. [The relationship between organizational culture and employees' job motivation]. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2014;4:61–68. Russian.
10. Kupreychenko AB, Molodyh EN. [Employee estimations of organizational culture type and differences in attitudes to conduct ethical behavior in business]. *Organizatsionnaya psikhologiya*. 2011;1:24–38. Russian.
11. Vлах NI. [Emotional burnout among representatives of assist professions]. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology*. 2015;8(1):96–103. Russian.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

УДК 159.9

ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ЗАКОНОВ ФЕХНЕРА И СТИВЕНСА

В. М. РОМАНЧАК¹⁾

¹⁾Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, 220013, г. Минск, Беларусь

На основании метода субъективного измерения доказывается эквивалентность законов Фехнера и Стивенса. Рассматривается классический вариант метода субъективного измерения, где аксиоматически определена последовательность объектов, величина которых изменяется равномерно. Порядковый номер элемента в такой последовательности называется рейтингом. Определяются два основных способа сравнения значений величины – абсолютный и относительный. С помощью рейтинга находятся значения величины с точностью до способа сравнения. Показано, что различие между названными законами является следствием разных способов сравнения, поэтому при переходе от значений величины к рейтингу оба закона совпадают.

Ключевые слова: экспертные оценки; рейтинг; закон Фехнера; закон Стивенса; функция полезности; принятие решений.

ON THE EQUIVALENCE OF FECHNER'S AND STEVENS' LAWS

V. M. ROMANCHAK^a

^aBelarusian National Technical University, 65 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220013, Belarus

On the basis of the method of subjective measurement, the equivalence of Fechner's and Stevens' laws is proved. We consider the classical version of the method of subjective measurement, which axiomatically determined the sequence of objects, the value of which varies uniformly. The number of an element in this sequence is called a rating. It is believed that as a result of a subjective measurement, only a rating can be found. There are two main ways to compare values – absolute and relative. By defining a rating, you can find values using a comparison method. It is shown that the difference between the both laws is a consequence of different methods of comparison, therefore, when replacing the value with the rating, these laws, coincide.

Keywords: expert assessments; rating; Fechner's law; Stevens' law; utility function; decision making.

Образец цитирования:

Романчак ВМ. Об эквивалентности законов Фехнера и Стивенса. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;3:97–102.

For citation:

Romanchak VM. On the equivalence of Fechner's and Stevens' laws. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019;3:97–102. Russian.

Автор:

Василий Михайлович Романчак – кандидат физико-математических наук, доцент; доцент кафедры инженерной математики инженерно-физического факультета.

Author:

Vasily M. Romanchak, PhD (physics and mathematics), docent; associate professor at the department of engineering mathematics, faculty of engineering and physics. romanchak@bntu.by

Введение

В настоящее время в психологии активно применяются математические методы. В основе их применения лежит измерение. Однако психофизическое измерение методами Г. Фехнера и С. Стивенса [1] приводит к двум различным законам и значениям субъективной величины. Это означает, что, измерив одну и ту же величину разными методами, мы получим различные значения. Следовательно, с позиции классической теории измерения [2] один из основных психофизических законов или оба закона являются ненадежным способом получения измерительной информации. Эту проблему назовем основной проблемой психофизического измерения. Поскольку многочисленные попытки решить ее путем анализа экспериментальных данных не привели к выработке единого мнения [3], то в настоящем исследовании предлагаем провести валидизацию психофизических законов Фехнера и Стивенса, что позволит более обоснованно применять законы психофизики в задачах психометрии.

Прежде чем приступить к изложению теории метода субъективного измерения, уточним ограничения на постановку задачи:

- многие психофизики предлагали свои варианты психофизических законов, однако последние не претендуют на универсальность, поэтому в нашей работе они не рассматриваются;

- в методе субъективного измерения не используется понятие порога ощущений;

- в психофизической теории обнаружения сигнала оцениваются условные вероятности обнаружения правильного или ложного ощущения сигнала. В работе рассматривается случай, когда ощущения сигналов существенно отличаются по степени проявления (условная вероятность обнаружения такого сигнала равна единице или нулю) и когда теория обнаружения сигнала неприменима;

- различие между законами Фехнера и Стивенса Ю. М. Забродин называет парадоксальным противоречием и предлагает свой вариант обобщенного психофизического закона. Считаем, что противоречия на самом деле нет, поэтому варианты обобщенных психофизических законов нами не рассматриваются.

Предлагается метод измерения, который можно применять к субъективному измерению любых величин, не только психофизических.

Законы Стивенса и Фехнера

Основная задача, которую ставили перед собой психофизики, заключалась в определении того, как соотносятся значения физической величины, полученные объективными и субъективными методами измерения.

Пусть для объектов $A_1, A_2, \dots, A_n$ получены объективные значения величины $u_i = u(A_i)$ и субъективные значения величины $q_i = q(A_i)$, $i = 1, 2, \dots, n$. Психофизическая функция $q_i = f(u_i)$, $i = 1, 2, \dots, n$, устанавливает связь между значениями двух типов. С одной стороны, это объективные значения физической величины, с другой – субъективные. Всякое измерение сводится к сравнению величины объектов на основании опыта. Сравнение представляет собой метод сопоставления объектов с целью выявить сходство или различие между ними.

В метрологии выделяют два способа парных сравнений значений величины: сравнивают разности значений и отношения значений [2]. Для построения психофизической функции в качестве единицы измерения ощущений Г. Фехнер рассматривал ЕЗР – величину ощущения «едва заметного различия» [1], которое можно оценить в ходе опыта. Каждому объекту соответствует свое количество ЕЗР. Таким образом, если нам нужно определить субъективное расстояние между значениями субъективных величин q_i и q_j , которые вызваны объектами A_i и A_j , то мы измеряем раз-

ность в количестве ЕЗР между первым и вторым уровнями. На основании эмпирических наблюдений Г. Фехнер сформулировал в 1860 г. «основной психофизический закон» [1], по которому значение субъективно измеренной величины q пропорционально логарифму значения физической величины u :

$$q = v \ln(u/u_0), u > u_0,$$

где u_0 – граничное значение интенсивности субъективной величины (если $u < u_0$, величина совсем не ощущается); v – постоянная, $v > 0$.

Запись закона в форме не учитывает, что при выводе закона сравнивались разности значений количества ЕЗР двух субъективных величин. Закон Фехнера для объектов $A_1, A_2, \dots, A_n$ с учетом способа сравнения можно записать как

$$q_i - q_j = v \ln(u_i/u_j), \quad (1)$$

где $i = 1, 2, \dots, n$; $j = 1, 2, \dots, n$; v – постоянная, $v > 0$; u_i – объективные значения величины, $u_i = u(A_i)$; q_i – субъективные значения величины, $q_i = q(A_i)$.

В отличие от Г. Фехнера С. Стивенс считал, что можно просить эксперта прямо оценить значение величины ощущения. Известны две модификации метода С. Стивенса: деление и умножение [1]. В методе деления один объект задается, другой подбирается таким образом, чтобы отношение значений

субъективных величин объектов было равно заданному числу, например $1/2$. Метод умножения отличается от метода деления тем, что эксперт должен подбирать к заданному объекту такой объект, значение которого превышает заданный объект в определенное число раз (например, в два раза). В итоге С. Стивенс получил в 1957 г. степенной, а не логарифмический характер зависимости между значениями субъективно и объективно измеренной величины [1]:

$$q = k(u/u_0)^\alpha, k > 0, \alpha > 0, \quad (2)$$

где q – субъективное значение величины; u – объективное значение величины; k, α – постоянные; u_0 – величина абсолютного порога ощущения; $u \geq u_0 > 0$. Запись закона в форме (2) не учитывает, что при выводе закона С. Стивенс просил сравнить отно-

шение значений величины, поэтому запишем этот закон с учетом способа сравнения в виде

$$\ln(q_i/q_j) = v \ln(u_i/u_j), v > 0, \quad (3)$$

где $i = 1, 2, \dots, n; j = 1, 2, \dots, n; v$ – постоянная; u_i – объективные значения, $u_i = u(A_i)$; q_i – субъективные значения величины, $q_i = q(A_i)$; $A_1, A_2, \dots, A_n$ – объекты измерения; $q_i, q_j \in R^+(R^+ - \text{множество положительных чисел})$.

Замечание. С помощью закона Фехнера в форме (1) удобно сравнивать абсолютные значения субъективной величины, а с помощью закона Стивенса (2) – относительные значения.

Поскольку попытки выразить психофизический закон привели к двум вариантам основного психофизического закона, сформулируем основную проблему психофизического измерения.

Формулировка проблемы

Психофизик С. Стивенс предложил определение неаддитивного измерения и ввел в рассмотрение различные типы шкал измерений. С одной стороны, его подход оказался полезным не только в психофизике, но и в экономике и теории принятия решений для измерения полезности и субъективных предпочтений. Кроме того, идеи С. Стивенса можно легко проинтерпретировать в терминах бинарных отношений и получить математическую модель неаддитивного измерения. Подчеркнем, что идеи С. Стивенса лежат в основании теории репрезентативных измерений. С другой стороны, методика экспериментов, на которых базируются законы Фехнера и Стивенса, не находит понимания среди современных специалистов по теории измерений. Существует мнение, что «природа не делила человека способностью сравнивать между собой разные свойства или их проявления в чис-

ловом формате» [4]. Считают, что предположение С. Стивенса о возможности прямого субъективного оценивания не является обоснованным: «Мы не можем сказать, *на сколько* или *во сколько* раз одно проявление нефизической величины больше или меньше другого» [4]. Кроме того, поскольку значения субъективной величины в законах Фехнера и Стивенса не совпадают, то затруднена интерпретация результатов эксперимента и возникают сомнения в достоверности метода экспертных оценок в целом.

Чтобы объяснить, почему законы Фехнера и Стивенса не совпадают, нам понадобится метод субъективного измерения [5; 6]. Ограничимся частным случаем метода, который по аналогии с теорией вероятности назван классическим. Вначале аксиоматически введем объекты, величина которых изменяется равномерно.

Шкала измерения

Большинство объективных измерений использует единицу измерения и свойство аддитивности физических величин. В тех случаях, когда проводятся субъективные измерения, единица измерения, как правило, отсутствует и измеряемая величина не является аддитивной.

Чтобы пояснить особенность метода субъективного измерения, обратимся к теории вероятностей. В определении классической вероятности понятие симметрии исходов аксиоматично и принимается на основании мнения эксперта. Например, при подбрасывании кубика эксперт может интуитивно считать, что грани кубика достаточно симметричны и будут выпадать с одинаковой вероятностью. Классическое определение вероятности сводит вычисление вероятности к суммированию *равных* по вероятности событий. Таким образом, существенно используется аддитивность как свойство вероятно-

сти. Для того чтобы иметь возможность измерить неаддитивную величину, введем аксиоматически понятие объектов, величина которых *изменяется равномерно*. Приведем примеры таких объектов.

1. Астроном Гиппарх, наблюдая за звездами, разделил их по яркости на шесть величин, где первая величина – самый яркий объект, а шестая – наиболее тусклый [7]. Он распределил промежуточные величины равномерно между оставшимися звездами. С точки зрения наблюдателя, яркость звезд изменяется равномерно.

2. ЕЗР Фехнера [1]. Например, эксперт может сравнивать вес двух объектов. Вес второго объекта увеличивается до тех пор, пока эксперт не говорит, что «он стал больше». Едва заметные различия Г. Фехнер считал равными потому, что эксперт просто отмечает, когда наступает ЕЗР, и субъективно для него все различия одинаковы. Таким образом,

последовательно строятся объекты, которые упорядочены по возрастанию веса и чья величина изменяется равномерно.

З. Л. Терстоун использовал шкалу «равнокажущихся» интервалов для измерения исследуемых субъективных величин [1]. Отличительной особенностью шкалы Терстоуна является то, что интервалы между показателями соседних высказываний субъективно примерно равны. Такое свойство

шкалы достигается за счет метода ее построения. Исследуемая субъективная величина изменяется равномерно вместе с номером интервала.

Приведенные примеры объектов можно использовать в качестве шкалы для измерения величины. Предположим, что можно указать последовательность объектов, величина которых *изменяется равномерно*. Порядковый номер объекта в такой последовательности будем называть рейтингом.

Классическое определение рейтинга

Считаем, что субъективное измерение величины объектов $A_1, A_2, \dots, A_n$ возможно только в шкале порядка. Поэтому субъективное измерение сведем к определению функции $r_i = r(A_i)$, которую будем называть рейтингом (r_i – значение рейтинга, действительное число). Дать классическое определение рейтинга очень просто.

Определение. Пусть величина объектов $A_1, A_2, \dots, A_n$ изменяется равномерно, тогда номер объекта равен значению рейтинга, $r_i = i$.

Рейтинг можно найти в результате субъективного измерения величины. Рассмотрим пример.

Пример. Пусть выбраны объекты $A_1, A_2, \dots, A_6$ так, что величина объектов (площадь) изменяется, с точки зрения эксперта, равномерно (см. таблицу). Тогда $r(A_i) = i, i = 1, 2, \dots, 6$. В определении рейтинга участвуют объекты, величина которых изменяется равномерно, и, чтобы использовать эту дополнительную информацию, необходимо определить понятие значения величины.

Круги, площадь которых изменяется равномерно

Circles whole square is changing equally

r_i	1	2	3	4	5	6
A_i						

Значение величины. Определим, каким образом числовое значение можно обоснованно приписать объекту в случае классического определения рейтинга. Пусть для последовательности объектов $A_1, A_2, \dots, A_n$ величина Q изменяется равномерно и принимает числовые значения $q_i, q_i = q(A_i)$. В таком случае естественно считать, что значения величины меняются равномерно: $q_{i+1} - q_i = \lambda, i = 1, 2, \dots, n-1$; λ – неизвестная постоянная, $\lambda > 0$. Однако это не единственный способ сравнить значения величины. В теории измерений [2] используют два основных способа сравнения – разность и отношение значений. И это не случайно.

Рассмотрим тождество

$$\ln(a/b) = \ln(a) - \ln(b), a, b \in R^+,$$

которое является следствием того, что группа положительных чисел R^+ по умножению изоморфна группе действительных чисел R по сложению, поэтому деление происходит аналогично вычитанию. Другими словами, мы можем заменить деление чисел a и b на вычитание чисел u и v с помощью замены переменных $u = \ln(a), v = \ln(b)$. Если в теории групп изоморфные группы можно не различать, то в методе субъективного измере-

ния различить изоморфные группы невозможно. Поэтому будем считать, что если величина объектов изменяется равномерно, то разность или отношение последовательных значений постоянны. Для определенности можно предположить, что объекты расположены в порядке возрастания величины. Это означает, что для первого способа сравнения

$$q_{i+1} - q_i = \lambda, q_i, q_{i+1} \in R,$$

для второго способа сравнения

$$\ln(q_i/q_j) = \lambda, q_i, q_{i+1} \in R^+,$$

где $i = 1, 2, \dots, n-1$; λ – неизвестная постоянная, $\lambda > 0$; R – множество всех действительных чисел; R^+ – множество всех положительных чисел.

Следовательно, для первого способа сравнения выполняется

$$q_i - q_j = \lambda(r_i - r_j), q_i, q_j \in R; \quad (4)$$

для второго способа сравнения выполняется

$$\ln(q_i/q_j) = \lambda(r_i - r_j), q_i, q_j \in R^+, \quad (5)$$

где λ – неизвестная постоянная, $\lambda > 0$; $r_i = i$; $r_j = j$; $i = 1, 2, \dots, n$; $j = 1, 2, \dots, n$.

Функция $r_i = r(A_i)$ – рейтинг; r_i – значение рейтинга r . В случае классического определения рейтинга $r_i = i$. Можно сформулировать обратную задачу, найти значения величины Q , если на основании эксперимента известен рейтинг и не определен способ сравнения – (4) или (5).

Определение. Пусть величина объектов $A_1, A_2, \dots, A_n$ изменяется равномерно. Тогда выполняется равенство (4) или (5), где $r_i = i$; $r_j = j$; λ – неизвестная

постоянная, $\lambda > 0$; $i = 1, 2, \dots, n$; $j = 1, 2, \dots, n$; $q_i = q(A_i)$ – значения величины Q .

Другими словами, если известен рейтинг величины и неизвестен способ сравнения, то значения величины определены с точностью до изоморфизма.

Замечание. Последовательность значений q_i , $i = 1, 2, \dots, n$, в первом случае (4) является арифметической, а во втором случае (5) – геометрической.

Метод субъективного измерения

Сформулируем алгоритм метода субъективного измерения, который не связан с тем или иным психофизическим законом:

- 1) определяют рейтинг объектов;
- 2) априори выбирают способ сравнения значений величины;
- 3) на основании рейтинга и способа сравнения находят значения величины объектов.

В соответствии с алгоритмом значения величины, полученные на основании первого и второго способов сравнения, не совпадают. Этот результат соответствует логике метода субъективного измерения.

Проиллюстрируем метод субъективного измерения примером.

Пример. Требуется субъективно оценить, в какой мере площадь третьего круга больше первого (см. таблицу).

Эксперта просят ответить на вопрос: «Насколько второй круг больше первого по площади?» Эксперт отвечает: «На условную единицу». (Здесь может быть названо любое другое число.) Аналогично сравним третий круг со вторым. Поскольку величина кругов изменяется равномерно, эксперт отве-

тит, что третий круг на условную единицу больше второго; будет выполняться $q_2 - q_1 = 1$, $q_3 - q_2 = 1$. Следовательно, $q_3 - q_1 = 2$. Это означает, что площадь третьего круга на 2 единицы больше площади первого.

Допустим теперь, что исследователь спрашивает эксперта: «Во сколько раз второй круг больше первого?» И эксперт отвечает: «В два раза». (Здесь эксперт может назвать любое другое число.) Это означает, что для выбранного исследователем способа сравнения выполняется $q_2/q_1 = 2$. Если исследователь попросит сравнить второй и третий объекты, то окажется, что $q_3/q_2 = 2$, поскольку величина объектов A_1, A_2, A_3 изменяется равномерно. В итоге получим $q_3/q_1 = 2^2$. Следовательно, площадь третьего круга на 2 порядка больше площади первого. При этом рейтинг объекта не зависит от вопроса, который задавал исследователь. Таким образом, в результате измерения находят рейтинг величины и на его основании определяют значения величины (в полном соответствии с методом субъективного измерения). Аналогично для любого круга получим результат: на сколько единиц больше или на сколько порядков больше.

Эквивалентность законов Стивенса и Фехнера

Используя закон Фехнера (1) и способ сравнения (4), получим равенство $\lambda(r_i - r_j) = v \ln(u_i/u_j)$, $\lambda > 0$, где $i = 1, 2, \dots, n$; $j = 1, 2, \dots, n$; v – постоянная; λ – неизвестная постоянная, которое эквивалентно равенству

$$\lambda(r_i - r_j) = \ln(u_i/u_j), \lambda > 0, \quad (6)$$

где u_i – объективные значения величины, $u_i = u(A_i)$; r_i – значения рейтинга, $r_i = r(A_i)$; $i = 1, 2, \dots, n$; $j = 1, 2, \dots, n$; λ – неизвестная постоянная, которая может быть найдена экспериментальным путем. Если использовать закон Стивенса (3) и способ сравнения (5), получим точно такую же формулу (6). Пусть эксперт правильно оценил рейтинг, тогда будет выполняться соотношение (6). Если дополнительно выбрать способ сравнения (4) или (5), можно найти субъективные значения величины, которые соответствуют обоим законам.

В итоге мы получили, что законы Стивенса и Фехнера – это эквиваленты одному и тому же закону (6). Совпадение законов в форме (6) подтверждает

взаимную валидность названных законов. Для иллюстрации возможности применения метода субъективного измерения в задачах психометрии рассмотрим пример.

Пример. Респондент должен решить три тестовых задания, которые имеют различный уровень сложности. Пусть эксперт присвоил заданиям баллы по десятибалльной шкале (в зависимости от уровня сложности задания). Более сложному заданию соответствует большее число баллов. Пусть, с точки зрения эксперта, первое задание получило три балла ($b_1 = 3$); второе задание – пять баллов ($b_2 = 5$); третье задание – девять баллов ($b_3 = 9$). Требуется сравнить между собой вероятности решения респондентом тестовых заданий.

Будем считать, что разность рейтингов вероятности и разность баллов имеют противоположный знак: $b_i - b_j = -(r_j - r_i)$, где $i, j = 1, 2, 3$ (чем сложнее задание, тем меньше вероятность его решить). Тогда для рейтинга можно выбрать значения $r_1 = 7$, $r_2 = 3$, $r_3 = 1$. Предположительно существует связь между

объективной вероятностью и рейтингом, аналогичная законам Фехнера и Стивенса в форме (6):

$$\ln \left(\frac{p_i}{p_j} \right) = \lambda (r_i - r_j),$$

где p_i, p_j – объективные значения вероятности; $i, j = 1, 2, 3$; λ – постоянная, $\lambda > 0$. Постоянная может

быть определена по результатам статистических испытаний.

Замечание. В данном случае для иллюстрации метода субъективного измерения мы ограничились упрощенной методикой нахождения рейтинга. Более подробно метод нахождения рейтинга на основании ответов респондента рассматривался в [5; 6].

Заключение

В статье предложено решение основной проблемы психофизического измерения путем обоснования взаимной валидности законов Фехнера и Стивенса.

Тем самым подтверждена возможность применения психофизических законов в задачах психометрии для количественного анализа тестовых данных.

Библиографические ссылки

1. Гусев АН, Уточкин ИС. *Психологические измерения. Теория. Методы*. Москва: Аспект Пресс; 2011. 317 с.
2. Шишкин ИФ. *Теоретическая метрология. Часть 1. Общая теория измерений*. 4-е издание. Санкт-Петербург: Питер; 2010. 192 с.
3. Staddon JE. Theory of behavioral power functions. *Psychological review*. 1978;85(4):305–320. DOI: 10.1037/0033-295X.85.4.305.
4. Шишкин ИФ. Измерения нефизических величин (измерения в ноосфере). *Экономика качества* [Интернет; процитировано 16 января 2018 г.]. 2016;2(14). Доступно по: www.eq-journal.ru/pdf/14/Шишкин%20Ф._правка.pdf.
5. Романчук ВМ. Измерение нефизической величины. *Системный анализ и прикладная информатика*. 2017;4:39–44.
6. Романчук ВМ. Субъективное оценивание вероятности. *Информатика*. 2018;15(2):74–82.
7. Берри А. Краткая история астрономии. Займовский СГ, переводчик; Куницкий РВ, редактор. Москва: Гостехиздат; 1946. 363 с.

References

1. Gusev AN, Utochkin IS. *Psikhologicheskie izmereniya. Teoriya. Metody* [Psychological measurements. Theory. Methods]. Moscow: Aspekt Press; 2011. 317 p. Russian.
2. Shishkin IF. *Teoreticheskaya metrologiya. Chast' 1. Obshchaya teoriya izmerenii* [Theoretical metrology. Part 1. General theory of measurements]. 4th edition. Saint Petersburg: Piter; 2010. 192 p. Russian.
3. Staddon JE. Theory of behavioral power functions. *Psychological review*. 1978;85(4):305–320. DOI: 10.1037/0033-295X.85.4.305.
4. Shishkin IF. Measurements of non-physical quantities (measurements in the noosphere). *Jekonomika kachestva* [Internet; cited 2018 January 16]. 2016;2(14). Available from: www.eq-journal.ru/pdf/14/Шишкин%20Ф._правка.pdf. Russian.
5. Romanchuk VM. Model of rating of non-physical quantity. *Sistemnyi analiz i prikladnaya informatika*. 2017;4:39–44. Russian.
6. Romanchuk VM. The subjective measurement of probability. *Informatika*. 2018;15(2):74–82. Russian.
7. Berri A. *Kratkaya istoriya astronomii* [Short history of astronomy]. Zaimovsky SG, translator; Kunitsky RV, editor. Moscow: Gostekhizdat; 1946. 363 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.07.2018.
Received by editorial board 05.07.2018.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 174(075.8)

Деловой этикет [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-21 05 06 «Романо-германская филология» / сост. И. В. Казакова; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 41 с. Библиогр.: с. 39–41. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/219102>. Загл. с экрана. Деп. 02.05.2019, № 005702052019.

Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Деловой этикет» для специальности 1-21 05 06 «Романо-германская филология» включает в себя пояснительную записку, отражающую структуру ЭУМК, а также цели и задачи учебной дисциплины, требования к ее освоению, особенности структурирования содержания учебного материала и организации учебной работы; теоретический раздел; практический раздел; раздел контроля знаний с примерами УСР; вспомогательный раздел, содержащий учебно-программные материалы, перечень литературы, рекомендуемой для изучения дисциплины.

Электронный учебно-методический комплекс предназначен для студентов филологического факультета БГУ; также может быть использован студентами других учреждений высшего образования.

УДК 159.9.07

Площадка диалогов [Электронный ресурс] : сб. ст. научного психологического кружка «Площадка диалогов» / [редкол.: А. С. Солодухо, Г. А. Фофанова (отв. ред.)]; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 88 с. : табл. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/219453>. Загл. с экрана. Деп. 15.05.2019, № 006115052019.

В сборник вошли статьи студентов, магистрантов и аспирантов кафедры психологии БГУ, являющихся членами научного психологического кружка «Площадка диалогов». В сборнике представлены результаты исследований в области психологии труда и организационной психологии, социальной и медицинской психологии, возрастных особенностей личности, а также практические решения в сфере социальной психологии. Содержание статей может быть полезным в научно-исследовательской, образовательной и практической деятельности психологов и специалистов смежных областей. Все материалы представлены в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

К 30-летию факультета философии и социальных наук

<i>Румянцева Т. Г.</i> Философский факультет: история становления	4
---	---

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Карако П. С.</i> Проблема философских оснований и научности космических идей А. Л. Чижевского	9
<i>Сидоренко И. Н.</i> Диалектика разрыва и проблема системного насилия в постмарксизме.....	16
<i>Барсук И. А.</i> Предпринимательство как социокультурный феномен: историко-философская реконструкция	22
<i>Кулак Н. И.</i> Философия А. Бергсона в критической оценке Г. В. Плеханова	27

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Новиков В. Т., Новикова О. В.</i> Геоклиматический детерминизм как методологическое основание геополитики	32
<i>Радевич Е. В.</i> Основные тенденции социодинамики культуры в трансформирующемся дискурсе глобализации	41
<i>Екадумов А. И.</i> Мимесис и культурно-психологические основания конфликта	47

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Артёменко Е. К.</i> Трансформация семейных ценностей белорусов в региональном контексте...	51
<i>Кашпар В. И.</i> Молодежная DIY-культура: перспектива культурсоциологического изучения	59
<i>Рубанов А. В., Белоусова А. Е., Подоляк Е. Е., Сидоренко А. П.</i> Студент и интернет: опыт сравнительного социологического исследования	67

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Фурманов И. А.</i> Любовные аттитюды в романтических и супружеских отношениях.....	74
<i>Смирнова Ю. С., Зайцева Ю. В.</i> Взаимосвязь гендерных установок и карьерных ориентаций мужчин и женщин на начальных этапах построения карьеры.....	82
<i>Фофанова Г. А.</i> Организационная культура с точки зрения сотрудников социэкономических профессий с различным уровнем удовлетворенности трудом	91

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Романчук В. М.</i> Об эквивалентности законов Фехнера и Стивенса.....	97
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	103

CONTENTS

SPECIAL TOPIC SECTION

To the 30th anniversary of the faculty of philosophy and social sciences

<i>Rumyantseva T. G.</i> The faculty of philosophy: history of formation	4
--	---

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Karako P. S.</i> The problem of the philosophical foundations and scientific nature of the cosmic ideas of A. L. Chizhevsky.....	9
<i>Sidorenko I. N.</i> Dialectics of gap and the problem of systemic violence in post-Marxism.....	16
<i>Barsuk I. A.</i> Entrepreneurship as a socio-cultural phenomenon: historical and philosophical reconstruction	22
<i>Kulak N. I.</i> The philosophy of A. Bergson in a critical assessment by G. V. Plekhanov	27

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Novikau U. T., Novikava V. U.</i> Geoclimatic determinism as the methodological basis of geopolitics....	32
<i>Radevich E. V.</i> The main trends in the sociodynamics of culture in the transforming discourse of globalization.....	41
<i>Ekadumov A. I.</i> Mimesis and cultural-psychological foundations of conflict	47

SOCIAL RESEARCHES

<i>Artsiomenka A. K.</i> Transformation of family values of Belarusians in the regional context.....	51
<i>Kashpar V. I.</i> Youth DIY-culture: a perspective of cultural sociological study	59
<i>Rubanau A. V., Belousova A. E., Podolyak E. E., Sidorenko A. P.</i> Student and internet: attempt of comparative sociological research	67

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Fourmanov I. A.</i> Love attitudes in romantic and marital relationships	74
<i>Smirnova Y. S., Zaitseva Y. V.</i> The relationship of gender attitudes and career orientations of men and women at the initial stages of career building.....	82
<i>Fofanova G. A.</i> Organizational culture from the point of view of employees of socioeconomic professions with different levels of job satisfaction	91

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Romanchak V. M.</i> On the equivalence of Fechner's and Stevens' laws	97
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU.....	103

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 3. 2019**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *Т. В. Мейкшане*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректоры *Л. А. Меркуль, К. Б. Скакун*

Подписано в печать 30.09.2019.
Тираж 100 экз. Заказ 372.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2019

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 3. 2019**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *T. V. Meikshane*
Technical editor *T. A. Karanevich*
Proofreaders *L. A. Merkul', K. B. Skakun*

Signed print 30.09.2019.
Edition 100 copies. Order number 372.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2019